

47
ск
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ

XLVII

47

Арабские страны

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ

XLVII

Арабские страны

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
академика И. А. ОРБЕЛИ

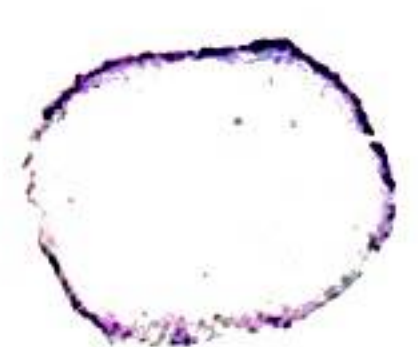
11—16 мая 1959 г. в Ленинграде проходило совещание арабистов, в котором приняли участие ученые основных центров востоковедения Советского Союза.

Совещание работало под председательством акад. И. А. Орбели. Оно как бы продолжило работу двух первых сессий арабистов Советского Союза в 1935 и 1937 гг., созванных в Ленинграде и проведенных под руководством акад. И. Ю. Крачковского.

Было заслушано 80 докладов и сообщений по новой и новейшей истории, истории средних веков, экономике, по изучению рукописей и источниковедению, языку и литературе арабов и семитологии. Доклады были прочитаны учеными различных научных центров, в том числе Института востоковедения АН СССР (Москва — Ленинград), Московского государственного университета им. Ломоносова (Москва), Института этнографии АН (Москва), Государственного музея Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва), а также Советского общества дружбы и культурной связи со странами Арабского Востока (Москва), Восточного факультета Ленинградского государственного университета, Государственного Эрмитажа (Ленинград), Ленинградского Отделения Института этнографии АН СССР, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Института востоковедения и Отдела рукописного фонда АН УзССР (Ташкент), Узбекского государственного университета (Ташкент), Института востоковедения и Отдела рукописного фонда АН АзербССР (Баку), Азербайджанского государственного университета (Баку), Института истории и языкознания АН ГрузССР, Грузинского государственного университета (Тбилиси), Института истории АН АрмССР (Ереван).

В предлагаемый сборник вошла часть докладов, прочитанных на исторической секции совещания.

Редакционная коллегия

С. М. Баццева

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ИБН ХАЛДУНА

В истории экономических учений средние века считаются наименее продуктивным периодом. Поэтому Ф. Энгельс отмечает, что «теоретическими исходными пунктами» политической экономии капитализма являются воззрения древнегреческих мыслителей¹, а не средневековых авторов. Однако в ту пору, когда представители канонической школы в Европе не пошли дальше учения о «справедливой цене», гениальные, по выражению Энгельса, экономические экскурсы греческих авторов получили дальнейшее развитие в трудах ряда ученых Востока. Новый этап развития экономических идей отражен в историко-социологическом трактате великого арабского мыслителя XIV в. Ибн Халдūна «Муқаддима» («Введение»).

Экономические взгляды Ибн Халдūна, несмотря на их ведущую роль в общей системе его социологического учения, мало освещены в специальной литературе. Их изучение начал в 1914 г. С. Колозио, отметивший, какое огромное значение придает Ибн Халдūн таким факторам, как труд и институт собственности, в возникновении и развитии общества². Эта линия исследования получила развитие в 30 — 40-х годах XX в. у арабских и индийских авторов. Подробное изложение экономических взглядов Ибн Халдūна содержит работа ливанского юриста С. Махмассани, тенденциозно связывавшего, однако, ряд положений труда Ибн Халдūна с догмами ислама³. Попытку оценки идей Ибн Халдūна в свете общей истории политической экономии предпринял индийский экономист М. Абдул Кадир⁴.

Более детально, чем все другие исследователи, излагает экономическую теорию Ибн Халдūна египетский ученый М. Нешат⁵, который отмечает, что она — основа концепции Ибн Халдūна. Политические воззрения автора «Муқаддимы» находятся в прямой зависимости от его экономических взглядов. Однако Нешат анализирует их с позиций вульгарно-материалистической буржуазной политической экономии, предшественником которой он пытается изобразить Ибн Халдūна. Примерно ту же мысль развивает и Ш. Исауи⁶.

Исходным принципом историко-социологической концепции Ибн Халдūна является положение о том, что объединение людей в общество

¹ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1953.

² S. Colosio, *Contribution à l'étude d'Ibn Khaldoun*, — «Revue du monde musulman», vol. XXVI, 1914, pp. 318—338.

³ S. Mahmassani, *Les idées économiques d'Ibn Khaldoun*, Lyon, 1932, p. 229.

⁴ M. Abdul Qadir, *The economic ideas of Ibn Khaldun*, — «Indian Journal of Economics», vol. XXII, 1941—1942, pp. 898—905.

⁵ M. A. Nashat, *Ibn Khaldoun, pionner économiste*, — «L'Égypte contemporaine», 1944, № 220, pp. 377—490.

⁶ Ch. Issawi, *Ibn Khaldun. An Arab philosophy of history*, London, 1950, pp. 1—25.

есть результат необходимости совместного труда ради добывания средств к жизни. Основным фактором, определяющим жизнь общества, Ибн Халдун считает хозяйственную деятельность людей. В зависимости от типа хозяйственной деятельности он выделяет два основных вида общественной жизни: сельский и городской. Отношение сельской и городской жизни — это отношение низшей и высшей фаз развития общества. Низшая фаза — фаза примитивного и малодифференцированного производства, низкого уровня жизни. Высшая фаза — фаза развитого и разнообразного производства, высокого уровня жизни. Переход от низшей фазы к высшей есть результат концентрации рабочей силы в одном месте, переселения сельских жителей в города, изменения вида хозяйственной деятельности на основе разделения и усложнения труда. Концентрация рабочей силы и разделение труда позволяют создавать избыточный продукт, который является главным условием материального прогресса⁷. При существующем разделении труда, когда производство каждого конкретного продукта индивидуально, избыточный продукт принимает форму товара, а индивидуальный труд производителей — товарного производства: «Человек, утратив слабость младенческих лет и приобретя способность трудиться самостоятельно, применяет свои силы для производства вещей, с тем, чтобы употреблять их для обмена на то, что ему необходимо» (II, 273)⁸.

Анализируя товарное производство, Ибн Халдун обозначает всю совокупность производимых человеком продуктов труда словом «касб», отмечая, что это «то, чем овладевает человек посредством своего труда и своей силы» (II, 273). Количественно «касб» неоднороден: он является для человека средством к существованию (ма'аиш), если его размер не превышает жизненно необходимого, а если превышает этот размер, то является богатством (райаиш, или мутамавал) (II, 273).

Однако «касб» как материальный предмет обладает одной характерной чертой — он содержит лишь потенциальную возможность быть полезным производителю: «Знай, что касб есть только средство к обладанию богатством и цель его получения» (II, 274). В статичном состоянии «касб» бесполезен, и, чтобы разъяснить это, Ибн Халдун прибегает к юридическому примеру: «наследство, рассматриваемое как принадлежащее покойнику... является „касб“, ибо оно не может быть им использовано» (II, 273).

Если «касб», определенная совокупность продуктов, которая не используется непосредственно их производителем, вступает в процесс реализации и используется для каких-либо нужд человека, то она называется словом «ризк». Если же человек не извлекает из этого пользы для каких-либо благ и потребностей, то это не называют словом «ризк» (II, 273). Ибн Халдун разъясняет значение «ризк» на том же юридическом примере: «Если рассматривать наследство по отношению к наследникам, то оно — «ризк», ибо может быть ими использовано» (II, 273). Производитель превращает «касб» в «ризк», «расходуя это на то, что ему полезно и необходимо» (II, 273).

Таким образом, Ибн Халдун выделяет в каждом производимом для общества продукте особое качество: возможность или невозможность его использования непосредственным производителем. Продукт, беспо-

⁷ Подробнее см.: С. М. Бациева, *Историко-философская теория Ибн Халдуна*, — «Советское востоковедение», 1958, № 1, стр. 75—86.
⁸ Цитируем всюду по изданию М. Катрмэра («Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale», t. XVI—XVIII, pt 1, Paris, 1858).

лезный в своей вещественной форме для производителя, полезен ему способностью быть использованным другими людьми, т. е. этот продукт приносит пользу непосредственному производителю в процессе обмена.

Аристотель, указывая, что каждый продукт служит как непосредственно для потребления, так и для обмена, замечает, что обмен «не есть естественный способ употребления вещи»⁹. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости... однако в действительности невозможно... чтобы... разнородные вещи были соизмеримы»¹⁰. Вплотную подойдя к пониманию стоимости, Аристотель прекращает анализ. Исчерпывающую характеристику взглядов Аристотеля на стоимость дал К. Маркс: «Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости»¹¹. Аристотель не видел, что различные предметы заключают в себе общую субстанцию — человеческий труд¹².

Неудачной попыткой подойти к пониманию категории стоимости является учение о «справедливой цене» раннесредневековых схоластов, явившееся дальнейшим развитием категории «истинной цены» римских юристов. В развитом виде это учение сформулировано в сочинениях Альберта Великого и Фомы Аквинского, которые, введя в анализ стоимостных отношений понятие о затрате труда, определяли все же «справедливую цену» степенью полезности вещи.

Что делает разнородные продукты соизмеримыми и какова мера их соизмеримости? Именно в ответе на этот вопрос Ибн Халдун делает колоссальный шаг вперед по сравнению со всеми предшествующими экономическими теоретиками. Создателем стоимости Ибн Халдун называет человеческий труд, независимый от его конкретной формы, труд всеобщий и вездесущий: «Во всяком продукте неизбежно заложен человеческий труд; и когда это — продукт ремесленного производства, то это ясно, а если эти продукты — животные, или растения, или руды — то и в них неизбежен человеческий труд, как ты видишь... При некоторых ремеслах в продуктах бывает [заложено и нечто] кроме труда — например, в столярном ремесле — дерево, в ткачестве — пряжа, но труд здесь [езде] преобладает... И необходимо, чтоб в стоимость продукта входила стоимость труда, ибо без труда не бывает продукта» (II, 275).

То препятствие, перед которым остановился Аристотель, стесненный узкими границами античного способа производства, было преодолено в новых исторических условиях Ибн Халдуном. Ибн Халдун анализирует общество, где господствуют простые товарные отношения, основывающиеся на индивидуальном качественно равном между собой труде мелких производителей. В сфере обращения находятся лишь те продукты ремесленного или крестьянского производства, изготовление которых затруднительно в условиях домашнего производства; количество этих продуктов сравнительно невелико, все они являются продуктами личного труда выносящих их на рынок лиц. Как показывает Ф. Энгельс, средневековый крестьянин и ремесленник практически имеют уже

⁹ Аристотель, *Политика*, пер. Жебелева, СПб., 1911, стр. 13.

¹⁰ Цит. по кн.: К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 66.

¹¹ Там же.

¹² Подробнее об экономических представлениях Аристотеля см.: К. М. Колобова и Э. Д. Фролов, *Аристотель и его греческие комментаторы. (В поисках формулы стоимости)*, — ВДИ, 1952, № 2, стр. 14—28. Экономические взгляды Аристотеля развиты им главным образом в «Никомаховой этике» — труде, хорошо знакомом арабским ученым.

совершенно ясное представление о субстанции равенства, заключенной в обмениваемых продуктах¹³.

Ибн Халдун был первым известным в настоящее время экономистом, разгадавшим тайну стоимости гениальным открытием труда как субстанции стоимости. Это открытие тем более велико, если сравнить его с состоянием, в котором находилась экономическая наука в его эпоху. Собственно экономической науки не существовало — экономические взгляды считались составной частью этики и фикха. Ибн Халдун неоднократно подвергает уничтожающей критике воззрения, согласно которым этические категории переплетаются с экономическими. Так, приводя определение «ризка» му'тазилитами, утверждавшими, что условием существования «ризка» была праведность обладания продуктом, Ибн Халдун саркастически замечает, что не только праведники богаты, но богатство не избегает и негодяев, а потому «приведение их [му'тазилитов] аргументов не имеет силы» (II, 273—274).

Составной частью религиозно-этических учений являются и экономические взгляды европейских авторов XIII—XV вв. Их экономические доктрины отличаются замечательным единством — для них характерен не каузальный, а нормативный подход. Вместо причинных связей в экономических явлениях искали лишь соответствие религиозно-этической норме, которая носила авторитарный и иерархический характер.

Открыв субстанцию стоимости, Ибн Халдун, однако, в силу исторических условий не сумел установить разницы между стоимостью и ценой, и отсюда — отступления от открытого им закона стоимости. Ибн Халдун указывает, что в основе всякой прибыли, получаемой в процессе реализации товара, лежит количество труда, заключенного в продукте. Стоимость продукта — это прежде всего стоимость заключенного в нем труда¹⁴. «Итак, знай: все, что использует человек и приобретает в качестве богатства — если это из [произведений] ремесла, — является эквивалентом стоимости [вложенного в него] труда; этот предмет является целью хранения, ибо нет в нем ничего, кроме труда, а сам труд не является предметом хранения (т. е. труд овеществляется в продукте. — С. Б.)», (II, 275). «Доходы и приобретения представляются целиком или в большей своей части стоимостью человеческого труда» (II, 275).

Такая формулировка закона стоимости могла быть создана только в условиях простого товарного хозяйства, где действия закона стоимости проявляются на самой поверхности рыночных отношений. Вследствие закономерности совпадения стоимости и цены в условиях простого товарного хозяйства Ибн Халдун вскрыл действие этого закона, но именно поэтому для него осталась непонятной разница между рыночной ценой товара и его стоимостью в тех случаях, когда она возникала. Пытаясь объяснить целый ряд отклонений от стоимости в рыночной цене товара, Ибн Халдун вводит закон спроса и предложения.

Допуская воздействие случайных явлений на стоимость, Ибн Халдун сам иногда отступает от сформулированных им положений. Величина

¹³ Ф. Энгельс, *Дополнение к третьему тому «Капитала»*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. XVI, ч. II, стр. 498—499.

¹⁴ Ибн Халдун не дифференцирует понятий «труд» и «рабочая сила», что совершенно естественно для эпохи простого товарного производства, когда в основе производства лежит не эксплуатация наемного рабочего, а личный труд товаровладельца. Разделение этих двух понятий не знала даже классическая политическая экономия, возникшая в условиях капиталистического производства. Только гений К. Маркса, отчей силой (Ф. Энгельс, *Введение к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал»*, — там же, стр. 130—134).

стоимости хотя и зависит в основном от человеческого труда, вложенного в нее, но на нее могут воздействовать также и случайные факторы. Это отступление Ибн Халдуна от открытого им закона стоимости и было подхвачено буржуазными исследователями, которые не объяснили его корней в условиях производства и сбыта эпохи, но всячески спекулировали на нем, чтобы объявить Ибн Халдуна чуть ли не создателем современной позитивистской «теории равнодействующих факторов».

Ибн Халдун не дал развернутой теории денег, но по отдельным замечаниям, встречающимся в разных главах его труда, видно, что он имел не только ясное представление о функциях денег в пределах простого товарного хозяйства, но и очень близко подошел к пониманию их действительной природы — пониманию денег как особого продукта, в котором воплощен человеческий труд, благодаря которому золото и серебро смогли стать мерой стоимости. «Богатство — золото, серебро, драгоценные камни... являются минералами... так же как железо, медь, свинец и другие минералы и металлы. Общество извлекает их из земли человеческим трудом, и количество их то уменьшается, то увеличивается» (II, 285). Мерой стоимости эти металлы стали в силу своей редкости; это понимал уже, хотя и в превратном виде, Ибн Сйна, которого Ибн Халдун цитирует: «Благодаря мудрости Аллаха эти два металла очень редки, так как они служат воплощением стоимости всего того, что человек создал своим трудом, и всего, что является его богатством» (III, 238). Ибн Халдун видит в деньгах выражение стоимостных отношений между товарами, всеобщий эквивалент и меру стоимости: «Аллах сделал два драгоценных металла — золото и серебро — воплощением стоимости всякого богатства» (II, 274).

Будучи мерой стоимости, золото и серебро теряют свою функцию товара, приобретая взамен новую функцию — функцию средства обращения. «Драгоценные металлы — только инструмент, при помощи которого приобретает то, что необходимо, и от состояния общественной жизни зависит их уменьшение или увеличение» (II, 286).

Живя в стране, тесно связанной экономически с мировым рынком той эпохи, Ибн Халдун разглядел в деньгах и их «мировые» функции как средства обращения, указывая, что количество денег не может превышать нужду общества в них: «Золото и серебро переходят из страны в страну благодаря торговле и обмену для нужд общественной жизни. И если их количество уменьшается в Магрибе и Ифрикийе, то оно увеличивается в странах славян и франков, а если оно уменьшается в Египте и Сирии, то увеличивается в Индии и Китае» (II, 285).

Насколько глубоко понял Ибн Халдун сущность денег как средства выражения отношений товаровладельцев, видно из сравнения его взглядов со взглядами Аристотеля и средневековых европейских авторов. Аристотель, как известно, дал две трактовки денег: как особого товара, превращенного в средство обращения, и как условного знака обращения. Но, признавая за деньгами функцию всеобщего эквивалента, он рассматривает их не как меру стоимости, а как «вещь вполне условную, всецело протivoестественную»¹⁵. Слабейшую сторону взглядов Аристотеля на деньги заимствовала каноническая школа в Европе. Ее крупнейший представитель Николай Орезм (1323—1382) рассматривал деньги как искусственно придуманное богатство, регулируемое волей справедливых и несправедливых государей¹⁶. Напомним, что в Европе

¹⁵ Аристотель, *Политика*, стр. 23.

¹⁶ О теории денег Н. Орезма см.: E. Bridrey, *La théorie de la monnaie au XIV siècle: Nicole Oresme*, Paris, 1906.

истинная природа стоимости и денег, уже в их развитой форме, была вскрыта первым представителем классической политэкономии В. Петти (1623—1687).

Ибн Халдун перешагнул через вульгарную трактовку денег как «вещи вполне условной», указывая на их функцию меры стоимости. Такое понимание денег находится в естественной связи со взглядами Ибн Халдуна на труд как субстанцию стоимости.

Не в деньгах, а в труде и в продуктах труда видит Ибн Халдун истинное богатство народов. Развитие общества Ибн Халдун полностью ставит в зависимость от увеличения «количества труда», количества рабочей силы в городах.

Тот факт, что именно концентрация людей в городах рассматривается Ибн Халдуном как путь развития общества, не случаен: в условиях средневековья, при низком уровне и чрезвычайно медленном развитии средств производства, казалось, что единственным путем, по которому развивалось производство является количественное увеличение рабочей силы, ее концентрация в местах производства. Ибн Халдун исходил из признания труда основой общественной жизни, причем городской труд, по его мнению, представляет высшую форму производительного труда, так как только он создает «избыточный» продукт и избавляет людей от нужды. Большая производительность труда в городах позволяет людям производить «избыточный» продукт; это в свою очередь служит причиной стремления людей к роскоши. «Люди начинают с добывания самого необходимого и простого, затем они стараются удовлетворить менее необходимые нужды, а после этого стремятся к роскоши».

Ибн Халдун выделяет две принципиально различные степени необходимости: насущную необходимость и необходимость в избытке. Первая приводит к образованию общества; по мере ее удовлетворения из нее возникает вторая. «Необходимое — есть корень, а совершенное — ветвь, выросшая из него» (I, 224). Насущная необходимость превращается в часть более общей необходимости и перестает быть руководящей силой общественной жизни — такой силой становится необходимость в «совершенном». Исходя из этого, Ибн Халдун и создает теорию прогрессивного развития общества: «Сельские жители стремятся стать горожанами, чтобы достигнуть жизни в избытке... Горожане, напротив, не стремятся к жизни в сельской местности, если обстоятельства не принудят их к этому» (I, 224).

Тем самым Ибн Халдун по существу производит смену принципов. Он исходит из правильной материалистической предпосылки, что в основе возникновения общественной жизни лежит объективная необходимость добывать средства к существованию; но дальнейшее развитие общества он объясняет субъективными желаниями людей. Вместе с тем Ибн Халдун оговаривается, что эти желания возникают, когда в обществе появляются материальные предпосылки — некоторые накопления. Таким образом, Ибн Халдун попал в заколдованный круг — стремление людей к лучшей жизни зависит от их материального положения, а материальное положение зависит от их стремлений.

Ибн Халдун достиг высшего, возможного в его эпоху понимания законов развития общества. Он вплотную подошел к открытию многих важнейших закономерностей общественного развития, понимание которых явилось уделом ученых нового периода истории. Он остановился перед тем заколдованным кругом домарксовых теорий общественного развития, ликвидировать который мог только диалектический материализм.

О. В. Богусевич

МУХАММАД ДЖЕМАЛЬ АД-ДИН АЛЬ-АФГАНИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Выдающийся общественно-политический деятель мусульманского Востока второй половины XIX в. Мухаммад Джемаль ад-Дин (1839 — 1897) оставил глубокий след в истории освободительного движения восточных народов. В странах Ближнего и Среднего Востока он известен как идеолог буржуазного национализма, как один из первых, обративших внимание на противоречие между интересами общественного, политического, экономического развития восточных народов и политикой западноевропейских колониальных держав¹. Вместе с тем в его взглядах и деятельности нашли отражение противоречия эпохи, в которой он жил, эпохи империалистических захватов, ломки феодальных порядков и становления капиталистических отношений на Востоке. Хотя его литературное наследство невелико — в основном газетные статьи и небольшая брошюра с изложением взглядов на реформу ислама², — до сих пор национальная печать арабских стран, Ирана, Турции, Пакистана полна его высказываниями, выдержками из его различных речей и статей.

Буржуазная (европейская и американская) историография и особенно правонационалистическая печать в некоторых мусульманских странах стремятся преуменьшить значение и актуальность антиимпериалистической деятельности и политических идей Мухаммада Джемаль ад-Дина. Имеющаяся о нем обширная литература рассматривает лишь его религиозно-реформистские взгляды. Джемаль ад-Дина изображают «ревнителем ислама», «символом веры». Что же касается его активного участия в политической жизни ряда восточных стран, его борьбы против иностранного закабаления, за ограничение деспотизма восточных правителей, то эта сторона деятельности почти не освещалась.

Противоречивые оценки взглядов и деятельности Джемаль ад-Дина встречаются и в литературе на русском языке.

Мухаммад Джемаль ад-Дин аль-Афгани родился в 1839 г. в селении Асаадабад, недалеко от Кабула, в семье мусульманского шейха.

¹ О Джемале ад-Дине существует довольно обширная библиография на арабском, персидском, английском и в меньшей степени на турецком, пушту и французском языках. Наиболее ранние и полные работы о Джемале ад-Дине принадлежат М. Махзуми, А. Исхаку, С. Анхури, М. Р. Рида, А. Рафии, М. Касиму, А. Амину, С. Мудальджи, а также Э. Броуну, В. Бланту и др. Издаются и переиздаются воспоминания и рассказы его современников и учеников. Несколько изданий на арабском языке выдержал сборник «Аль-Урват аль-Вуска» — основной источник для изучения взглядов Джемаль ад-Дина.

² Называется «Ответ естественникам»; написана на персидском языке в Хайдерабаде (Индия), куда он был сослан англичанами в 1879 г. Впервые на арабском языке в переводе Мухаммада Абдо она вышла в Бейруте в 1885 г. Последнее известное нам арабское издание: جمال الدين الافغانى، الرد على الدهريين، القاهرة، ١٩٥٥، ص ٨٨

Его отец — сейид Сафдар, как утверждают, был в свое время влиятельным религиозным деятелем. Однако в 40-х годах XIX в. он впал в немилость; эмир Дост Мухаммад конфисковал его имущество и поселил в столице Афганистана на положении опального придворного. Несмотря на материальные затруднения, отец все же сумел дать своему сыну Мухаммаду образование. Это был обычный для того времени курс наук: арабский язык, мусульманская теология, история, суфизм, логика, риторика и др. В 17 лет Мухаммад посетил Индию, где некоторое время учился у европейских учителей, затем совершил хадж в Мекку. В 1857 г. он вернулся на родину и прослужил более одиннадцати лет у эмира Дост Мухаммада, а после его смерти у одного из его сыновей.

В 1868 г. Джемаль ад-Дин вынужден был эмигрировать сначала в Иран, затем в Индию. В последующие годы он на короткое время появляется в Египте и Турции. В этот период, много разъезжая, он выступает на различных собраниях, в кофейнях, клубах, молодежных кружках. Его аудитория — это в основном немногочисленная тогда еще интеллигенция, низшее духовенство, ремесленники, городская беднота. Особенно молодежь с энтузиазмом воспринимала его высказывания о суверенных правах и национальном достоинстве народов Востока, его призывы к сопротивлению иностранному господству и к заимствованию технических и научных достижений Запада. Многим импонировали его смелая критика отживших догм ислама, попытки по-новому толковать Коран.

В течение девяти лет (с 1871 по 1879 г.) Джемаль ад-Дин активно участвовал в политической жизни Египта и борьбе его народа против закабаления страны европейскими банкирами. Изгнанный за это из Египта, он провел около трех лет в Британской Индии. После этого, в 1883 г., он поселился в Париже, где вместе с Мухаммадом Абдо издавал газету «Аль-Урват аль-Вуска»³. Это была первая на арабском языке газета, которая выступила против английской оккупации Египта и готовившегося завоевания Судана. Резкие антиимпериалистические статьи газеты быстро завоевали ей популярность и известность. Вскоре она была закрыта в результате мер, предпринятых против нее английскими правящими кругами.

В течение 1887—1890 гг. Джемаль ад-Дин на короткое время появляется в Лондоне, Москве, Петербурге и Тегеране. В Лондоне он пытался издавать газету «Зия аль-Хафикейн», резко направленную против деспотизма шаха Ирана Насер ад-Дина. Вышло лишь несколько номеров.

В России Джемаль ад-Дин был недолго. Известна его беседа с царем, в ходе которой царь высказал несогласие с антишахскими взглядами собеседника и его соображениями об ограничении абсолютной власти правителя парламентом. В Иране Джемаль ад-Дин принял участие в борьбе иранского народа против табачной концессии. Это, а также предложенные им реформы и открытая критика шаха привели к тому, что он был арестован и выслан из Ирана.

³ Газета «Аль-Урват аль-Вуска» (العروة الوثقى) издавалась в 1884 г. в Париже на арабском языке. Всего вышло 18 номеров. Впоследствии статьи из газеты печатались в работах отдельных арабских историков, а также издавались в сборниках. Последний такой сборник вышел в Каире в 1957 г.: الثورة التحريرية الكبرى، القاهرة، ١٩٥٧، ٣٢ + ٤٢٨ ص.

В 1891 г. он снова ненадолго приехал в Англию, а затем отправился в Турцию, где и умер 9 марта 1897 г.

В настоящем кратком сообщении мы останавливаемся лишь на египетском периоде (1871—1879) деятельности Джемаль ад-Дина.

* * *

22 марта 1871 г. 32-летним молодым человеком приехал Джемаль ад-Дин в Египет. К тому времени он был уже достаточно известен своей критикой английской колониальной политики на Востоке. Кроме того, в глазах простых людей он выглядел до некоторой степени мучеником, жертвой произвола и несправедливостей: со своей родины он был изгнан за активное участие (1860—1869) в политической борьбе на стороне противников тесного союза Афганистана с Англией. Такая же участь его постигла в Турции. В начале 1871 г. он спешно покинул эту страну после его публичного спора с реакционными улемами, нашедшего в Стамбуле, — спора внешне схоластического, однако по существу затрагивавшего острые вопросы внутреннего развития тогдашней Турции и других мусульманских стран, испытывавших на себе влияние колониальной политики Англии и Франции⁴.

70-е годы XIX в. известны в египетской истории как период национального пробуждения, период борьбы за реформы, борьбы против усилившегося иностранного закабаления. С начала 70-х годов все острее давали себя чувствовать пагубные последствия финансовой зависимости Египта от западноевропейского монополистического капитала. В угоду иностранным монополиям экономика страны приобретала однобокий, уродливый характер; усиливалась эксплуатация феллахов; приходило в упадок местное ремесленное и промышленное производство. Хозяиначанье иностранцев не только разоряло египетских феллахов и ремесленников, но и все более ограничивало сферу деятельности национального капитала.

В этих условиях недовольство широких народных масс Египта усиливалось. Стали появляться первые тайные кружки молодежи, литературные общества; по рукам ходили рукописные листовки, памфлеты, в которых говорилось о тяжелом положении феллахов, обращалось внимание на общую отсталость Египта в сравнении с Европой, высмеивались жадность и расточительность хедива, его раболепие перед иностранцами. Обходя цензурные рогатки, отдельные каирские газеты публиковали телеграммы из революционной Франции о боях парижских коммунаров, об освободительной борьбе шотландцев, о реформаторском движении «новых османов» в Турции и т. п.

Наиболее активно выражали недовольство патриотически настроенные египетские торговцы, ремесленники, а также учащаяся молодежь, мелкая и средняя городская буржуазия. Именно в их среде находили живейший отклик и сочувствие идеи освобождения от иноземного гнета, идеи политического, экономического и культурного возрождения.

Обосновавшись в Каире, Джемаль ад-Дин сплотил вокруг себя группу патриотической, прогрессивно настроенной молодежи (Адиб Исхак, Якуб Санаа, Абдалла Надим, Мухаммад Абдо, братья аль-Мувейлихи — Абд ас-Салям и Ибрахим, Селим Наккаш, Ибрахим аль-Лякани

⁴ Подробнее об этом см.: E. G. Browne, *The Persian revolution of 1905—1909*, London, 1910, pp. 6—7.

и многие другие, ставшие впоследствии известными буржуазными писателями, общественными и политическими деятелями). Они собирались в доме Джемаль ад-Дина и слушали его беседы на актуальные политические, естественнонаучные и другие темы. Он почти ежедневно выступал в кофейнях, на площадях Каира, участвуя в дискуссиях и спорах. Кроме того, Джемаль ад-Дин давал частные уроки в некоторых домах каирской знати.

Большого размаха и известности деятельность Джемаль ад-Дина приобрела после 1875 г. С этого времени начался период подъема освободительной борьбы египетского народа. Правящая феодальная верхушка во главе с хедивом все более и более компрометировала себя сотрудничеством с колонизаторами (продажа Англии египетской доли акций Суэцкого канала, попытка отменить под нажимом европейских кредиторов закон о мукабале, злодейское убийство противившегося этим мерам министра финансов, введение смешанных судов, установление власти «европейского кабинета» и т. д.). В то же время египетские помещики, не связанные прямо с иностранным капиталом торговцы, ремесленники и промышленники все настойчивее требовали защиты своих интересов от посягательств иностранцев. Египетская буржуазия добивалась изменения налогообложения в пользу национального капитала, осуществления ряда реформ, гарантировавших ему прибыльную деятельность, и ограничения вмешательства европейских банкиров и ростовщиков.

Национальные требования египтян находили свое выражение через печать, Совецательную палату депутатов и через различные политические общества и организации. Именно в этих трех направлениях развивалась наиболее успешно и деятельность Джемаль ад-Дина после 1875 г. При его непосредственном участии в Каире и Александрии появился ряд газет («Мыср», «ат-Тиджара», «Мираат аш-Шарк», «Абу Надара» и др.)⁵, на страницах которых писалось о тяжелом положении египетского народа, о предательской политике хедива и его окружения, разоблачалась колонизаторская политика Англии. В частности, как пишет египетский историк М. Р. Рида, две статьи в газете «Мыср» самого Джемаль ад-Дина — «О положении восточных правителей» и «Правда об англичанах и афганцах» — «вызвали возбуждение в египетском обществе и привлекли внимание английских деятелей». В этих статьях, отмечал египтянин М. Касим, Джемаль ад-Дин показывал подчиненное положение правителей в тех восточных странах, которые находятся под иностранным господством. Он также «разъяснял методы англичан и их хитрости при колонизации Востока»⁶.

Очень часто прогрессивные египетские газеты того периода обращались к вопросам реформы правления, введения в стране конституционного парламентского режима. Буржуазная идея ограничения деспотической власти хедива парламентом много раз высказывалась Джемаль ад-Дином. Он считал, что одной из причин упадка Египта было плохое управление страной хедивом. «Часто невежественные правители, — говорил он в беседе с одним из улемов, — отождествляют себя с государством. По их мнению, „воля короля есть закон королевства“. Эта формула противоречит интересам нации, и необходимо, чтобы нация

⁵ فيليب دي طرازي، تاريخ الصحافة العربية، بيروت، ١٩١٣، ص ٢٩٣—٢٩٩.

⁶ محمود قاسم، جمال الدين الافغانى — حياته و فلسفته، القاهرة [S. a.]، ص ٢٧—٢٨ (далее — М. Касим, Джемаль ад-Дин).

всеми силами боролась против такого положения. Истина состоит в том, что воля неподневольного народа, который не только на словах, но и на деле пользуется своей свободой, является тем настоящим законом, которому правитель должен служить, быть ему верным, и который он должен проводить в жизнь»⁷.

Другим каналом, посредством которого возможно было воздействовать на египетское общественное мнение, Джемаль ад-Дин считал Совецательную палату депутатов. Созданная указом хедива Исмаила в 1866 г. и представлявшая собой небольшую группу назначенных лиц из феодальной знати, эта палата была совещательным органом при хедиве и никакого влияния на политическую жизнь страны не оказывала. В течение первых десяти лет существования она созывалась хедивом от случая к случаю, когда ему нужно было показать «народное одобрение» того или иного своего решения.

С подъемом освободительного движения в середине 70-х годов создавались условия для вовлечения в борьбу самых широких народных масс. При наличии независимой буржуазной печати палата депутатов приобретала значение всеегипетской трибуны. В такой обстановке Джемаль ад-Дин предложил преобразовать Совецательную палату в действенный орган народного представительства, выдвинул идею ответственности правительства перед палатой. Как пишет М. Махзуми, «Джемаль ад-Дин считал, что всякий правитель стремится к абсолютной власти, а самыми сокровенными чаяниями угнетенных народов являются стремления к избавлению от иностранного ярма и его власти». Он предостерегал против создания марионеточной палаты депутатов в Египте. «Значение народного представительства и существование любой палаты депутатов, созданной волей короля или эмира или поддерживающей их иностранной силой, всегда будут видимыми и будут зависеть от желаний тех, кто ее создал». Джемаль ад-Дин говорил, что «значение представительства любой нации может быть действительным лишь в том случае, если оно исходит от самой нации»⁸.

Взгляды Джемаль ад-Дина на роль и значение народного представительства в Египте разделялись не только его учениками и друзьями, но и широкими кругами национальной буржуазии. Не удивительно поэтому, что когда в 1876 г. хедив прибегнул к помощи палаты, чтобы придать силу закона ранее изданному им указу об отмене мукабалы, то большинство депутатов высказалось против этой меры хедива как противоречащей «национальным интересам» (в данном случае это были интересы египетской буржуазии). С этого момента, по определению египетских историков, в палате депутатов возник «дух оппозиции» иностранному господству и деспотической власти хедива⁹. Носителями этого «духа» были политические друзья Джемаль ад-Дина; из них особенно деятельным был депутат Абд ас-Салам аль-Мувейлихи. Впоследствии, на сессиях палаты третьего созыва (с ноября 1876 по июль 1879 г.) этот «дух оппозиции» неоднократно проявлялся, причем иногда в очень резкой форме. В результате Совецательная палата третьего созыва

⁷ Цит. по кн.: محمد المحزومي، خطرات جمال الدين، بيروت، ١٩٣١، ص ٤٧ (далее — М. Махзуми, Хатырат).

⁸ Там же.

⁹ ١٥٢، ص ٢، ج ٢، عصر اسماعيل، (далее — А. Рафин, Эпоха Исмаила).

оказала существенное влияние на успешное развитие освободительного движения египетского народа.

Большое внимание Джемаль ад-Дин уделял созданию такой политической организации, которая обеспечила бы осуществление провозглашенных им целей: освобождение страны от иностранного господства и установление конституционного режима. Развитие освободительного движения в Египте после 1875 г. (массовые депутации к хедиву с петициями от феллахов, отказ целых деревень от уплаты налогов, офицерский «бунт» в Каире и др.) настоятельно требовало организационного оформления национальных сил. В Египте тогда не было ни одной национальной организации, которая могла бы открыто заявить о своих политических целях. Единственным легальным обществом была Шотландская ложа масонов (филиал английской масонской ложи). Ее немногочисленные члены были крупными феодалами (в том числе и из хедивской фамилии), торговцами и ростовщиками, связанными с английскими банками и промышленниками.

В 1878 г. Джемаль ад-Дин вступил в Шотландскую ложу и, как уверяют его биографы, за короткое время стал фактически одним из ее руководителей¹⁰. Однако его пребывание там было недолгим. В том же году произошел бурный разрыв между ним и остальным руководством ложи, подробно описанный тогда же каирскими газетами. Причиной разрыва было различное понимание задач ложи. Вопреки официальному руководству Джемаль ад-Дин считал, что масоны должны были заниматься активной политической работой. «Первое, чего я страстно желал, — говорил он, — это построить здание свободы под великим и достойным символом: свобода, равенство и братство... Свобода, равенство и братство означает разрушение основ угнетения, жестокости и деспотизма. А разве не этого хотят масоны?..» Джемаль ад-Дин подверг резкой критике политику Англии в Египте и зависимость Шотландской ложи от английского центра: «Если же ложа не должна вмешиваться в политику, а вольные каменщики не должны использовать свои инструменты для разрушения старого и возведения истинного здания свободы, равенства и братства, — то пусть никогда не поднимут их руки молоток и угольник!»¹¹.

Вместе с Джемаль ад-Дином из Шотландской ложи вышло несколько его приверженцев и последователей. Они и составили ядро новой, Национальной ложи («аль-Махфиль аль-Ватани»), основанной в 1878 г. во главе с Джемаль ад-Дином. За короткий срок число ее активных членов превысило 300. Национальная ложа имела стройную организацию; председатель руководил секциями: военной, юридической, финансовой, общественных работ и др. Во главе секций стояли видные писатели, общественные и религиозные деятели (братья Мувейлихи, А. Исхак, М. Абдо и др.)¹². Работа секций состояла в поддержании связей с соответствующими министерствами и в «устранении несправедливостей и неполадок». Секция общественных работ, например, добивалась равной оплаты за равный труд египтян и европейцев; военная секция требовала равных условий прохождения военной службы для египтян и «черкесов»; финансовая секция боролась против коррупции и воровства и т. д. Деятельность секций, как правило, становилась известна широкой общественности. «Движение за права, — пишет

¹⁰ قدری قلعبی، جمال الدین الافغانی — حکیم الشرق، بیروت، ۱۹۵۶، ص ۴۰ (далее — К. Кальбджи, *Джемаль ад-Дин*).

¹¹ М. Махзуми, *Хатырат*, стр. 41.

¹² Там же, стр. 45—46.

М. Касим, — усилилось... особенно после того, как стало известно, что аль-Афгани готовит своих учеников к грядущей революции; он пробуждал в них патриотизм, учил любить свободу, призывал требовать конституционного правления для контроля над правителями»¹³.

В начале 1879 г. внутривосточная обстановка в Египте резко обострилась из-за голода (феллахи вымирали целыми деревнями, а купоны по долгам европейским банкирам оплачивались исправно), из-за принявших чудовищные размеры коррупции и продажности правящих кругов. Политические позиции общественных сил внутри Египта определялись более четко. С одной стороны, кучка компраторов, олицетворением которых был тогда премьер-министр Нубар-паша, ориентировалась на иностранцев и их капитал. С другой стороны, большая часть национальной буржуазии и либеральных помещиков видела выход в устранении от власти хедива Исмаила, Нубар-паши, в снижении ссудного процента по консолидированному долгу, в передаче ведения национальных дел в руки самих египтян. Все это должно было привести к ослаблению иностранного давления, уменьшению экономического гнета, большему участию в делах страны египтян вообще и представителей торгово-ростовщического и промышленного капитала в особенности. Эту точку зрения отстаивали в то время Национальная ложа, несколько тайных и полуполигальных националистических обществ, а также палата депутатов и газеты «Мыср», «ат-Тиджара» и другие.

Однако влияние устной и печатной пропаганды националистических идей было еще очень ограниченным. Оно охватывало лишь городскую буржуазию, интеллигенцию, учащихся. Выступление групп египетских офицеров в феврале 1879 г. против иностранного засилья в стране (так называемый офицерский «бунт») показало узость социальной базы Национальной ложи. Несмотря на одобрение деятелями ложи действий офицеров, их протест не был поддержан всем народом. И хотя в результате выступления офицеров правительство Нубар-паши вынуждено было выйти в отставку, основное требование патриотов — вывести из правительства министров-иностранцев — не было удовлетворено¹⁴.

К этому периоду относятся сведения источников о предложении Джемаль ад-Дином тактики индивидуального террора как средства достижения политических целей. По-видимому, под влиянием бланкизма он приходит к убеждению, что осуществить политические реформы и ликвидировать иностранный контроль в Египте можно скорее всего путем заговорщической деятельности «образованного меньшинства», путем физического уничтожения «плохих правителей». Вместе с Мухаммадом Абдо им был разработан детальный план убийства хедива Исмаила. Однако осуществить этот план заговорщикам не удалось¹⁵.

В начале 1879 г. группировавшиеся вокруг Национальной ложи организации и политические деятели объединились в Свободную национальную партию Египта («Хизб аль-Ватани аль-Хурра») ¹⁶. Джемаль ад-Дин во главе делегации от этой партии посетил Тевфик-пашу и французского консула в Египте и информировал их о деятельности и задачах партии. «Это было началом партийной политической жизни

¹³ М. Касим, *Джемаль ад-Дин*, стр. 42.

¹⁴ Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, М., 1959, стр. 69—71.

¹⁵ W. Sc. Blunt, *Secret history of the English occupation of Egypt*, London, 1907, p. 489.

¹⁶ محمد رشيد رضا، تاريخ أستاذ الامام الشيخ محمد عبده، ج ۱، القاهرة، ۱۹۳۱، ص ۷۰ (далее — М. Р. Рида, *Тарих Мухаммад Абдо*).

П 37377

Центральная библиотека

в Египте, — пишет К. Кальяджи. — От имени Национальной партии... впервые был провозглашен патриотический лозунг „Египет для египтян!“¹⁷ Джемаль ад-Дин заявил, что Свободная национальная партия добивается широких политических реформ, однако их осуществление невозможно, пока страной управляет хедив Исмаил. Поэтому партия выступала за передачу власти его сыну — Тевфику. Отношение национальной партии к Тевфику изменилось после того, как он, став премьером, продолжал политику прежнего правительства Нубар-паши.

Важным документом, оказавшим большое влияние на политическую жизнь страны, была выработанная партией «Национальная программа». Подписанная 337 видными египетскими деятелями, она предусматривала: 1) отклонение проекта погашения долгов, выработанного англичанами, и принятие египетского контрпроекта, намечавшего погашение долгов без новых займов; 2) признание принципа ответственности правительства перед палатой депутатов (особенно в вопросах поступления и расходования государственных средств) и выработку нового устава палаты и нового порядка избрания депутатов (по европейскому образцу)¹⁸.

Несмотря на резкие возражения английского и французского консулов, хедив Исмаил вынужден был принять требования «Национальной программы»¹⁹. В апреле 1879 г. Тевфик-паша вместе с министрами-иностранцами вышел в отставку, и новое правительство, теперь уже целиком египетское, было сформировано Шериф-пашой, пользовавшимся поддержкой Национальной партии.

В этот период Джемаль ад-Дин развивает бурную деятельность, разъезжает по городам Северного Египта, выступает на митингах и собраниях. И хотя сведения об этом очень скудны, все же известно, что примерно в июне — июле 1879 г. им было создано в Александрии «общество младоегиптян», объединившее как египетскую, так и неегипетскую молодежь²⁰. Общество издавало газету «Мыср аль-Фатат», которая резко критиковала деспотический режим в стране, сговор хедива с иностранцами. Общество обратилось к хедиву с петицией, в которой потребовало ввести конституцию, установить ответственность правительства перед палатой, ввести равенство всех граждан перед законом, всеобщее избирательное право, бесплатное образование. Известен отрывок из этой петиции, опубликованный русским автором Ю. Лавриновичем. В нем в следующих выражениях описывалось положение внутри страны: «Масса народа, обложенная выше своей платежеспособности в пользу небольшой кучки эксплуататоров; возрастающая со дня на день нищета; все растущее число случаев отнятия земли; первобытная и небрежная система сельского хозяйства; недостаток орошения, пользование которым доступно только более сильным; необузданная спекуляция, жертвой которой является феллах, попадающий в руки кулаков; безответственность чиновников; отсутствие серьезного контроля; неполнота и разрозненность действующих законов; дурное отправление правосудия; неправильное соби́рание налогов; взяточничество и интриги чиновников; плачевное состояние финансов; полное истощение источников дохода; все более усложняющееся политическое положение — такова картина, которую представляет наша страна»²¹.

¹⁷ К. Кальяджи, *Джемаль ад-Дин*, стр. 42.

¹⁸ А. Рафии, *Эпоха Исмаила*, т. 2, стр. 182—183.

¹⁹ Подробнее о вмешательстве Англии и Франции в дела Египта в тот период см.: Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 73—83.

²⁰ М. Р. Рида, *Тарих Мухаммад Абдо*, т. I, стр. 75.

²¹ Ю. Лавринович, *Конституционное движение в Египте*, — «Вестник Европы», кн. 12, 1909, стр. 788.

Любопытна характеристика Джемаль ад-Дина, данная александрийским корреспондентом лондонской «Таймс». В письме от 20 августа 1879 г. он писал: «Имя Джамад аль-Дина (искаженное Джемаль ад-Тайной силы в Египте. Его непререкаемый авторитет и влияние установившись среди низших и малообразованных классов... Большую часть торым он дает указания... Я интервьюировал этого египетского Клеона. После всего, что я слышал, я нашел его, к моему большому удивлению, человеком с самыми кроткими манерами. Конечно, в его взгляде не было ничего особенного, и он не выражал фанатизма, который ему приписывают. Однако он имеет твердо установившиеся идеи и знает, как убедительно их изложить. К европейскому вмешательству он не терпим. Лозунг „Египет для египтян!“ он отстаивает самыми крайними доводами. И когда я попытался оспаривать его утверждение о том, что министерство Вильсона-Блиньера дало самые отрицательные результаты замечанием, что в то время были снижены налоги, то он упорно настаивал на том, что это было результатом выражения туземного общественного мнения и неизбежно было бы сделано и туземным правительством. Когда же я спросил его, какое правительство он предпочел бы на месте вице-короля, то у него оказался целый перечень имен. Шериф-паша, — сказал он, — может быть терпим только на время, пока „Молодой Египет“ соберется с силами»²².

При прямом участии представителей Национальной партии в июне 1879 г. палатой депутатов были выработаны два документа — Конституция и Положение о выборах. Их подготовила так называемая Конституционная комиссия из 15 депутатов во главе с Абд ас-Салямом аль-Мувейлихи²³. Конституция провозглашала буржуазные свободы в Египте, устанавливала ответственность исполнительной власти перед законодательной, исключала какое бы то ни было участие иностранцев в управлении страной. Положение о выборах копировало европейское буржуазное избирательное право, увеличивало нормы представительства городской буржуазии за счет ограничения права хедива назначать в палату угодных ему лиц.

Естественно, что введение в действие Конституции и Положения о выборах означало бы для Египта такие изменения, которые можно охарактеризовать как революционные. Этому не могли допустить ни Англия, ни другие европейские державы. В результате ряда маневров им удалось воспрепятствовать утверждению этих документов хедивом.

В конце июня 1879 г. хедив Исмаил не без участия западных держав был заменен Тевфиком. Новый хедив быстро нашел общий язык с европейскими банкирами: через неделю после прихода к власти он распустил палату депутатов, а еще через несколько недель правительство Шериф-паши ушло в отставку, и хедив сам возглавил новое правительство²⁴.

Одной из первых мер Тевфика был арест и высылка из страны 26 августа 1879 г. Джемаль ад-Дина. Ему было предъявлено обвинение в посягательстве на законную власть. В каирских газетах от 28 и 31 августа было опубликовано официальное сообщение, в котором Дже-

²² «The Times», 30.VIII.1879.

²³ А. Рафии, *Эпоха Исмаила*, т. 2, стр. 194—200.

²⁴ Подробнее об этом см.: Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 84—95.

маль ад-Дин назывался «главой тайного общества безрассудных молодых людей, собиравшихся с целью разрушения веры и государства»²⁵. Лондонская газета «Таймс» в день высылки Джемаль ад-Дина из Египта сообщала об этом факте в двух строчках: «Александрия. 26 августа. Джамад аль-Дин, известный афганский интриган, пользующийся значительным влиянием среди фанатичных элементов, был выслан и отправлен в Джидду»²⁶.

Так закончилось почти десятилетнее пребывание Мухаммада Джемаль ад-Дина в Египте, его активное участие во внутривосточной жизни египетского народа. На деятельности Джемаль ад-Дина в Египте лежал отпечаток его классовой ограниченности, непоследовательности, крайнего национализма. Выступая с критикой существовавших порядков от имени феллахов, он в то же время не видел в деревенской бедноте силы, способной на революционные выступления. В своей политической борьбе Джемаль ад-Дин делал ставку на «просвещенные классы» (учащихся, чиновную интеллигенцию, лиц свободных профессий, духовенство и др.). Это объясняет изолированный от народа, верхушечный характер движения за реформы в Египте, что облегчило его быстрый и сравнительно легкий разгром в 1879 г.

Многие арабские авторы (М. Р. Рида, А. Рафии, А. Амин, М. Касим, С. Мудальджи и др.), касаясь деятельности Мухаммада Джемаль ад-Дина в 70-х годах, справедливо подчеркивают, что его политические идеи нашли в тогдашнем Египте благодатную почву. Его просветительская деятельность, критика политики Англии и хедива, призывы к борьбе за национальную независимость — все это способствовало пробуждению национального самосознания египтян, объективно отвечало назревшим требованиям развития египетского общества. Тот факт, что деятельность Мухаммада Джемаль ад-Дина, его политические лозунги и требования облекались им часто в традиционно мусульманскую форму, имели религиозную окраску, отнюдь не уменьшает их политической остроты, их антиимпериалистической и антифеодальной в целом направленности.

²⁵ А. Рафии, *Эпоха Исмаила*, т. 2, стр. 136.

²⁶ «The Times», 26.VIII.1879.

К. А. Бойко

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ В. Г. ТИЗЕНГАУЗЕНА

В Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР хранятся бумаги известного русского востоковеда, историка и нумизмата Владимира Густавовича Тизенгаузена (1825—1902). Материалы, отложившиеся в результате его научной деятельности, составляют фонд № 52 в объеме 213 специальных единиц хранения. Настоящая работа ставит целью осветить некоторые наименее известные материалы, заслуживающие, как нам кажется, внимания.

Подавляющее количество документов архива относится к деятельности Тизенгаузена как историка Ближнего Востока и нумизмата, и лишь незначительное их число характеризует его как археолога. В записях исторического характера немалое место занимают сведения о Золотой Орде, предмете его многолетних трудов. Это — прежде всего авторский экземпляр «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (СПб., 1884) с поправками самого ученого, объемистые рукописные извлечения из персидских хроник и «Сборные материалы для истории Золотой Орды в алфавитном и хронологическом порядке», представляющие различные сведения библиографического характера.

К нумизматической части фонда следует отнести авторский экземпляр известного труда «Монеты восточного халифата» (СПб., 1873) с огромным количеством внесенных позже дополнений и всевозможные выписки из работ западноевропейских нумизматов. Много дополнений Тизенгаузен внес и в изданный Б. А. Дорном посмертный труд Х. Д. Френа о восточных монетах, печатный текст которого хранится здесь же¹.

В бумагах Тизенгаузена встречаются его выписки из рукописей Френа; таковы, например, «Bibliotheca numaria Muhammedana (Catalogus chronologicus)», доведенная Френом до 1851 г. и в значительной степени дополненная после его смерти Тизенгаузенем, а также копия сделанного Френом перевода записки Абӯ Дулафа (из Йақӯта) на немецкий язык с примечаниями и комментарием.

Придавая большое значение специальной библиографии, Тизенгаузен немало труда вложил в составление различных каталогов и указателей, которые вошли в фондовые материалы. К подобным указателям можно отнести «Картотеку восточных географических названий и имен собственных», «Указатели восточных личных имен в русских летописях и других материалах» и ряд карточных каталогов, посвященных работам по Востоку, мусульманской нумизматике, археологии, «русским древностям». К ним же относится по характеру «Перечень географических названий к сочинению ал-Қазвйнӣ „Асър ал-билад“» (список на шести листах).

¹ Ch. D. Fraehnii, *Opusculorum postumorum pars prima edidit* Bernh. Dorn, Petropoli, MDCCCLV.

Кроме работ ученого по истории Востока и нумизматике, можно выделить особо материалы, связанные с «мусульманскими древностями» (realia), и письма; им и посвящено дальнейшее изложение этой заметки.

В последние годы жизни В. Г. Тизенгаузена его занятия нумизматикой (областью науки, которую он считал для себя чуть ли не основной) отошли на задний план. Отодвигалось на будущее и намерение издать собранные им персидские источники по истории Золотой Орды, издавать оставшиеся тогда еще в рукописи. Это объяснялось тем, что на протяжении ряда лет, особенно начиная со второй половины 90-х годов XIX в., ученый серьезно работал над большим исследованием, посвященным восточным realia, — «Историей предметов роскоши мусульманского Востока X—XV вв.»².

Совсем незадолго до смерти в письме к английскому ученому С. Лэн-Пулю Тизенгаузен писал³: «Что касается меня, то я оставил с 18 марта⁴ свою службу при Археологической комиссии и посвящаю полностью остаток своей жизни изучению предметов искусства и роскоши (les objets d'art et de luxe), которые были в употреблении на мусульманском Востоке в течение первых восьми веков хиджры. С этой целью мне удалось собрать немалое количество материалов, интересных рукописей, которые я надеюсь опубликовать в будущем году. В 1899 г. я совершил четырехмесячную поездку по странам Европы: Германии, Франции и Австрии, откуда намеревался отправиться также в Каир, но чума помешала мне реализовать этот план. Эта работа отвлекла меня от моих занятий нумизматикой»⁵. В другом письме, написанном также одному из иностранных корреспондентов, встречаем по этому же поводу следующие строки⁶: «Многотомная работа (о предметах искусства и роскоши мусульман) настолько поглотила мое время, что я был вынужден отказаться на несколько лет от занятий нумизматикой». Стремлением выйти в отставку и добиться, наконец, долгожданного «спокойствия», необходимого «для успешного окончания некоторых давно начатых научных работ», проникнуто и письмо к А. А. Бобринскому⁷.

Материал, о котором идет речь, тщательно и постепенно собирался по мере изучения многих средневековых исторических памятников, он относился исключительно к области Арабского Востока и был почерп-

² См. об этом: «Барон В. Г. Тизенгаузен» (некролог), — «Известия Археологической комиссии», вып. 2, 1902, стр. 112—126; В. Р. Розен, *Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена*, — «Записки Восточного отделения русского археологического общества» (далее — ЗВОРАО), т. XVI, 1906, стр. 231—236; «Новое время», 6.II.1902, № 9313.

³ Выдержка цитируется по черновику письма от 5.XI.1901 г., хранящегося в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР (далее — Архив востоковедов), ф. 52, оп. 2, № 69, л. 46.

⁴ 1900 г. Согласно «Формулярному списку о службе», уволен 27.V.1900 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 3, № 19).

⁵ Отклик С. Лэн-Пуля на это сообщение см. в его письмах Тизенгаузену, — Архив востоковедов, ф. 52, оп. 2, № 43, л. 110а. — Насколько известно, ни один из биографов ученого не приводит сведений о его поездке за границу в 1899 г. с указанной целью (см. об этом «Формулярный список о службе»). Составленные Тизенгаузенем списки рукописей, которыми он пользовался во время путешествия по странам Европы и которыми он думал воспользоваться в Каире, см. в Архиве востоковедов (ф. 52, оп. 1, № 44).

⁶ Цитируется по черновому письму к неизвестному лицу без указания даты (Архив востоковедов, ф. 52, оп. 2, № 71, л. 15а).

⁷ Цитируется по черновому письму от 4.XI.1896 г. (Архив востоковедов, ф. 52, оп. 2, № 16).

нут из сочинений арабских авторов: историков и географов. Тизенгаузен использовал как бывшие в рукописях, так и изданные хроники, из них он выписывал весьма разрозненные отрывки, содержавшие описания множества памятников восточного бытового искусства. Ученым были просмотрены по меньшей мере десятки арабских источников и произведения сравнения различных вариантов. Основной круг источников включал произведения таких авторов, как Абū-л-Махасин, ал-Мас'удī, Йақūt, ал-'Айнī, Ибн Ийас, ал-Мақрīзī, ал-Маққарī, Абū-л-Фидā, ал-Муқаддасī, ал-Идрīsī, Ибн ал-Асīр, Ибн Баттута, Ибн Дуқмақ.

Все извлечения требовалось снабдить точным, комментированным переводом. Но Тизенгаузен видел осуществление намеченной цели не только в сборе и переводе соответствующих выдержек из арабских текстов, считая это решением лишь одной филологической стороны вопроса; он намеревался подвергнуть собранный материал детальному анализу под углом зрения предметной археологии и истории. Осветив realia в этих трех важнейших аспектах, ученый надеялся «тем самым оказать услугу как истории и археологии, так и восточной филологии»⁸.

На пути изучения средневекового мусульманского искусства в науке делались первые шаги; это объяснялось в немалой степени скудостью материала, который имелся налицо. Тизенгаузен отмечал, что, кроме мелких статей о восточных древностях, имеются весьма немногочисленные капитальные труды западноевропейских ориенталистов. Столь же малочисленными были и научные издания подобных памятников. Становилась очевидной необходимость глубокого изучения этого предмета.

Подготавливая свой труд к печати, ученый писал: «Между вещественными остатками древности мусульманского мира до сих пор, как известно, главным образом изучались и издавались памятники письменные, архитектурные и нумизматические, в особенности последние благодаря изобилию и разнообразию сохранившихся и дошедших до нас монет. К этому разряду следует присоединить еще разнообразные серебряные изделия, найденные в Северо-Восточной Европе, большей частью вместе с куфическими монетами. Специальных исследований по другим предметам этой отрасли знаний пока явилось немного, и если мы назовем труды, посвященные одеждам, оружию, домашней утвари, некоторым предметам искусства и т. д., то нам придется остановиться лишь на трудах Дози, Лонперье, Амадор де-лос-Риоса, Лавуа, Карабачека, Лэн-Пуля, Бургоэня и Шварцлозе... К сожалению, количество дошедших до нас памятников мусульманского искусства весьма незначительно, за исключением вышеупомянутых серебряных произведений, найденных с куфическими монетами. Таким образом, нам приходится довольствоваться тем описанием их, обыкновенно очень поверхностным и неудовлетворительным, которое мы находим у мусульманских писателей. Большая часть вещей погибла, конечно, среди междоусобий, войн, пожаров, наводнений и других невзгод, которым постоянно подвергался мусульманский Восток»⁹.

Для Тизенгаузена не подлежало сомнению, что в области изучения средневековых восточных древностей, находившихся, по словам В. Р. Розена, «в печальном положении... в восточной филологии»¹⁰,

⁸ В. Р. Розен, *Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена*, стр. 235.

⁹ Цитируется по сохранившимся в Архиве востоковедов черновым наброскам неоконченной статьи «О предметах роскоши в Египте» (далее — «Черновик»), ф. 52, оп. 1, № 28, л. 1а.

¹⁰ В. Р. Розен, *Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена*, стр. 235.

в основном приходилось полагаться на письменные первоисточники. Принимая во внимание некоторые их характерные особенности в изображении предметов внешнего быта, он, естественно, рассчитывал осветить их, как указывалось выше, всесторонне.

Предполагавшееся исследование, насколько об этом позволяют судить сохранившиеся черновики писем и черновые наброски, должно было составить монографию в несколько томов и охватить восемь первых веков хиджры (VII—XV вв. н. э.). Наиболее оригинальной частью этого труда должна была явиться та, которая касалась эпохи VII—X вв. хиджры (XIII—XVI вв. н. э.), вернее сказать, она и представляла по замыслу центр тяжести исследования. Ссылаясь на труд А. Кремера (А. Кгемер, *Culturgeschichte des Orients*), как сводный в этой области, Тизенгаузен отмечал: «Так как это сочинение обнимает только период времени существования восточного халифата, то я сверх некоторых дополнительных сведений за это время счел нелишним издать собранные мною постепенно при чтении мусульманских летописей материалы о предметах искусства и роскоши, относящиеся к 656—923 годам мусульманского летосчисления (1258—1517 гг. н. э.), т. е. от покорения Багдада монголами до завоевания Египта турками, причем главную роль, конечно, играют обширные египетские и сирийские владения мамлюкских султанов. Для большей полноты пришлось местами повторить уже известное по прежним изданиям, на которые при этом каждый раз сделаны надлежащие ссылки»¹¹.

Так, в поле зрения ученого оказывалась целая историческая эпоха — период 267-летнего господства мамлюков в Египте (1250—1517), когда опустошенный и разоренный монголами Ирак теряет свое прежнее политическое и религиозное значение, а центр ислама перемещается из Багдада в Каир. Теперь Египет выступает в роли главы арабского мира, ведя борьбу с монголами и крестоносцами. Находясь в расцвете своего военного могущества, страна переживала некоторый подъем в развитии своих производительных сил, а пышный церемониал мамлюкских султанов и их огромные богатства не могли не обращать на себя внимание живых свидетелей того времени — историков, сохранивших нам картину внешнего величия и блеска правящей верхушки.

Выбор этого исторического отрезка времени был отнюдь не случаен. Известно, что Тизенгаузен и ранее обращался к нему. Еще в начале 80-х годов XIX в. он начал сбор сведений арабских авторов о Золотой Орде, уделяя особое внимание взаимоотношениям золотоордынских ханов с мамлюкскими султанами; результатом проделанной работы явился известный «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Просматривая тогда множество арабских хроник и ставя перед собой совершенно определенную цель, ученый не мог не отмечать в них также упоминаний о предметах искусства и роскоши, отсылаемых в качестве даров мамлюкскими правителями в Крым и на берега Волги, в области, входившие тогда в состав территории Золотой Орды. В процессе работы у него возникла мысль о возможности нового большого исследования на основе того же материала и в рамках той же эпохи, которое могло быть посвящено многочисленным вещественным памятникам восточного средневековья; эта задача приобретала по важности самостоятельное значение. По этому поводу он замечал: «Немалая доля восточных произведений и изделий привезена в Россию посольствами, ездившими от ханов Золотой Орды к египетским султанам, и послами,

¹¹ «Черновик», ф. 52, оп. 1, № 28, лл. 1а, 1б.

отправлявшимися с берегов Нила в Крым, на берега Волги, в Сарай. В первой части моего „Сборника“ заключается, например, довольно-таки же, восточные летописцы не говорят, в чем именно заключались подарки, отправлявшиеся в таких случаях, довольствуясь заметкой, что подарки эти были весьма известны или состояли из „редкостей“. Это побудило меня заняться исследованием вопроса о тогдашних предметах роскоши в Египте, игравшем важнейшую роль в мусульманском мире»¹².

Как показывает подбор *realia*, кроме исследования о периоде мамлюкских династий, автор собирался уделить в своем труде место первым векам ислама и коснуться затем поочередно времени правления Тулунидов, Фатимидов и Эйюбидов. Наряду с Египтом, стоявшим на первом плане, здесь были представлены и другие области арабского мира: Сирия, Ирак, Аравия, Андалусия. Таким образом, постепенно наметившийся интерес к ближневосточным, в частности египетским, памятникам мусульманского искусства отдалил и сделал невозможным завершение издания остальных материалов по истории Золотой Орды.

В сохранившихся черновиках исследования Тизенгаузен систематизировал весь материал по восьми тематическим отделам со строгим соблюдением внутри каждого из них хронологического порядка. Эти отделы, в последовательности, задуманной автором, и с данными им самим наименованиями, следующие: 1) богатства царствующих лиц и частные богатства, 2) посольские дары, 3) торжества, процессии и пиры, 4) приданое и свадебные празднества, 5) контрибуции, военные захваты и конфискации, 6) подношения и пожалования, 7) паломничества в Мекку, 8) убранство мечетей, дворцов и частных зданий¹³. Материалы, хранящиеся в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР, в основном сохраняют характер вышеуказанного деления и отличаются от него разве лишь большей раздробленностью: 1) богатства, наследства, конфискации (351 л.), 2) драгоценности и прочее (54 л.), 3) посольские дары (399 л.), 4) торжества, процессии, пиршества (129 л.)¹⁴, 5) свадебные праздники и подарки (61 л.), 6) военные захваты (43 л.), 7) подарки (275 л.), 8) украшения дворцов и мечетей (27 л.), 9) одежда (112 л.), 10) торговля и ремесла (20 л.), 11) случайные находки (9 л.), 12) смесь (59 л.)¹⁵, 13) извлечения из *Иақұта* (45 л.)¹⁶.

Важной частью данного собрания является составленная ученым картотека восточных *realia*¹⁷. Она базируется на лексике использован-

¹² «Черновик», ф. 52, оп. 1, № 28, л. 36. — Под каким уклоном велась эта работа, лишний раз показывает составленный Тизенгаузенем указатель «Года, под которыми значатся сведения о предметах роскоши в Египте и о Золотой Орде», содержащий хронологический перечень дат по хиджре (с 609 по 928 г.) с указанием для каждого года арабского источника (Архив востоковедов, ф. 52, оп. 1, № 43).

¹³ «Черновик», ф. 52, оп. 1, № 28, л. 16.

¹⁴ В этом отделе хранится выполненный Тизенгаузенем черновой перевод описания новогоднего халифского церемониала под названием: «Рассказ о (торжественном) поезде халифов фатимидских в первый день каждого (нового) года». См. Архив востоковедов, ф. 52, оп. 1, № 32, лл. 1а—3б. Тема эта позднее нашла свое развитие в известной работе К. Иностранцева «Торжественный выезд фатимидских халифов». СПб., 1905 (отдельный оттиск из ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 1—113).

¹⁵ Отдел включает сведения о музыкальных инструментах, ремеслах, библиотеках, зверинцах, играх, охоте, скульптуре и т. д.

¹⁶ Все тринадцать единиц хранения значатся в своей последовательности под № 29—41 (ф. 52, оп. 1).

¹⁷ Архив востоковедов, ф. 52, оп. 1, № 45.

ных арабских источников и насчитывает около 2350 карточек с занесенными на них различными наименованиями предметов мусульманского прикладного искусства. Этот указатель расположен в алфавитном порядке, по возможности со ссылками на автора и произведение, откуда взят тот или иной термин. Картотека, как видно, должна была послужить основой к составлению специального арабско-русского словаря предметов искусства, роскоши и бытового обихода, которым ученый предполагал дополнить свой труд. На это указывает и найденный среди его бумаг черновик «Словаря к статье о предметах роскоши в Египте»¹⁸.

Тизенгаузену, однако, не суждено было довести до конца начатую работу, ее прервала смерть. Собранные им материалы так и остались в рукописи. Все, что удалось сделать, это снабдить черновым переводом распределенные по предметам извлечения. Еще В. Р. Розен, просматривавший бумаги покойного, в свое время отмечал, что «самая трудная часть работы, т. е. комментариев к текстам и документальное оправдание перевода, к сожалению, осталась неисполненной»¹⁹. Хотя труд и остался неоконченным, материалы к нему, даже в том незавершенном состоянии, в каком они находятся, представляют немалую ценность и могут принести большую пользу для дальнейшего изучения мусульманского средневекового искусства.

ПИСЬМА К В. Г. ТИЗЕНГАУЗЕНУ

Эпистолярное наследие В. Г. Тизенгаузена в той части, которая хранится в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР, сравнительно невелико: оно содержит 240 писем его более чем шестидесяти корреспондентов как русских, так и иностранных, а также некоторое количество черновых писем ученого²⁰. Переписка, охватывающая сорокалетний период (1861—1901), носит строго научный характер и затрагивает в основном вопросы, связанные с восточной мусульманской нумизматикой. В ней нашли свое отражение большие успехи, которых достигла эта отрасль науки за рубежом и в России во второй половине XIX столетия, равно как и признание на Западе достижений русского востоковедения в ту эпоху. Переписка дает много ценных материалов, касающихся взаимоотношений русских и иностранных ученых, их деятельности и тех условий, в которых развивалась востоковедная наука. Сохранившиеся черновики писем служат существенным дополнением подлинников и играют не последнюю роль в выяснении ряда деталей.

По хранящимся в фонде черновым бумагам Тизенгаузена можно судить о том, что обширная и постоянная переписка, которую он вел, охватывала гораздо больший круг лиц, чем тот, который представлен в коллекции. Ученый поддерживал связи как с выдающимися представителями отечественной востоковедной науки (В. Р. Розен, В. Ф. Гиргас, К. Г. Залеман, А. Я. Гаркави, М. И. Броссе, В. В. Радлов и др.), так и с видными западноевропейскими исследователями (А. Кремер, О. Блау, Ш. Шефер, В. Райт, А. Мерен и др.)²¹. Состоял он в переписке

¹⁸ Там же, № 42.

¹⁹ В. Р. Розен, *Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена*, стр. 235.

²⁰ Кроме черновых писем, выделенных в особые единицы хранения (ф. 52, оп. 2, № 68—71), некоторая их часть вложена в письма соответствующих корреспондентов.

²¹ См. письма Тизенгаузена А. Л. Куну (Архив востоковедов, ф. 33); К. С. Веселовскому, Э. А. Вольтеру, К. К. Герцу, Б. А. Дорну, Н. Ф. Дубровину, К. Г. Залеману, Н. Г. Кондакову, А. А. Кунику, В. И. Ламанскому, В. В. Латышеву, В. В. Радлову, В. Р. Розену (Архив Академии наук СССР); В. В. Стасову (ИРЛИ, архив В. В. Ста-

и с рядом научных центров: нумизматическими обществами в Вене, Лондоне и Филадельфии; азиатскими обществами в Париже и Калькутте; крупнейшими библиотечными хранилищами Парижа, Лейдена и Готы; Одесским обществом истории и древностей, Московским Археологическим обществом и многими другими. Как видно, эта корреспонденция затерялась и не вошла в фондовые материалы. Однако то, что сохранилось, имеет существенную ценность и свидетельствует в достаточной степени не только о широких связях Тизенгаузена и его разносторонних познаниях, но и о том авторитете, которым он пользовался среди выдающихся ориенталистов своего времени.

Коллекция состоит из писем на русском и западноевропейских языках²².

В «русской» части собрания, к сожалению, очень немногочисленной (22 письма от 13 корреспондентов), представлены письма от Н. И. Веселовского, В. В. Григорьева, А. А. Спицына, С. Г. Строганова, Ф. Р. Остен-Сакена, А. В. Орешникова и ряда других лиц. Тематика их весьма различна, в них затрагиваются вопросы нумизматического характера (В. В. Григорьев, В. К. Трутовский), содержатся сведения о Золотой Орде (С. Г. Строганов, Н. И. Веселовский), отображена полемика о достоверности сочинения Ибн Фадлана (А. А. Спицын²³) и многое другое.

Среди иностранных корреспондентов представлены не менее известные имена ученых, хранителей музеев и библиотек, а также политических деятелей, консулов и чиновников на государственной службе в колониях, уделявших внимание науке. Письма от С. Лэн-Пуля почти за 30 лет (1873—1901) не только по времени, но и по своему количеству (59) занимают в коллекции первое место. Они позволяют проследить историю взаимоотношений двух крупных ученых. Неоднократно обращался английский ориенталист к русскому коллеге с различными вопросами и всегда получал полезные советы, за что выражал свою признательность. Тесные научные связи, осуществлявшиеся в переписке, дополнялись личными встречами: в августе—сентябре 1886 г. С. Лэн-Пуль посетил Россию, чтобы ознакомиться в Петербурге с коллекциями восточных монет и использовать эти данные в своей работе «Fasti Arabici».

Второе место по объему занимают 27 писем от А. Совера (1875—1892); здесь затрагиваются нумизматические проблемы и содержатся различные сведения о деятельности ряда ученых. 19 писем от Ф. Кодеры (1876—1888) посвящены арабо-испанской нумизматике и вопросам исторического характера. Весьма интересны десять писем М. Амари, итальянского политического деятеля эпохи борьбы Италии за свою независимость и крупного арабиста; они написаны им в глубокой старости, когда, оставив политику, он занимался только наукой (1881—1888).

Количество писем от остальных лиц колеблется от одного до девяти. Ниже следует расположенный по алфавиту список русских и иностранных корреспондентов²⁴.

²² К категории «Западноевропейских» отнесены письма трех отечественных корреспондентов (L. Brosset, J. Gottwaldt, O. F. Retowski), написанные по-немецки и по-французски.

²³ Письмо написано после опубликования работы Тизенгаузена «В защиту Ибн Фадлана» (ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 024—032).

²⁴ Первая цифра после фамилии корреспондента означает количество писем, стоящая после дата — время их написания; звездочки рядом с датой обозначают наличие в данной единице хранения черновиков или черновых приписок Тизенгаузена.

1. Вельяминов-Зернов В. В., акад., ориенталист-тюрколог	1	1871
2. Веселовский Н. И., чл.-корр., ориенталист, историк, археолог	1	1884
3. Гагарин А. Г., князь, Тифлис	1	1875
4. Гамазов М. А., драгоман, директор Учебного отд. восточных языков Мин. ин. дел	1	1881
5. Геннади Г. Н., библиограф	1	1869
6. Григорьев В. В., чл.-корр., ориенталист-нумизмат, историк	12 ²⁵	1861
7. Марков А. К., нумизмат, хранитель Отделения восточных монет Эрмитажа	1	1884
8. Орешников А. В., чл.-корр., нумизмат, историк	1	1901
9. Остен-Сакен Ф. Р., барон, почетный член АН	1	1878
10. Смирнов П. В., купец из села Тупло-Дубровск	1	1901
11. Спицын А. А., чл.-корр., археолог	1	1900
12. Строганов С. Г., граф, почетный член АН	2	1881
13. Трутовский В. К., нумизмат-историк	9	1884—1887
14. Allegry(?) Е. А., директор муниципального музея в г. Порто	1	1884
15. Amari M., сенатор, проф. арабск. яз. в г. Пизе и Флоренции	10	1881—1888
16. Andrews F. H., эсквайр, хранитель Главного музея Школы искусств в Лахоре	1	1895*
17. Bahrfeld M., нумизмат, издатель «Numismatisches Lit Blatt» в г. Бремене	1	1886
18. Blancard L., архивист, нумизмат	1	1884
19. British Museum	7	1875—1891
20. Brosset L., сын академика М. И. Броссе	1	1880
21. Casanova P., проф. арабск. яз. и литерат. в Collège de France	8	1894—1897*
22. Cipelli V., проф. юридич. ин-та в г. Парме	1	1881
23. Codera F., проф. арабск. яз. в г. Мадриде	19	1876—1888*
24. Codrington O., нумизмат	1	1883
25. Demaeght L., хранитель археологического музея в г. Оране	1	1890
26. Desimoni C., директор архива в г. Генуе, историк	1	1882*
27. Drouin E., адвокат, нумизмат	8	1885—1896*
28. Egtan A., проф. египтологии, директор Египетского отделения королевских музеев	2	1890—1892*
29. Gottwaldt I., проф. арабск. и персидск. яз. в Казанском ун-те	1	1889
30. Grant A., главный инженер и директор железных дорог в Индии	5	1883
31. Grempler, Бреслау	1	1896
32. Head V. V., хранитель Отделения монет и медалей Брит. музея, нумизмат	22 ²⁶	1881
33. Holmboe Ch. A., проф. восточных языков в г. Христиании	1	1872
34. Howorth H. H., политич. деятель, ориенталист	1	1881
35. Karabacek I., акад., археолог, палеограф, ориенталист	2	1871*
36. Lagus W., проф. ун-та в г. Хельсинки	1	1876
37. Lane-Poole S., проф. арабск. яз. в Frinly college, археолог, историк, нумизмат	59	1873—1901*
38. Lavoix H., хранитель Отдела медалей Парижск. нац. библиотеки	4	1877—1885*
39. Loewe L., ориенталист, нумизмат	1	1881
40. Mordtmann I., ориенталист-семитолог	1	1889
41. Morfill W. R., проф., ориенталист	1	1892
42. Mortillaro V., нумизмат	1	1881

²⁵ Сохранился ответ Тизенгаузена на это письмо, имеющее полемический характер, но конец его, к сожалению, утерян (Архив востоковедов, ф. 52, оп. 2, № 17).

²⁶ Одно письмо адресовано Э. Томасу.

43. Müller F. M., проф. санскритолог	1	1889
44. Nützel H., хранитель королевского нумизматического кабинета в Берлине	2	1892—1896
45. Oliwer E. E., нумизмат	2	1887—18.0.
46. Pertsch W., проф., главный библиотекарь готской библ., иранист	1	1885
47. Poole R. S., хранитель Отделения монет и медалей Брит. Музея, археолог, ориенталист	3	1875—1878
48. Prideaux W. F., семитолог, нумизмат	3	1884—1889*
49. Rehatsek E., ориенталист, нумизмат	1	1876
50. Reinaud J. T., хранитель Отдела рукописей парижской нац. библиотеки, арабист	1	1863
51. Retowski O. F., нумизмат	6	1889—1898*
52. Rogers E. T., английский консул в Каире, арабист-нумизмат	7	1872—1878*
53. Sauvage H., французский консул в Сев. Африке, чл.-корр., историк-арабист, нумизмат	27 ²⁷	1875—1892
54. Siouffi N., франц. вице-консул в г. Мосуле, историк, нумизмат	1	1880
55. Smith V. C., индолог-нумизмат	2	1883—1884*
56. Stickel G., ориенталист-нумизмат	6	1869—1889*
57. Thomas E., ориенталист-нумизмат	6	1869—1881
58. Thurston E., индолог, нумизмат	1	1890
59. Tommasini V., нумизмат	2	1877
60. Tornberg C. I., проф. восточных языков в ун-те в г. Лунде	2	1873—1874
61. Veilik A.	1	1884

В виде дополнения к этой коллекции нелишне добавить перечень нескольких хранящихся в этом же фонде черновых писем самого Тизенгаузена к ряду лиц ²⁸.

Бобринскому А. А., графу, археологу	1	1896 ²⁹
Григорьеву В. В.	1	—
Лихачеву А. Ф., археологу, нумизмату	1	1884 ³⁰
Трутовскому В. К.	1	1901
Hildebrandt H.	1	1885
Lane-Poole S.	4	1893—1901

²⁷ Письмо от 7.IX.1880 адресовано не Тизенгаузену, а С. Лэн-Пулю.

²⁸ В перечень не включен ряд черновигов к невыясненным адресатам.

²⁹ Принесено в дар акад. И. Ю. Крачковским.

³⁰ Конец письма отсутствует.

А. А. Карцев

О КУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РОССИИ С АРАБСКИМ ВОСТОКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(Из фондов Центрального государственного исторического архива
в Ленинграде)

Освещение культурных и экономических связей России с Арабским Востоком имеет большое научное и общественное значение. У них глубокие корни и давние традиции. Еще с отдаленных времен передовые круги русского общества питали самый живой интерес к культуре и жизни народов Арабского Востока.

В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) хранятся ценные материалы по истории русско-арабских связей в XIX в.

В них содержатся сведения о взаимоотношениях России с Египтом, Сирией, Ливаном и Палестиной, о русско-арабских научных связях. Имеются материалы переписки между русской православной церковью и христианскими церквями в странах Арабского Востока, о торгово-экономических связях России с Египтом.

Документы о русско-арабских культурных и экономических связях в первой половине XIX в. находятся среди переписки различных учреждений: Министерства финансов, Департамента внешней торговли, Департамента народного просвещения, Департамента государственного хозяйства и публичных зданий, Синода, Академии наук, С.-Петербургской Публичной библиотеки, Академии художеств, С.-Петербургского университета и др.¹

* *
*

К 1818—1819 гг. относятся архивные источники о приобретении Россией уникального собрания арабских рукописей, известного под названием «Коллекции Руссо»². История поступления в фонды Азиатского

¹ См., в частности, следующие фонды ЦГИАЛ: ф. 379 — Учреждения — предшественники Министерства государственных имуществ; ф. 560 — Общая канцелярия Министерства финансов; ф. 733 — Департамент народного просвещения; ф. 789 — Академия художеств; ф. 796 — Канцелярия Синода; ф. 797 — Канцелярия обер-прокурора Синода.

² См. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 87, д. 1. — Собрание восточных рукописей Руссо состояло из двух коллекций. В этих документах ЦГИАЛ говорится о поступлении в Россию первой коллекции. В деле имеется печатный каталог первой коллекции рукописей («Catalogue d'une collection de cinq cents manuscrits orientaux», Paris, 1817).

музея Академии наук этой коллекции представляет большой интерес³. Еще в конце XVII в. из Швейцарии (Женева) в Сирию переселилось семейство Руссо (Rousseau), одним из потомков которого был знаменитый философ XVIII столетия Жан Жак Руссо. К 1789 г. представитель фамилии Руссо выполнял обязанности французского консула в Халебе (Алеппо) и Багдаде. Этот же консульский пост перешел и к его сыну Жану-Батисту-Луи-Жаку Руссо (1780—1831). Руссо, выросший на Востоке, «оставался человеком французской культуры, но превратился в настоящего левантинца»⁴. Руссо был хорошо знаком с Арабским Востоком, а также Турцией и Персией, где тоже неоднократно представлял как торговые, так и дипломатические интересы Франции; он в совершенстве владел арабским, турецким и персидским языками⁵. Будучи консулом в Алеппо, Руссо посвящал много времени изучению арабской литературы.

За время консульской службы в Халебе, Багдаде и Триполи Жан-Батист Руссо собрал большой материал, на основе которого написал несколько ориенталистических работ⁶.

За годы пребывания на Арабском Востоке Руссо составил обширнейшее коллекционное собрание из восточных, в основном арабских и турецких рукописей⁷.

В 1815 г. материальные дела Руссо пришли в упадок, и он был вынужден объявить о распродаже своего собрания.

Французское правительство не проявило к коллекции должного интереса и отказалось ее приобрести. Известный востоковед Сильвестр де Саси написал о коллекции Руссо в Петербург своему знакомому С. С. Уварову, министру народного просвещения при Александре I. Уваров сам интересовался вопросами ориенталистики и, в частности, арабистики и египтологии. Именно ему принадлежал известный, но так и не осуществленный в то время проект об образовании «Азиатской Академии»⁸. Русские ученые обратили внимание на собрание Руссо.

³ Датой поступления первой коллекции Руссо в Петербург, в Академию наук, акад. И. Ю. Крачковский называет 1819 г. (см. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, М. — Л., 1955, стр. 68, 228. При этом И. Ю. Крачковский ссылается на издание «Азиатский музей Российской Академии наук, 1818—1918», Пг., 1920, стр. 9—10). Л. В. Дмитриева в своем историографическом обзоре «Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР» считает годом прибытия первой коллекции Руссо в Россию 1818 г. (см. «Проблемы востоковедения», 1959, № 4, стр. 136—137).

⁴ И. Ю. Крачковский, *Над арабскими рукописями*, — Избранные сочинения, т. I, стр. 68.

⁵ Там же.

⁶ Научная деятельность Руссо отмечена, в частности, и немецким арабистом Иоганном Фюком в его сводном труде по истории арабистики в Европе. См. Johann Fück, *Die Arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts*, Leipzig, 1955, S. 163. Ряд работ Руссо по Востоку, в частности по Арабскому Востоку, получил известность. Среди них — «Description du pachalik de Bagdad» (1809); «Itinéraire de Perse par la voie de Bagdad» (1813); «Mélanges d'histoire et de littérature orientales» (1817); «Mémoire sur les Wahabis, les Nosaïris et les Ismaélis» (1818); «Notice historique sur la Perse ancienne et moderne» (1818).

Некоторые работы Руссо в области арабистики публиковались и в русских изданиях. См. «Происхождение города Томбуку по мнению арабских писателей. Некоторые подробности о племенах, живущих в сем городе и его окрестностях (извлечение из письма Г. Руссо, французского генерального консула в Триполи)», — «Северный архив», 1828, № 3, стр. 327—331.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 87, д. 1.

⁸ [Уваров С. С.] «*Projet d'une Académie asiatique*», SPb., 1810; [Уваров С. С.] «Мысли о заведении в России Академии Азиатской», — «Вестник Европы», ч. 55, 1811, № 1, стр. 27—52; № 2, стр. 96—120.

В переговорах с ним о покупке коллекции принял деятельное участие русский посланник во Франции граф К. А. Поццо ди-Борго⁹.

В 1819 г. первая коллекция Руссо (500 рукописей) была приобретена Россией и поступила на хранение в фонды Российской Академии наук¹⁰. В 1825 г. в Россию поступила вторая коллекция (250 рукописей)¹¹.

Собрание Руссо вызвало большой интерес в кругах русских ориенталистов того времени. Ее изучением и описанием занимался, в частности, один из крупнейших арабистов первой половины XIX в., посвятивший всю свою жизнь изучению фондов арабских рукописей Азиатского музея Академии наук в Петербурге, Х. Д. Френ¹², которого собрание Руссо «удержало навсегда в России»¹³. Френ, «этот первый хранитель Азиатского музея, основатель нашей научной арабистики, по достоинству оценил значение рукописей и с бенедиктинским трудолюбием в многочисленных томах своих материалов дал первое их описание — инвентарь»¹⁴.

В частности, коллекции Руссо и послужили одним из возможных источников для ранних «Восточных повестей» известного русского арабиста и писателя первой половины XIX в. О. И. Сенковского¹⁵. Как раз вскоре после поступления этой коллекции в Россию Сенковский возвратился из путешествия по Арабскому Востоку и вполне мог ознакомиться с собранием Руссо еще до выхода «Восточных повестей» в свет¹⁶. Источником для писателя мог служить и имевшийся во второй коллекции Руссо сборник ал-Итлйдй.

Высокую оценку коллекциям Руссо дал И. Ю. Крачковский, отметивший, что собрание Руссо сыграло для отечественной ориенталистики поистине «громадную роль, положив основание мировым фондам Азиатского музея»¹⁷. «...Далеко не единственным уникалом» коллекции был известный «диван» Ибн Кузмана¹⁸.

В 1825 г. итальянец Кастильоне¹⁹ обратился к правительству России с предложением приобрести его коллекцию «египетских антиков», находившуюся в Милане²⁰.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 87, д. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ О восточных рукописях первой и второй коллекций Руссо упоминает Л. В. Дмитриева в историографическом обзоре «Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР» («Проблемы востоковедения», 1959, № 4, стр. 136—137).

¹² О первой коллекции восточных рукописей Руссо см.: Х. Д. Френ, *Предварительное известие о значительном обогащении арабскими, персидскими и турецкими рукописями, приобретенными Азиатским музеем Имп. Академии Наук*. — Прибавление к «С.-Петербургским ведомостям», 1819, № 93. О второй коллекции восточных рукописей Руссо см. Х. Д. Френ, *Предварительное известие о новом значительном обогащении собрания восточных рукописей Имп. Академии Наук*, — Приложение к «С.-Петербургским ведомостям», 1826, № 21.

¹³ И. Ю. Крачковский, *Над арабскими рукописями*, стр. 68.

¹⁴ Там же.

¹⁵ И. Ю. Крачковский, *Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского*, — Избранные сочинения, т. I, стр. 228.

¹⁶ Там же.

¹⁷ И. Ю. Крачковский, *Над арабскими рукописями*, стр. 68.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Граф Карло-Оттавио Кастильоне (1784—1849) — нумизмат, специализировался по собиранию и описанию коллекций древних восточных, в особенности арабских, монет. Занимался Кастильоне и древней историей Северной Африки. Из работ Кастильоне по этой теме см.: «Mémoire géographique-numismatique sur la partie orientale de la Barbarie appelée Afrikia par les Arabes», Milan, 1826; «Monete cufiche del Museo di Milano», Milan, 1819; «Dell'uso cui erano destinati i vetri epigrafi cufiche»,

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 294, лл. 1—9. — Основной раздел Египетского собрания Государственного Эрмитажа принадлежит именно к этой коллекции Кастильоне, содержащей свыше 900 единиц.

В том же году она была приобретена за 40 тыс. руб. Департаментом народного просвещения. Коллекцию поместили также в Академию наук.

В 1827 г. французский консул в Египте Дроветти прислал в Петербург Николаю I два старинных египетских папируса. Папирусы эти были помещены в хранилище С.-Петербургской Публичной библиотеки. Донесение директора библиотеки А. Н. Оленина в Департамент народного просвещения от 22 октября 1827 г. содержит интересные сведения о «Коллекции папирусов Дроветти»²¹.

В архивных фондах Академии художеств находятся документы, рассказывающие об истории перевозки в Петербург изваяний сфинксов из города Фив в Египте. В 1831 г. правительство России приобрело в Египте изваяния двух древних сфинксов. Вначале они были доставлены в Кронштадт, а потом перевезены в столицу и в 1832 г. установлены на набережной Невы у здания Академии художеств²².

В фондах Академии художеств ЦГИАЛ хранится целый ряд других интересных и до последнего времени малоизвестных документов, отражающих культурные связи России с арабскими странами в первой половине XIX в. Они содержат сведения о посещениях русскими художниками стран Арабского Востока и Африки, о картинах, написанных ими на восточные сюжеты. Имеются интересные материалы о различных коллекциях древнеегипетских и арабских памятников, привозившихся в Россию с Востока в тот период²³.

Хорошо известно, что русские исследователи много путешествовали по странам Арабского Востока²⁴. Как пишет И. Ю. Крачковский, «...первая половина XIX в. черпала арабистические сведения далеко не из одной специальной науки»²⁵, а «интерес к живому Арабскому Востоку в эту пору был очень велик и особенно усиленно поддерживался журналистами и путешественниками»²⁶.

В фондах ЦГИАЛ хранятся ценные материалы о русских путешественниках в Египет в первой половине XIX в.²⁷

Документы ЦГИАЛ рассказывают, в частности, о путешествии на Арабский Восток Григория Руадзе и о привезенной им в Россию в

²¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 15, ед. хр. 98, л. 1.

²² ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ч. II, ед. хр. 228, лл. 1—25. — Позже, уже в 1843 г., на сфинксах была выбита надпись на русском языке: «Сфинксъ изъ древнихъ Фивъ въ Египтъ. Перевезенъ въ градъ святаго Петра въ 1832 году». См. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ед. хр. 50, лл. 1—10.

²³ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, д. 24, лл. 1—2, 1806; оп. 1, ч. II, д. 105, лл. 1—4, 1825; оп. 1, ч. II, д. 228, лл. 1—10, 1831; оп. 1, ч. II, д. 50, лл. 1—10, 1843; оп. 1, ч. II, д. 116, лл. 17—39, 1836; оп. 1, ч. II, д. 26, лл. 1—10, 1840 и т. д.

²⁴ Так, например, в 1831 г. путешествие по Египту и Нубии совершил А. С. Норов. В 1819—1821 гг. посетил Арабский Восток — Сирию и Египет известный русский арабист и писатель О. И. Сенковский, который в эти годы служил в дипломатической миссии России в Константинополе. См.: А. С. Норов, *Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.*, ч. I—II, СПб., 1840; Е. П. Ковалевский, *Путешествие во внутреннюю Африку*, ч. I—II, СПб., 1849; Е. П. Ковалевский, *Доклад на заседании Русского Географического общества*, — «Географические известия», вып. 1, 1849; Л. С. Ценковский, *Отчет о путешествии в Северо-Восточный Судан*, — «Географические известия», вып. 2, 1850; А. А. Рафалович, *Этнографические заметки о нубийцах*, — «Географические известия», вып. 2, 1849; А. А. Рафалович, *Глава из записок русского путешественника по Египту*, — «Современник», 1850, № 4, отдел VI; А. А. Рафалович, *Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты*, СПб., 1850; О. И. Сенковский, *Отрывки из путешествия по Египту, Нубии и верхней Эфиопии*, — Собрание сочинений, т. I, СПб., 1859.

²⁵ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 117.

²⁶ Там же, стр. 117—118.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ед. хр. 36, лл. 1—3; ф. 733, оп. 12, ед. хр. 242, лл. 1—10.

1821 г. из Египта интересной коллекции. Руадзе привез несколько древних мумий, в том числе мумии женщины (в деревянном саркофаге), ребенка и много чучел животных²⁸.

Из Египта в Россию привез древнюю статую египетской богини Нейт известный русский путешественник по Африке А. С. Норов. В 1841 г. статуя Нейт была приобретена русским правительством для Музея императорского двора и передана Академии художеств²⁹. Определяя значение богини Нейт в древнем Египте, А. С. Норов писал, что она «имеет подобие с Афиною или Минервою у греков»³⁰. Норов приводит интересную надпись, которая была на статуе в Саисе: «Я есмь все, что есть, что было и что будет: солнце есть мое рождение (мой сын), и никакой смертный не поднял моего покрывала»³¹. Памятники древнего Египта, в частности и статуя Нейт, произвели на А. С. Норова очень сильное впечатление. «Та же природа, скрытая под покрывалом богини Нейт и не разгаданная жрецами, была передо мною, — вспоминал он впоследствии о своем путешествии по Египту, — меж тем как поколение Рамезесов уже не существует более»³².

Совершая поездки по Египту, А. С. Норов проявил себя внимательным и вдумчивым путешественником, живо интересовавшимся жизнью современного ему Арабского Востока. Норов сделал много ценных наблюдений об экономическом и политическом положении Египта в первой половине XIX в. во времена Мухаммеда Али. Очень интересным, в частности, являлось высказывание А. С. Норова о том, что, несмотря на войны и содержание крупной армии и флота, поглощающих огромные средства, торговые сношения Египта прежде «были ничтожны в сравнении с тем развитием, которое они получили ныне»³³.

Древнеегипетские памятники и рукописи возбуждали интерес многих известных русских государственных деятелей, ученых и дипломатов первой половины XIX в. Среди них можно назвать М. М. Сперанского³⁴, декабриста Г. С. Батенькова³⁵, А. Я. Италинского, посланника России в Риме при Ватикане³⁶. Г. С. Батеньков своими египтологическими занятиями внес большой вклад в историю русской египтологии того времени³⁷.

А. Я. Италинский, известный ориенталист, специализировался по коллекционированию и изучению арабских рукописей, оставив после своей смерти уникальное собрание³⁸. Характеризуя коллекцию Италин-

²⁸ Вернувшись в Россию, Руадзе хотел определить свою коллекцию в Академию наук, но Академия не приобрела мумий, так как при перевозке из Египта коллекция была значительно повреждена (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 242, лл. 1—10).

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. I, ед. хр. 36, лл. 1—3.

³⁰ А. С. Норов, *Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.*, ч. I, стр. 187, 188.

³¹ Там же, стр. 254—255.

³² Там же, стр. 80.

³³ Там же, стр. 64.

³⁴ ЦГИАМ, ф. 48, д. 11, л. 43. См. также: «Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев», — «Русская старина», 1897, № 10, стр. 88.

³⁵ И. С. Кацнельсон, *Материалы для истории египтологии в России*, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1956, сб. 2, стр. 207—224. — В работе устанавливается, что именно Г. С. Батеньков являлся автором первой русской книги о дешифровке египетских иероглифов.

³⁶ Там же, стр. 224—225. Об исследованиях А. Я. Италинского в деле расшифровки иероглифов и надписей на древних памятниках пишет, в частности, И. Фюк. См. Johann Fück, *Die Arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts*, S. 162.

³⁷ См.: [Г. С. Батеньков] «О египетских письменах», СПб., 1824; «Сын Отечества», 1824, № XXVIII—XXX, XXXII—XXXV.

³⁸ «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 23—30.

ского, И. Ю. Крачковский отмечал, что одна из арабских рукописей коллекции Италинского, история Абу Ханифы ад-Динавери, считалась «уником» и «одним из перлов» собрания Учебного отделения Министерства иностранных дел России³⁹, а другая — рукопись стихотворения поэта аль-Ахталя — была, по словам акад. В. Р. Розена, «лучшим украшением библиотеки Италинского» и «жемужиной собрания отделения»⁴⁰.

Говоря о культурных и научных связях России со странами Арабского Востока, необходимо упомянуть и о том, что уже в первой половине XIX в. уделялось большое внимание постановке преподавания арабского языка в русских учебных заведениях не только в Москве, где имелось Лазаревское училище (а затем институт)⁴¹, но и в Казани. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы ЦГИАЛ показывают, что уже тогда в России изучению восточных языков придавалось важное значение. Переписка по данному вопросу сосредоточена в двух архивных делах фонда Департамента народного просвещения. В 1833—1836 гг. департамент разработал специальное положение о преподавании арабского языка в Первой Казанской гимназии⁴². В 1845 г. было выработано новое положение⁴³.

* * *

*

Ряд фондов ЦГИАЛ содержит материалы об отношениях русской православной церкви с христианскими церквями на Арабском Востоке в первой половине XIX в. Из этих материалов представляет интерес пространная записка известного русского путешественника по Арабскому Востоку Порфирия Успенского, составленная в 1847 г. В записке подробно рассматривается положение христианского населения и православной церкви в Египте⁴⁴ и Сирии⁴⁵, а также содержатся ценные фактические сведения об этих странах. Сам Порфирий Успенский хорошо знал Сирию, Ливан, Палестину, долгое время жил в Иерусалиме. Из путешествий по Арабскому Востоку Порфирий Успенский привез ценную

³⁹ И. Ю. Крачковский, *Над арабскими рукописями*, стр. 129.

⁴⁰ Там же, стр. 133.

⁴¹ В 1815 г. в Москве на средства армянской семьи Лазаревых было основано частное «Армянское Лазаревых училище». На его основе впоследствии было учреждено высшее учебное заведение — «Лазаревых институт восточных языков». Среди других восточных языков в программе Лазаревского института видное место занимал арабский язык. См.: «Под высочайшим покровительством состоящий Московский Армянский Лазаревых институт восточных языков», М., 1830; «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, М., 1833; ч. II, 1838; ч. III, 1838; «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков», М., 1839; «Акт (торжественный) Лазаревского института восточных языков», М., 1848; «Исторический очерк Лазаревского института восточных языков», СПб., 1855; «Программы Лазаревского института восточных языков и правила о приеме воспитанников в оный», М., 1859; Г. И. Кананов, *Семидесятилетие Лазаревского института*, М., 1891.

⁴² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 41, ед. хр. 111, лл. 1—129. — Дело о преподавании арабских языков в числе других восточных языков в 1-й Казанской гимназии.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 44, ед. хр. 33, лл. 1—43.

⁴⁴ «Записка архимандрита Порфирия (Успенского) по истории Синая и состоянии христианства среди его населения», — ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 87, ед. хр. 57, лл. 70—118.

⁴⁵ «Записка архимандрита Порфирия (Успенского) о состоянии сирийской православной церкви и о мерах по ее поддержанию», — ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 87, ед. хр. 57, лл. 1—69, 226. — Порфирий Успенский являлся и автором ряда сочинений, также посвященных путешествиям по арабским странам Азии и Африки. См., например: «Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 г.», СПб., 1856.

коллекцию древних арабских рукописей и книг⁴⁶. И. Ю. Крачковский говорил о Порфирии Успенском, что он один «из первых в науке обратил внимание на исторические памятники христианско-арабской литературы и сохранил от забвения немало количество имен, опубликовав в извлечениях на русском языке ряд открытых им хроник»⁴⁷.

В ЦГИАЛ имеется несколько писем александрийского патриарха в русский Синод за период с 5 апреля 1848 г. по 13 марта 1850 г. Православная церковь Египта получала от Синода неоднократную помощь. В 1848—1850 гг. в ходе переписки египетской стороной сообщалось много сведений о положении христианского населения Египта, о православных учебных заведениях в Египте, о проникновении католической и лютеранской церквей в страны Арабского Востока⁴⁸ и т. п. В апреле 1848 г. александрийский патриарх послал в Россию прошение о пособии на строительство православного храма в Александрии и об организации духовных училищ в Каире и Александрии⁴⁹.

* *
*

В первой половине XIX в. между Россией и Египтом существовали не только оживленные культурные, но и постоянные торгово-экономические связи⁵⁰.

Ряд документов ЦГИАЛ посвящен русско-арабским торговым связям.

Правительство Турции стремилось помешать развитию внешней торговли России через порты Черного моря, в особенности со странами Арабского Востока. О беззакониях, творимых султанской администрацией по отношению к русскому флоту в водах, подвластных Порте, неоднократно, например, докладывал в Министерство иностранных дел России тогдашний русский посол в Константинополе Г. А. Строганов; он писал, что русский «флаг подвергается оскорблениям в проливах», а русские суда в Дарданеллах и Архипелаге — «исключительному осмотру»⁵¹. Враждебные действия Турции на Черном море мешали

⁴⁶ Из других неопубликованных источников ЦГИАЛ по этому вопросу небезынтересна рукопись Рачанинского, побывавшего в Палестине, — «Путешествие во святой град Иерусалим Сербина Иерофея Иеромонаха Рачанинского в 1704—1705 годах». Долгие годы рукопись оставалась никому не известной; только в 1883 г. архимандрит Леонид сделал о ней сообщение и перевел ее с сербского языка на русский (ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, д. 932, лл. 1—40).

⁴⁷ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 154.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 129, ед. хр. 526, лл. 1—43; ф. 832, оп. 1, ед. хр. 106, лл. 1—175.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 129, ед. хр. 526, лл. 1—43.

⁵⁰ В фондах ЦГИАЛ имеется, например, документ, в котором говорится об осуществлении в то время обмена агрономическим опытом между Россией и Египтом. Из документа явствует, что в январе 1828 г. в Петербург была привезена из Египта партия опытных семян сортовой египетской пшеницы. Опыты производились по заданию Департамента государственного хозяйства и публичных зданий в окрестностях столицы (в Стрельне). В числе первых лиц, занявшихся этими опытами, в письме называется некий Лефлер, стрельнинский колонист. Египетская пшеница, показавшая высокий образец урожайности, была рекомендована департаментом к разведению в России. См. представление инспектора над петербургскими колониями в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий от 23 января 1828 г.; к переписке имеется приложение: образцы колосьев опытной египетской пшеницы (ЦГИАЛ, ф. 379, ед. хр. 14, 461, л. 1).

⁵¹ См., например, докладную записку Г. А. Строганова в МИД России графу Нессельроде от 9 июня (28 мая) 1821 г. в книге С. Жигарева «Русская политика в восточном вопросе», т. I, М., 1896, стр. 309.

развитию торговли России через черноморские порты⁵². В связи с этим русское правительство стремилось «обеспечить для отечественной промышленности новые рынки сбыта в соседних, преимущественно восточных, странах»⁵³.

Документы ЦГИАЛ свидетельствуют о русско-египетских торговых отношениях еще в конце первой четверти XIX в.⁵⁴. Желая способствовать расширению торговых связей между Россией и Египтом, русское правительство создало для русско-египетской торговли льготные условия. Так, в 1824 г. Департаментом внешней торговли были частично снижены пошлины на товары, привозимые русскими подданными из Египта в порты Балтийского моря⁵⁵.

В документальных фондах ЦГИАЛ имеются документы, связанные с записками одного из крупнейших русских исследователей Африки Е. П. Ковалевского, о торгово-экономических отношениях между Россией и Египтом на рубеже первой и второй половины XIX в.⁵⁶. Как отмечают современные отечественные исследователи деятельности Е. П. Ковалевского в Африке, «самое главное в работе Ковалевского это его критический разбор расистской точки зрения на негров...»⁵⁷.

Из документов ЦГИАЛ явствует, что в 1850 г. Е. П. Ковалевский представил русскому правительству две докладные записки, в которых указывал на большие перспективы расширения русско-египетских экономических связей и ставил вопрос об учреждении прямых торговых сообщений между Россией и Египтом через порты Черного моря⁵⁸. Проект Ковалевского был рассмотрен в правительственных сферах. На его основании Совет министра финансов в постановлении от 11 ноября 1850 г. принял решение с помощью московского, новороссийского и бессарабского генерал-губернаторов привлечь к этому делу русские купеческие круги. Совет предлагал купечеству Москвы, Азова и портов Черного моря организовать особую компанию по торговле с Египтом и разработать ее устав⁵⁹.

* *
*

Рассмотренные выше документальные источники из фондов ЦГИАЛ свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. между Россией и странами Арабского Востока (Египет, Сирия, Палестина) заметно развивались культурные и экономические взаимоотношения. Они отражали большой интерес передовых кругов русского общества к жизни стран Арабского Востока.

⁵² А. В. Фадеев, *Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века*, М., 1958, стр. 55; о внешней торговле России в первой половине XIX в. см. Г. П. Неболсин, *Статистическая записка о внешней торговле России*, ч. I, СПб., 1835, стр. 81, 82.

⁵³ См. А. В. Фадеев, *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века*, стр. 34.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, ед. хр. 323, лл. 1—8; ед. хр. 361, лл. 1—5.

⁵⁵ Там же, ед. хр. 600, лл. 1—2.

⁵⁶ Там же, ед. хр. 1366, лл. 1—28. — Большое число документов о деятельности

Е. П. Ковалевского и его путешествиях по Египту, в частности архив Е. П. Ковалевского, хранится в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Фонд Е. П. Ковалевского (№ 356) охватывает хронологический период с 1834 по 1863 г. и состоит из 432 единиц хранения. Материалы о путешествиях Е. П. Ковалевского имеются также в Архиве Географического общества СССР (Ленинград) и Архиве Внешней политики России (Москва).

⁵⁷ И. И. Бабков, *По Африке. Путешествия Е. П. Ковалевского*, В. В. Юнкера, А. В. Елисеева, М., 1949, стр. 36.

⁵⁸ «Дело об учреждении прямых торговых сношений с Египтом и прибрежными странами Черного моря», — ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, ед. хр. 1366, лл. 26—27.

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, ед. хр. 1366, л. 1—28. См. отношение Совета министра финансов России от 11 ноября 1850 г. за № 511.

В. А. Крачковская

РЕДКАЯ РУКОПИСЬ КОРАНА XVI ВЕКА

Предметом настоящего сообщения является рукопись Корана большого формата, которая при беглом осмотре осенью 1955 г. была признана выдающимся произведением восточной каллиграфии. Рукопись тщательно написана почерком насх, тушью, на восточной лошенной бумаге желтоватого цвета (всего 1+240 лл., 28.5×43.5 см). Коран открывается нарядным двойным 'унвāном (лл. 1б—2а), скомпонованным симметрично. Синий фон с зубчатыми краями аккуратно разграфлен рамками и покрыт тонким позолоченным орнаментом с мелкими медальонами и миниатюрными цветочками нежных тонов. Ближе к корешку, чем к наружным краям, в прямоугольниках 12.1×9.9 см написано по семь строк текста: на л. 1б — сура I (Фāтиха), на л. 2а — начало суры II, ст. 1—5. Стихи разделены вызолоченными кружками в синем контуре с восемью точками по краям их. Над некоторыми кружками вписаны красным миниатюрные значки: кон. Ъ, подобие У и мадды. Текст придерживается вдавленной линовки и вместе со знаками чтения, отступя, обведен тончайшими волнообразно-зубчатыми контурными линиями черным и золотом; промежутки покрыты нежной розовой сеткой штриховки и пунктиром из трех миниатюрных кружков. Выше текста и ниже написаны золотом в позолоченных картушах названия сур, число стихов и происхождение сур. Роспись 'унвāна заканчивается на полях с трех сторон прозрачным орнаментом вроде бахромы, в котором сочетаются золото, темно-синий цвет и немного красного. В сторону корешка 'унвāн ограничен тончайшими полосками и позолотой.

С л. 2б сплошной текст сур написан по вдавленным линиям, по 15 строк 16 см дл. на странице. Названия сур, число стихов и место создания, начиная с суры III, кончая сурой CXIV (лл. 20а—239а), выписаны более крупным насхом на художественно оформленных заставках, для которых каллиграф оставлял сразу свободное место.

На полях выписаны золотом в тонких черных контурах: а) деления на пятые, десятые (عشر و خمس) и шестидесятые доли (حزب); б) саджда (سجدته) — обязательный при чтении этого стиха земной поклон чтеца; в) деления Корана на 30 частей (الجزء) вписаны в миниатюрные, очень изящные красочные розетки и медальоны, позолоченные внутри и со «стрелками» по вертикали над предварительно вдавленной линией, а половины (نصف) помещены в цветные полурозетки (лл. 105а, 120б и др.).

Текст сур, как на 'унвāне, сопровождается отметками красным над определенными словами или концами стихов; кроме отмеченных

выше, встречаются значки: صلى ي ه ص. Значков больше, чем в каирском издании Корана, и они несколько отличаются от него. Значки связаны, несомненно, с правилами рецитации Корана (таджвид).

На л. 239а после суры CXIV в картуше, оформленном роскошнее, чем заставки, написано белилами по золотому фону с мелкими заполнительными деталями и курсивнее, чем текст сур:

«Закончились слова господина твоего правдиво и правильно, не изменяя в словах его, а он слышащий, знающий».

Больше трети л. 239а внизу занимает колофон: треугольное поле 15.8×9 см, с 5 строками убывающей длины черной тушью и орнаментальные углы. Почерк немного курсивнее, чем основной текст Корана, но та же рука; фон заполнен, как на 'унвāне, штриховкой в контурах. В нижних углах л. 239а орнамент треугольников по синему фону выполнен в стиле 'унвāна.

Курсивные элементы в почерке появляются: в соединении конечного 'айна с окончанием начального алифа (например, в заставке суры X, л. 79б), в соединении вершин алифа с последующим лāмом (в заставке суры VIII, л. 68б и девять раз в колофоне на л. 239а). В основном тексте такие лигатуры не наблюдаются. Соединение окончания рā с несоединенными хā, тā нередко и в тексте.

Позолота и краски гармоничных тонов, частью густые, с примесью белил, слегка рельефные; они сохранились достаточно хорошо; детали проработаны очень тонко; линии чистые, уверенные, прекрасного рисунка.

В колофоне названо место, где Коран переписан, и дата:

«Произошло окончание писания этого высокого списка в славной усыпальнице пророческой мухаммедовской после прославления ее тысячу тысяч молитв и тысячу тысяч приветствий в третий день четырнадцатого рамадана благословенного года девятьсот восемьдесят два хиджры».

Итак, Коран переписан в Медине, у могилы Мухаммеда, в 982/1574 г.

Почерк Корана 982/1574 г. по палеографическим признакам — турецкий насх с типичным наклоном высоких букв налево; им писались не только научные и религиозные сочинения, как полагал Б. Мориц, но и литературно-художественные. Интересно сопоставить орнамент 'унвāна и колофона с деталями 'унвāнов в Каире, в частности с позолоченными извивами и узлами лент, которые восходят к изображениям облаков в китайской живописи и излюблены были хератскими мастерами. Особенно бросаются в глаза комбинации узких лент вроде буквы X или двойных «клещей» в бордюре каирского 'унвāна X/XVI в., воспроизведенного в «Арабской палеографии» Б. Морица. На 'унвāне 982/1574 г. подобные, но более сплюснутые «клещи» повторяются не только на бордюрах лл. 1б—2а, но и в ажурной «бахроме». К сожалению, Б. Мориц не воспроизвел почерк текста Корана X/XVI в., который он считает персидским. Колорит и орнамент 'унвāна рассматриваемого Корана близки к оформлению персидских рукописей хератской школы. Это наблюдение подтверждает указание Б. Морица на сильную зависимость каллиграфии при Османах от персидских мастеров. Согласно Г. Виэту, художники Малой Азии копировали в XVI в. персидских художников. В то же время графическая схема 'унвāна Корана, переписанного в Медине в 982/1574 г., очень близка к композиции 'унвāна Корана работы

позднеаббасидского придворного каллиграфа Йакута ал-Муста'симй (618—698/1221—1299): каллиграф-художник в Медине опустил плетеное обрамление, изменил пропорции и орнаментальные детали; вместо одного среднего фестона он обработал ими весь бордюр и обогатил нарядной «бахромой».

Пятна на листах нашей рукописи, особенно на нижних углах, и рваные края показывают, что Коран долго был в употреблении. Большая часть дефектов по краям тщательно реставрирована (давно). По-видимому, тогда же рукопись была заново переплетена, края листов подровнены. Кожаный переплет с тисненым растительным узором в медальонах и на углах снаружи крышек и внутри был покрыт тонкой зеленой тканью, теперь потрепанной; были вставлены форзацы из зеленой бумаги и тщательно заклеен л. 239 б.

При осмотре Корана осенью 1957 г. совместно с искусствоведом из Сирии, г-ном Шафик-Имамом, были замечены на просвет заклеенные письма на л. 239 б, прочитать которые полностью мешали заставки и колофон на л. 239 а. Весной 1958 г. была осторожно удалена наклеенная на письма бумага. Обнаружилась полная вақфная запись на 17 строках черной тушью, курсивнее, чем в колофоне; строка 18 неполная.

Согласно тексту вақфа, жертвователю — Мухаммед-паша — был назначен везиром при султанах Сулейман-хане, Селым-хане и Мурад-хане. Он поставил условие, чтобы Коран был помещен в «Новой мечети» (Джами' ал-джайд)..., здание которой «построил на берегу моря около города Галата вблизи от ворот 'Азаб... для чтения с большим искусством (بالتجويد)...».

Вақфная запись не имеет даты, но может быть датирована довольно точно, так как содержит имена четырех выдающихся исторических лиц. Она была составлена, несомненно, от имени уроженца Боснии Мухаммеда (-Мехмеда)-паши, который родился в замке Сокол, поэтому он прозывался Соколлы, а за высокий рост — Тавыл (длинный). Его биографии посвящены работы И. Х. Крамерса, Н. Йорга, Йозефа Хаммера и др. Он быстро возвышался в должностях при султанах Сулеймане I. После смерти турецкого адмирала Хайр ад-дина Барбароссы он был назначен Капудан-пашой, много плавал, участвовал в военных походах, взял Темесвар (Венгрия), сопровождал султана в персидском походе, после которого получил звание третьего везира (вазир-и салис). Когда Сулейман I умер в походе, Мухаммед Соколлы помог Селиму II занять султанский престол; позднее он женился на дочери Селыма II, Эсмй-хан, был возведен в ранг второго везира, а с 972/1565 г. стал великим везиром и оставался им до смерти.

Мухаммед-паша Соколлы был мудрым политиком, больше всего стремился сохранить мир, побаивался Ивана Грозного. Когда турецкий флот был разбит при Наварине в 979/1571 г., заботами Мухаммеда Соколлы-паши флот был быстро восстановлен. Могущественный великий везир, насколько возможно, поддерживал Венецию, но все же при нем был взят турками о. Кипр. Мухаммед Соколлы-паша имел врагов и друзей. В последние годы его жизни враги расправились с его сторонниками. Он был предательски убит 19 ша'бана 987/11 октября 1579 г. на вечернем приеме в диване просителем в одежде дервиша, который одной рукой подавал ему прошение, другой вонзал кинжал. Могила Мухаммеда-паши находится на северо-западном берегу Золотого Рога, в Эйубе, около медресе 979/1571 г.

Биографы отмечают ряд недостатков Мухаммеда Соколлы, несмотря на которые его уважали. По словам Йозефа Хаммера, это был величайший везир османского государства. Он имел огромные доходы, но принимал ценные подарки. На его средства было построено много культовых и общепользовательных зданий. Известны, между прочим, в Стамбуле, названные его именем: мечеть, хотя она была построена в 979/1571 г. его женой, Эсмй-хан, у ипподрома, и Дар ал-қира' (Дом для чтения Корана), возведенный знаменитейшим турецким архитектором Синаном. Однако переписанный в Медине Коран не имеет отношения к собственно стамбульским памятникам.

За два года до смерти Мухаммеда Соколлы-паши была построена на его средства мечеть в Галате у ворот 'Азаб Капу, в 985/1577 г. Ворота 'Азаб Капу (они же 'Азаблар Капусу) были расположены у самого узкого места залива Золотой Рог, против ворот того же названия в Стамбуле; тут и там существовали рыбные рынки. Мечеть Мухаммеда Соколлы-паши отмечена Й. Хаммером в описании Галаты и ее памятников. «Новая мечеть» построена тем же архитектором Синаном, которым возведены лучшие памятники османской архитектуры не только в Стамбуле, но и в разных пунктах османского государства; проф. Фр. Бабингер опубликовал обширный перечень их по данным Мустафы Са'й.

Вақфная запись на л. 239 б Корана, переписанного в Медине, не оставляет никаких сомнений в том, что Коран был завещан владельцем, Мухаммедом Соколлы-пашой, в мечеть его имени — «Новую мечеть» у ворот 'Азаб Капу, названных в арабском тексте вақфной записи «Баб 'Азаб». По данным Халила Эдхема, в 1934 г. мечеть была в полуразрушенном состоянии, однако внутри еще сохранилась роскошная отделка қиблы цветным мрамором и великолепными изразцами. Предполагалось реставрировать ее.

Между окончанием переписки Корана в Медине и насильственной смертью великого везира Мухаммеда Соколлы в 987/1579 г. прошло всего пять лет, но дата вақфа устанавливается еще точнее по дате сооружения мечети в 985/1577 г.

С именем Мухаммеда Соколлы-паши связаны выдающиеся произведения турецких историков. Мехмед За'им посвятил ему свой труд «hupā-i ğami'ül-tewārih»; историк Шемси Ахмед-паша закончил свое «Шах наме-и султан Мурад» описанием убийства Мухаммеда Соколлы-паши, который был, очевидно, ценителем каллиграфии. В Париже хранится роскошная рукопись сочинения «Селым наме» Абу-л-Фадла Мехмеда, переписанная для Мухаммеда Соколлы-паши. Самым доверенным лицом могущественного великого везира был его секретарь, историк (и, конечно, каллиграф) Ахмед Феридун-бей, впоследствии начальник канцелярии (ра'ис ал-куттаб) и государственный секретарь (нишанджи). Роскошно оформленный Коран вполне соответствовал рангу и вкусу жертвователя.

Происхождение Корана 982/1574 г. из Стамбула, помимо вақфной записи, которая была обнаружена через два с половиной года после приобретения рукописи от И. С. Чахотина, подтверждается фирманом от 7 джумады I 1313/27 октября 1895 г. с именем отца И. С. Чахотина, бывшего русского консула в Нише, С. И. Чахотина. С. И. Чахотин в 1886 и 1888 гг. трижды присылал восточные монеты в Восточное отделение Археологического общества, о чем докладывал на заседаниях В. Р. Розен.

Рукопись Корана 982/1574 г. написана выдающимся каллиграфом-турком, который, судя по тексту колофона, долго прожил в Медине. Благодаря четырем историческим именам в вақфной записи, которую старался скрыть продавец, заклеив ее и выскоблив часть одиночных и парных надписей *вақф* с росчерками вдоль полей Корана (часть их сохранилась), и имени архитектора Синана, соорудившего «Новую мечеть» в Галате, эта рукопись становится важным историческим и историко-культурным документом, а по своему оформлению она — памятник большого художественного значения.

Л. Е. Куббель

РАННИЕ АРАБСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАПАДНОМ СУДАНЕ И ЕГО ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ С СЕВЕРНОЙ АФРИКОЙ

Необходимость использования арабских источников при воссоздании истории народов Западного Судана была осознана в европейской науке уже довольно давно. Первая работа, основанная на исследовании арабских материалов и посвященная вопросам исторической географии Западной Африки, принадлежит Кули¹. Немецкие ученые Барт и Нахтигаль, внесшие значительный вклад в изучение истории народов Западного Судана, также широко пользовались данными арабских географов и путешественников².

Сведения арабоязычных авторов VIII—XVI вв. явились основным материалом для написания капитального труда видного немецкого востоковеда Маркварта³ и работ французского африканиста Делафосса⁴. Этими же данными пользовались и более поздние исследователи, в частности Дамманн и Бовилл⁵.

Упоминутые ученые, за исключением, быть может, Делафосса, Маркварта, а в последние годы Мони⁶, брали за основу сочинение ал-Бакрй (середина XI в.). Действительно, этот испано-арабский географ дает весьма подробное описание многих районов Западного Судана. Тем не менее по географии, этнографии и истории этого района имеются более ранние данные арабских авторов. Сам ал-Бакрй, никогда не бывавший южнее Сахары, использовал при составлении своего труда материалы своих предшественников, прежде всего сочинение некоего ал-Варрака и документы правительственных архивов Кордовы.

В последние годы фонд источников по истории и географии Западного Судана существенно пополнился. Были изданы исторический труд Ибн 'Абд ал-Хакама, географические сочинения ал-Хбризмй,

¹ W. D. Cooley, *The Negroland of the Arabs*, London, 1841.

² H. Barth, *Reisen und Entdeckungen in Nord- und Zentralafrika in den Jahren 1849—1855*, I—V, Gotha, 1857—1958; G. Nachtigal, *Sahara und Sudan*, I—III, Berlin, 1879—1889.

³ J. Marquart, *Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden*, Leiden, 1913.

⁴ См. работы M. Delafosse: «*Haut—Sénégal—Niger*», I—III, Paris, 1912; «*La question de Ghana et la mission Bonnel de Mezieres*», — «*Mémoires du Comité des Etudes historiques et scientifiques de l'A.O.F.*, 1916—1917»; «*Le Gana et le Mali et l'emplacement de leurs capitales*», — «*Bulletin du Comité des Etudes historiques et scientifiques de l'A.O.F.*», 1924.

⁵ E. Dammann, *Beiträge aus arabischen Quellen zur Kenntniss des negerischen Afrika*, Kiel, 1929; E. W. Bovill, *Caravans of the Old Sahara*, London, 1933; E. W. Bovill, *The Golden Trade of the Moors*, London, 1958.

⁶ Эти ученые использовали арабские сочинения, относящиеся ко времени, более раннему, чем книга ал-Бакрй (R. Mauny, *Etat actuel de la question de Ghana*, — BIFAN, XIII, 1951, p. 463—475).

Сухраба, Ибн Хаукаля (по стамбульской рукописи); опубликованы также некоторые результаты проведенных в отдельных районах Западной Африки раскопок. Нам представляется интересным рассмотреть данные, которые сообщаются у арабоязычных авторов до конца X в.

Первое упоминание стран Западного Судана мы встречаем в отрывке из сочинения ал-Фазарй (астроном, писавший в конце VIII в.), сохранившемся у аль-Масудй⁷. В своем труде ал-Фазари приводит название и сообщает размеры государств Гана и Варам (или Вархам). Гана названа «страной золота». Это не удивительно, так как арабы застали, придя в Магриб, уже давно сложившуюся торговлю, которая велась через Сахару и одним из основных предметов которой являлось золото⁸. Упоминание Варам показывает, что арабам были знакомы и районы, расположенные в нижнем течении р. Сенегал, в частности волофское государство⁹.

В начале второй четверти IX в. великий астроном ал-Хоризмй в сочинении называет город Гана и отмечает его на своей карте. Правда, город помещен у самой границы с Нубией, далеко от его действительного местонахождения. Примечательно, что о Гане ничего не говорится в труде Клавдия Птолемея, послужившем основой сочинения ал-Хоризмй¹⁰. Поэтому мы можем предположить, что упоминание этого города могло появиться лишь в результате непосредственного знакомства арабов с ним. У ал-Хоризмй мы встречаем сведения и о «стране Гана».

В сочинении одного из первых арабских историков Египта Ибн 'Абд ал-Хакам (ум. в 257/871—2 г.) упоминается о походе арабских (точнее — мусульманских) войск под командованием Халиба Ибн Абу 'Убайда ал-Фахрй «в Сус и землю черных» и о «народе, который берберы называют Иджжан». Ал-Балазурй, описавший поход со слов тех же равиев, называет этот народ «Тараджан»¹¹.

Маркварт, изучая текст ал-Балазурй, предложил чтение «Тин Аджан»¹², однако не попытался идентифицировать это название. Нам представляется, что здесь мы имеем дело с первым упоминанием в литературе области Тагант на территории нынешней Мавритании. Вероятнее всего, Халиб Ибн Абу 'Убайд дошел до южносахарских оазисов, но не достиг главных областей Западного Судана, где была сосредоточена основная масса негроидного населения.

Достаточно подробное описание государств Западного и Центрального Судана мы находим у ал-Йа'кубй (конец IX в.) в первой части его «Истории»¹³.

По сведениям ал-Йа'кубй видно, что в IX в. на всей территории Судана существовали уже сложившиеся государства, причем все они были созданы местным населением — черными африканцами, а не пришельцами с севера, принадлежавшими к белой расе.

⁷ Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, *Maçoudi. Les Prairies d'or*, t. IV, Paris, 1870, pp. 37—40.

⁸ J. Carcopino, *Le Maroc Antique*, Paris, 1943, pp. 106—107.

⁹ J. Marquart, *Die Benin-Sammlung...*, S. CXXXVIII.

¹⁰ Hans von Mzik, *Afrika nach der arabischen Bearbeitung des Claudius Ptolemaeus. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, XX, Wien, 1916, S. 4.

¹¹ Liber expugnationis regionum auctore al-Beládsorí ed. M. J. De Goeje. Lugd. Bat., 1866, p. 232.

¹² J. Marquart, *Die Benin-Sammlung...*, S. 125.

¹³ Ibn Wadhíh qui dicitur al Ja'qúbí *Historiae*, ed. M. Th. Houtsma, *Lugduni Batavorum*, I—II, 1833 (далее — ал-Йа'кубй).

Ал-Йа'кубй четко фиксирует три главных государственных образования: Канем — в районе оз. Чад, Куку — в районе излучины Нигера с центром в Гао и Гану — к северу и северо-западу от Нигера. Все они были достаточно точно идентифицированы Марквартом.

У ал-Йа'кубй впервые встречаем упоминание об одном из крупных народов современной Западной Африки — хауса, названном им аль-худи¹⁴.

Не менее интересно и то, что у ал-Йа'кубй мы сталкиваемся с первым упоминанием государства Мали, название которого передано в форме «Маллал», или «Маллил»¹⁵. Маркварт предполагал, что оно находилось к северо-востоку от хаусанских земель. Однако от более подробной его идентификации он воздержался. В то же время немецкий исследователь считал, что Маллил ал-Йа'кубй не совпадает с областью того же названия, упомянутой у ал-Бакрй и ал-Идрйсй¹⁶. Едва ли можно согласиться с подобной точкой зрения. Сведения как ал-Бакрй, так и ал-Йа'кубй недостаточно подробны для того, чтобы дать точное представление о географическом положении государства Маллил. Позднейшие же авторы, например ал-'Омарй, ал-Макрйзй, хорошо знакомые с государством Мали, не упоминают никакого иного государства, которое бы носило название «Маллил».

В географическом сочинении ал-Йа'кубй «Китаб-ал-булдан» находится интересное свидетельство того, что ко времени написания этого труда один из важнейших торговых центров южной окраины Сахары, Аудагаст (впервые у ал-Йа'кубй упоминаемый в форме «Гаст»), был еще независим от мандингских правителей Ганы и не подвергался исламизации¹⁷. В этом же сочинении имеются сведения о расстоянии от Сиджилмасы до Аудагаста — «пятьдесят переходов»¹⁸.

Компилятор начала X в. Ибн ал-Фақйх ал-Хамаданй по сравнению с предшественниками не сообщает ничего нового о районах Западной Африки. Он повторяет лишь легенду о «произрастании» в Гане золота в песке, легенду, которая будет затем неоднократно встречаться у различных авторов. Большой познавательной ценности данные Ибн ал-Фақйха не имеют; но то, что его сведения не восходят ни к одному из известных нам его предшественников, позволяет утверждать, что в арабоязычной литературе существовала какая-то традиция описания Западного Судана, истоки которой мы сейчас далеко не всегда можем полностью проследить.

Заслуживают внимания сведения такого интереснейшего автора, как Абу Мухаммад ал-Хасан ибн Ахмад ал-Хамданй. В его географическом сочинении «Сифат джазйрат ал-'араб», относящемся к первой половине X в., мы не встречаем описаний государств Западного Судана, но зато в этом труде содержатся ценные этнографические наблюдения. Так, автор сообщает, что в странах, населенных «черными», сохранился древний обычай, по которому царствовать должны

¹⁴ Ал-Йа'кубй, I, стр. 219.

¹⁵ Таким образом, предложенная Мони датировка первого упоминания этого могущественного государства отодвигается почти на 200 лет назад (R. Mauny, *Evocation de l'empire du Mali*, — «Notes Africaines», 1959, № 82, p. 33).

¹⁶ J. Marquart, *Die Benin-Sammlung...*, S. XCII.

¹⁷ BGA, VII, p. 360. — Правящая династия в Гане была мандингского происхождения.

¹⁸ Эту цифру мы находим у последующих авторов (Ibid.).

царь и царица — брат и сестра от одной матери. Мужчина правит мужчинами, а женщина — женщинами¹⁹. Здесь перед нами первое упоминание в литературе обычая брака с классификационной сестрой и признания этой сестры равноправной соправительницей, а также покровительницей всех женщин государства. Этот пережиток материнского права, довольно распространенный у банту Центрального Судана и Конго, впервые был в европейской этнографической литературе описан лишь во второй половине XIX в.²⁰

Ал-Масūdй, не бывавший в Западной Африке, уделяет ей немного внимания. В дошедших до нас фрагментах «Ахбār аз-замāн» ал-Масūdй, включенных Юсуфом Кемалем в его издание «Monumenta Cartographica Africae et Aegypti»²¹, перечисляются государства Западного Судана и Мавритании и приводится первое в арабской литературе описание «немой торговли» между мусульманскими купцами и «черными» — обладателями золота. Это описание будет впоследствии повторено и подтверждено многими авторами — от Исхāқа ибн ал-Хусайна до ад-Димашкй.

Отличительной особенностью указанных авторов является то, что все они, не исключая и наиболее серьезного из них — ал-Иа'кубй, не бывали в описываемых ими западноафриканских областях. Их труды основывались на письменных источниках или устных традициях. Именно поэтому большой интерес представляют материалы географа классической школы X в. Ибн Хауқаля, который обошел весь Западный Судан и описал эту обширную область de visu. Остановимся лишь на наиболее существенных сторонах его описаний западных районов Африки.

Ибн Хауқаль дает подробный отчет о торговых путях из Сиджилмасы и Аждабаби в Судан, причем он определенно говорит о существовании еще с незапамятных времен двух основных караванных путей через Сахару. Один из этих путей, ведущий из Фецпана к излучине Нигера, был ко времени Ибн Хауқаля уже почти забыт; сам Ибн Хауқаль попал в Судан второй дорогой — из Сиджилмасы в Гану через Аудагаст²². Источник показывает, что к концу X в. Аудагаст был еще независимым городом; но господствовавшие там берберы в значительной мере исламизированы в отличие от занимавших подчиненное положение негров-сонинке.

Значительное внимание уделяет Ибн Хауқаль торговле. Основными ценностями, которыми обменивались государства Западного Судана, в частности Гана и Куга, с мусульманскими странами (попутно отметим, что Гана, видимо, к этому времени не подверглась еще полной исламизации), были золото и соль. Насколько высоко ценилась в Западной Африке соль, видно из сообщения того же Ибн Хауқаля: цена вьюка соли зачастую составляла от двухсот до трехсот динаров²³. Характерна для показа оборотов торговли сообщаемая Ибн Хауқалем деталь, не раз уже привлекавшая внима-

¹⁹ D. H. Müller, *Al-Hamdāni's Geographie der Arabischen Halbinsel*, I, Leiden, 1884, S. 40.

²⁰ P. Pogge, *Im Reiche des Muata Jamwo*, Berlin, 1880, Ss. 227—228, 232, 234.

²¹ «Monumenta Cartographica Africae et Aegypti par Youssouf Kamal», t. III, fasc. 11, Leide, 1932, pp. 628—629.

²² Opus geographicum auctore Ibn Haukal Edidit... J. H. Kramers Lugd. Bat., 1938—1939, Fasc. I, pp. 61, 67, 92—93.

²³ Ibid., p. 101.

ние исследователей: в Аудагасте ему довелось видеть чек на 42 тыс. динаров²⁴.

Весьма интересно рассуждение Ибн Хауқаля о происхождении правителей Тадмекки. Он передает предание, согласно которому когда-то чернокожие берберские вожди родом из Куку стали белыми в результате переселения в северном направлении от Куку²⁵. На наш взгляд, такая точка зрения весьма интересна в двух отношениях: во-первых, она свидетельствует о непрерывном взаимодействии и взаимопроникновении негрского и берберского элементов, а во-вторых, показывает, что имело место не только проникновение берберов на юг, но и противоположное движение черного населения Западного Судана.

На основании данных Ибн Хауқаля о торговых путях были начаты в 1914 г. археологические раскопки в Западном Судане.

Экспедиция Боннель де Мезьера приступила к разведочным работам в Кумби-Сале. Несмотря на ряд неудач и многие ошибки, она сыграла немалую роль. Используя материалы этой экспедиции, Делафосс смог в 1924 г. установить местоположение столицы Ганы, подтвержденное последующими раскопками.

Заслуживают внимания археологические работы французского ученого Лафорга, проводившиеся им в 1939 г. на городище Тедгауст, в восточной части плато Ркис. Лафорг пришел к выводу, что это городище, бывшее, по-видимому, крупным ксаром, некогда окружали земледельческие поселения²⁶. Обнаруженные в большом количестве глиняные сосуды для хранения зерна, жернова, зернотерки свидетельствуют о том, что ныне пустынное плато Ркис было заселено и вокруг Аудагаста существовало довольно развитое земледелие. Жилища в городе были двух резко различных типов: один тип — круглые строения, характерные для негритянского населения Западного Судана, другой — прямоугольные в плане и сходные скорее с магрибинскими постройками. Это показывает, что население города состояло из двух различных этнических элементов: берберского (им могли быть лемтуна, которых традиция связывает с Аудагастом) и, по всей вероятности, мандингского (сонинке).

Этим лишней раз подтверждаются сообщения Ибн Хауқаля о взаимопроникновении упомянутых этнических групп. В 1949 и 1950 гг. в район Кумби Сале, указанный Делафоссом, были направлены экспедиции французского Института Черной Африки (IFAN) под руководством Мони и Томассе²⁷.

Во время раскопок предполагаемого городища Гана удалось обнаружить некоторое число строений и составить общий план города. Город был окружен несколькими поселками-предместьями, характер которых пока еще трудно установить. Наибольшую ценность представляет материал, свидетельствующий о тесных культурных связях Ганы не только с городами Сахары (такими, как Тишит), но и с Марокко. На эти связи указывает прежде всего единство как пла-

²⁴ Ibid., p. 99.

²⁵ Ibid., p. 105.

²⁶ P. Laforge, *Notes sur Aoudaghost ancienne capitale des Berberes Lemtouna*, — BIFAN, II, 1940, pp. 217—236.

²⁷ P. Thomassey et R. Mauny, *Campagne de fouilles de 1950 à Koumbi Saleh (Ghana)*, — BIFAN, XVIII, 1956, pp. 117—140; P. Thomassey et R. Mauny, *Campagne de fouilles à Koumbi Saleh*, — BIFAN, XIII, 1951, pp. 436—462. См. также: R. Mauny, *État actuel de la question de Ghana*, — BIFAN, XIII, 1951, pp. 463—475.

нировки строений, так и орнаментальных мотивов, а также керамика, аналогичная североафриканской. Обнаруженные в 1950 г. плиты, расписанные цитатами из Корана, показывают, что население города было в значительной степени исламизировано. Это подтверждается и тем, что на кладбищах почти отсутствуют немусульманские могилы. Значительную часть находок составляют металлические земледельческие орудия. И, наконец, были собраны гири самых различных весов, начиная с 0,65 г. Как справедливо отметили Томасе и Мони, наличие большого числа таких мелких гирь свидетельствует о широкой торговле драгоценными металлами, поскольку ни для какой иной цели подобные гири употребить невозможно. Эта находка прямо перекликается как с рассказом Ибн Хаукаля о золотых запасах царей Ганы²⁸, так и со сведениями других арабских авторов.

Мы видим, таким образом, что и археологическая проверка сведений арабских источников о средневековом Западном Судане показывает их высокую точность, что позволяет положить сведения арабоязычных авторов в основу всякого исторического исследования, посвященного странам Западного Судана в раннем средневековье.

²⁸ Opus geographicum..., p. 101.

Р. Г. Ланда

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АЛЖИРЕ

Революция в Алжире, начавшаяся в 1954 г., по своему характеру стоит в ряду освободительных антиколониальных революций, охвативших после второй мировой войны страны Азии, Африки и Латинской Америки. Она приняла форму многолетней освободительной войны алжирского народа против французского империализма и в первую очередь против господствующей в Алжире клики европейских капиталистов и крупных колонистов. В настоящее время Алжир представляет собой один из ярких примеров непосредственного столкновения между силами антиимпериалистического движения народов колоний и силами международного империализма.

Анализу алжирской революции (как и вообще всех вопросов истории, экономики, языка, культуры и общественной жизни Алжира) советские арабисты должны уделить самое серьезное внимание. В Советском Союзе имеются многочисленные источники, дающие возможность исследовать различные проблемы революции. Такими источниками являются документы французского правительства и колониальной администрации Алжира, специальные издания национальных партий Алжира (включая компартию), а также пресса Франции, Алжира, Туниса и Марокко. Первостепенное значение имеют издания и документы коммунистических партий Алжира, Франции, Марокко и Туниса. Весьма ценные фактические сведения о характере и развитии алжирской революции содержатся также в изданиях на арабском языке Фронта национального освобождения Алжира, среди которых особенно следует выделить выходящую с ноября 1956 г. газету «Аль-Мукаввама аль-Джазаирийя» и ряд специальных брошюр. Все эти материалы позволяют уже сейчас определить, хотя бы эскизно, социальные корни, предпосылки, периодизацию и основные черты алжирской революции.

Революция является завершающим этапом многолетней борьбы алжирского народа против французских завоевателей, вторгнувшихся в страну в 1830 г. Колонизаторы превратили Алжир в выгодный для французских монополий рынок сбыта, источник сырья и дешевой рабочей силы, сферу приложения капитала. Они экспроприировали значительную часть земель, находившихся в пользовании коренного населения, и передали ее прибывшим из Европы, главным образом из Франции, иммигрантам-колонистам. Эти колонисты вместе с французскими чиновниками, полицейскими, военными и предпринимателями составили костяк европейского национального меньшинства в Алжире. Находясь в привилегированном по сравнению с коренным населением положении, большинство европейцев составило вместе с предавшей алжирский народ феодальной аристократией социальную опору колониального режима в Алжире.

Основная масса алжирского народа, подвергавшаяся жестокой экономической эксплуатации, была полностью лишена политических прав. Вместе с тем колонизация породила ряд факторов, ускоривших формирование алжирской нации и усиливших освободительную борьбу народа Алжира. Введение капиталистических форм хозяйства разрушало племенное деление населения, уничтожало племенную разобщенность и способствовало культурно-языковому сближению алжирцев. Между различными районами страны возникала общность экономической жизни. Зарождались новые общественные классы (пролетариат и — несколько позднее — национальная буржуазия). Формирование алжирской нации происходило в условиях национального гнета и политического бесправия, что побуждало ее оказывать колонизаторам сопротивление, крепнувшее по мере роста национального самосознания алжирского народа.

Значительное влияние на усиление освободительной борьбы алжирцев имели также следующие внешние факторы: 1) Арабское возрождение, возникшее во второй половине XIX в.; 2) освободительная война республики Риф в 1921—1926 гг., показавшая народам Магриба пример сопротивления империализму; 3) влияние проникших из Европы, главным образом из Франции, идей свободы, особенно принципов буржуазной демократии¹. Решающую роль в возникновении первых коммунистических организаций, распространении в Алжире идей марксизма-ленинизма и усилении антиимпериалистического движения алжирского народа после первой мировой войны сыграла Великая Октябрьская революция, указавшая всем угнетенным народам путь к освобождению.

Крутой подъем национально-освободительного движения в Алжире произошел в годы второй мировой войны. Его предпосылками явились общее экономическое и военно-политическое ослабление французского империализма в результате поражения Франции в июне 1940 г. и глубокие сдвиги в социально-экономической жизни Алжира в годы войны. Вследствие ослабления хозяйственного контроля метрополии в 1940—1945 гг. возросла экономическая самостоятельность Алжира, усилилась национальная буржуазия, стала развиваться местная промышленность, увеличилась роль пролетариата и его партии в общественной жизни страны. Эти изменения привели к отказу радикального крыла национальной буржуазии Алжира от прежнего стремления к слиянию с европейской верхушкой под флагом ассимиляции. Происшедшие сдвиги не могли не отразиться на отношении крестьянства к национально-освободительному движению. От политической инертности оно переходит к активной его поддержке.

Однако после окончания войны верхушке европейского населения при поддержке трестов Франции удалось сохранить в Алжире колониальный режим. Она добилась жестокого подавления в мае 1945 г. стихийного народного восстания в горной области Кабилия. В сентябре 1947 г. парламентом Франции был утвержден Органический Статут Алжира. Несмотря на то что Статут формально гарантировал алжирцам ряд демократических свобод, фактически он сохранил полновластие генерал-губернатора. Все провозглашенные Статутом права алжирцев систематически нарушались, борцов за независимость Алжира заключали в тюрьмы, выборы в Алжирское собрание, предусмотренное Статутом, грубо фальсифицировались. Обычными стали карательные экспедиции против патриотически настроенных крестьян, вмешательство

¹ См. «Réalité algérienne et marxisme», numero special, juillet 1958. Цит. по: «Essai sur la Nation Algérienne», supplement aux «Cahiers du communisme», août 1958, pp. 10—12.

в дела мусульманского культа, дискриминация алжирцев при приеме на работу и при оплате за равный с европейцами труд. Все это резко обостряло национально-политические противоречия между европейской буржуазией Алжира, поддерживаемой трестами Франции, и основной массой алжирского народа.

После второй мировой войны в Алжире продолжали нарастать социально-экономические противоречия. Алжирские крестьяне разорялись, а европейские колонисты богатели. Безработица и нищета среди коренного населения приняла массовый характер. Годовой доход алжирца в 1954 г. был в семь раз меньше годового дохода европейца в Алжире². Прибыли французских компаний и европейских магнатов неуклонно росли. Тем самым социальные противоречия в Алжире переплетались с национальными.

Обострение бедственного положения подавляющего большинства алжирского народа, усиление национального и политического гнета, неспособность и нежелание французских властей разрешить насущные социальные проблемы способствовали возникновению в Алжире революционной ситуации. Этому также способствовали новые факторы международного положения в 1954 г. (укрепление независимости Египта в результате эвакуации английских войск, победа народов Вьетнама и Туниса в борьбе с французским колониализмом, усиление освободительного движения в Марокко). Достаточно было даже небольшой искры, чтобы в Алжире вспыхнуло пламя национально-освободительной революции.

Революция началась в ночь с 31 октября на 1 ноября 1954 г. вооруженными действиями подпольных патриотических организаций, объединившихся в единый Фронт национального освобождения. Патриоты нападали на полицейских, чиновников, европейских колонистов. В горной области Аурес (на юго-востоке страны) эти действия приняли характер массового восстания, на подавление которого французские власти сразу же бросили значительные военные силы. Однако подавить восстание не удалось. Пользуясь всенародной поддержкой внутри страны и материальной помощью братских арабских народов, применяя маневренную тактику, различную в зависимости от географического и социально-демографического характера района операций, повстанцы постепенно сумели распространить свою деятельность на весь Алжир.

Из отрядов повстанцев была образована Армия национального освобождения, руководимая Фронтом национального освобождения. В первом же обращении Фронта к алжирскому народу были провозглашены цели революции: завоевание независимости, создание суверенного демократического государства, уважение основных свобод граждан, ликвидация последствий колониального гнета³. Фронт создал по всей стране подпольную патриотическую администрацию, разделив территорию Алжира на ряд областей, округов и более мелких административных единиц, во главе которых поставил своих политических и военных руководителей. При поддержке коммунистов, сохраняющих свою политическую и организационную самостоятельность, и всех подлинных патриотов Фронт вовлек в освободительную борьбу широкие массы крестьянства, рабочего класса, интеллигенции, средних слоев и буржуазии. Секретарь ЦК Компартии Алжира Ларби Бухали подчеркивал: «Именно крестьянство несет на себе основную тяжесть национально-освободительной войны, участвуя

² «Perspectives», Paris, 15.XII.1956, p. 7 v. p.

³ «المقاومة الجزائرية» 3 ديسمبر 1956

в боях, обслуживая вспомогательные армейские организации и обеспечивая армию продовольствием, уже не говоря о том, что ему приходится выносить чудовищные репрессии со стороны колонизаторов. Таким образом, война принимает ясно выраженный характер антиимпериалистической аграрной революции»⁴. Характерно, что в некоторых районах крестьяне при поддержке Фронта приступили весной 1958 г. к разделу земель крупных землевладельцев. Армия национального освобождения Алжира, насчитывавшая в ноябре 1954 г. всего 3 тыс. бойцов, выросла к 1956 г. до 60 тыс., а к 1958 г. — до 130 тыс.⁵. Совершенствуя свою организацию, вооружение и боевые качества, эта армия ежедневно наносит войскам колонизаторов все более тяжелые удары. Разгромить ее не удалось, несмотря на гигантские военные усилия Франции в Алжире за последние шесть лет, несмотря на переброску в Алжир 600 тыс. французских солдат и офицеров, оснащенных новейшим американским вооружением, несмотря на мобилизацию всех полувоенных формирований из местных европейцев и их агентуры среди коренного населения, несмотря на реакционный переворот в Алжире 13 мая 1958 г. и концентрацию всей гражданской и военной власти в руках реакционного офицерства и ультраколониалистов.

Успехи алжирских повстанцев не случайны. Их причины, как и сам ход и особенности алжирской революции, еще предстоит всесторонне исследовать. Мы попытаемся лишь определить ее главные этапы и наиболее характерные особенности.

Первый этап, характеризующийся стихийным развитием партизанской борьбы в различных областях страны, длился с ноября 1954 г. примерно до конца 1955 г. В этот период упор делался на укрепление вооруженных сил повстанцев, пробуждение основной массы коренного населения от политической инертности и привлечение внимания мирового общественного мнения к событиям в Алжире. Наиболее важными итогами первого этапа явились распространение действий Армии национального освобождения почти на все районы Алжира, вовлечение в борьбу радикального крыла национальной буржуазии при нейтральной позиции ее консервативного крыла и включение алжирского вопроса в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН.

Второй этап — консолидация политических сил революции — продолжался ориентировочно с 1956 по 1957 г. Он характеризовался присоединением к Фронту национального освобождения почти всех националистических партий и группировок, активным включением в борьбу компартии, возникновением поддерживающих Фронт массовых профессиональных объединений рабочих, студентов, торговцев. В эти годы произошло также оформление единого политического и военного руководства Фронта.

Третий этап — зарождение и первые шаги алжирской государственности (1958—1960). Выборные органы национальной власти стали возникать в различных пунктах Алжира еще в конце 1956 г. В конце апреля 1958 г. на Танжерской конференции Фронта национального освобождения Алжира, правящей партии Марокко «Истикляль» и правящей партии Туниса «Новый Дустур» было принято решение об образовании временного правительства Алжира. Там же было решено образовать федерацию Алжира, Туниса и Марокко под именем Арабского Магриба и рассматривать борьбу Алжира как кровное дело Туниса и Марокко.

⁴ Ларби Бухали, *Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире*, М., 1957, стр. 30—31.
⁵ «El-Moudjahid», 19.IX.1958.

В мае того же года было произведено распределение министерских функций между членами Исполкома Национального совета алжирской революции⁶, а 19 сентября 1958 г. стало днем провозглашения Алжирской республики и образования Временного правительства Алжира во главе со старейшим национальным лидером Фархатом Аббасом. Таковы в общих чертах главные этапы алжирской революции до настоящего момента.

Поскольку алжирская революция является частью общей антиколониальной борьбы народов Азии и Африки, особенно народов арабских стран, то ей свойственны черты, присущие всем или почти всем освободительным движениям на современном этапе распада колониальной системы империализма. Кратко их можно свести к следующему: 1) антиимпериалистическая, антиколониальная и антифеодалная направленность; 2) сплочение самых различных социальных слоев коренного населения страны на основе совместной антиколониальной борьбы; 3) своеобразный союз буржуазных и мелкобуржуазных политических партий и организаций с партией рабочего класса при сохранении политической независимости пролетарской партии; 4) солидарность народов Азии и Африки, особенно арабских народов, с борющимся народом Алжира; 5) необходимость борьбы против постоянного стремления колонизаторов подорвать изнутри силы широко развернувшегося освободительного движения, расколоть его ряды путем политических маневров и незначительных уступок, привлечь на свою сторону часть коренного населения при помощи социальной демагогии и второстепенных экономических реформ. Последняя особенность событий в Алжире ярко проявилась, причем в своеобразных, ранее нигде не виданных формах, во время путча колонизаторов 13 мая 1958 г. и поездок главы правительства (с января 1959 г. — президента) Франции в Алжир в 1958—1960 гг. По всему Алжиру в мае 1958 г. были организованы демонстрации «франко-мусульманского братания», в которых алжирцев насильно заставляли принимать участие вместе с европейцами, внушали им, что они «французы в полной мере» и отныне будут пользоваться всеми правами и преимуществами граждан Франции. Когда эта политика провалилась, президент Франции повел курс на создание так называемого «алжирского Алжира». Суть этой новой уловки заключается в том, чтобы представить колонизаторов в глазах алжирцев якобы сторонниками создания в Алжире национального государства, изолировав при этом подлинных патриотов Алжира.

Наряду с общими для большинства антиколониальных революций чертами алжирская революция имеет и специфические особенности. К ним относятся: 1) наличие в Алжире привилегированного европейского меньшинства, заинтересованного в сохранении колониальных порядков, что побуждает многих европейцев, в том числе и трудящихся, защищать колониальный режим; 2) руководящая роль мелкой буржуазии в определении идеологического и политического направления революции, а также в практическом руководстве вооруженной борьбой; 3) сравнительно малая активность национальной средней и крупной буржуазии, радикальное крыло которой хотя и примкнуло к повстанцам в ходе революции, но до сих пор не играет ведущей роли, а консервативное крыло занимает выжидательную позицию; 4) активное участие в революции рабочего класса, который, однако, не играет в ней роли гегемона в силу недостаточного развития классового самосознания значительной его ча-

⁶ Национальный совет алжирской революции — высший руководящий орган Фронта национального освобождения. Создан на конгрессе лидеров Фронта в августе 1956 г.

сти, находящейся под влиянием мелкобуржуазного национализма (среди алжирцев) или колониалистских предубеждений (среди европейцев); 5) наличие у руководящего революцией Фронта национального освобождения противника в лице организации под названием Алжирское национальное движение, в свое время отказавшейся примкнуть к Фронту. Теоретически эта организация также выступает за независимость Алжира и не выдвигает каких-либо требований, противоречащих программе Фронта национального освобождения Алжира. На деле же она проводит раскольническую политику, ведет ожесточенную вооруженную и политическую борьбу против Фронта национального освобождения, ориентируется на различные реакционные силы — от французских троцкистов до американских империалистов.

В заключение хотелось бы уточнить одно важное и принципиальное положение. Иногда задают вопрос, является ли вооруженное восстание алжирского народа, начавшееся 1 ноября 1954 г., национальной революцией и правомерен ли вообще этот термин. На этот вопрос следует ответить утвердительно. Освободительную войну алжирского народа против французского империализма, безусловно, можно назвать революцией. Ее цель — не временные, частичные или поверхностные изменения, а глубокие коренные перемены в социально-экономическом и политическом строе Алжира: 1) отмена колониального режима и установление политической независимости; 2) ликвидация диктатуры клики европейских магнатов — алжирской ветви монополистического капитала Франции; 3) отстранение от командных высот в общественной жизни страны реакционных элементов, связанных с французским империализмом. Эти перемены должны стать рубежом в историческом развитии Алжира. Одновременно они составят содержание подлинно национальной революции, поскольку создадут условия для уничтожения национального угнетения и дискриминации коренного населения иностранными колонизаторами, прекращения всех посягательств на национальную культуру и достоинство алжирского народа, возвращения алжирцам национальных богатств их земли и отстранения иноземного капитала от безраздельного господства в экономике Алжира. Поскольку революция порождена прежде всего национально-политическими противоречиями между колонизаторами и громадным большинством алжирского народа, а национально-освободительная борьба составляет ее главное содержание, термин «национальная революция» следует считать вполне правомерным и правильным для обозначения происходящих в Алжире событий.

Н. С. Луцкая

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ МАРОККО В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ¹

К числу стран, сбросивших иго иностранного империализма после второй мировой войны, относится и Марокко. Самоотверженной борьбой народ этой страны добился отмены французского протектората, тяжелым бременем лежавшего на его плечах более сорока лет. В числе передовых бойцов за свободу и национальную независимость своей родины стояли марокканские коммунисты.

Марокканская коммунистическая партия оформилась организационно как самостоятельная партия в начале 1943 г. С самого начала своего существования она выдвинула требование предоставления независимости своей родине. Издаваемая партией газета «Аль-Ватан» знакомила широкие слои трудящихся с программой партии, пробуждала в них классовое самосознание, указывая, что марокканский народ имеет те же права, что и другие народы, в частности право выбора государственного строя своей страны, введения демократических свобод и создания учредительного законодательного собрания.

Компартия требовала от Организации Объединенных Наций согласия на предоставление марокканцам равных прав с другими свободными нациями².

Репрессии, которыми французская администрация протектората стремилась удушить национально-освободительное движение, поднявшееся в стране, показали, что свободу придется завоевывать в тяжелых боях.

Коммунистическая партия сознавала, что борьба за независимость будет более эффективной при условии объединения всех национальных сил. В августе 1946 г. она выпустила манифест, призывавший народные массы создать единый национальный фронт, в котором предложила принять участие партиям национальной буржуазии. Политическая программа коммунистов предусматривала усилия этого фронта направить на борьбу за независимость и единство страны, на отмену неравноправного договора о протекторате, на образование национального правительства, на выработку и принятие конституции.

¹ При написании данной статьи были использованы следующие источники и литература: «Bulletin d'information pour l'étranger, édité par le Parti Communiste Marocain», 1957, 1958; «Le Parti Communiste Marocain dans le combat pour l'indépendance nationale. Textes et documents, 1949—1958», Paris, 1958; «Mémoire présenté par le Parti Communiste Marocain à la VI session de l'ONU», Casablanca, 1951; «Mémoire présenté par le Parti Communiste Marocain à la VII session de l'ONU», 1952; «Mémoire présenté par le Parti Communiste Marocain à la VIII session de l'ONU», 1953; «Le devoir national de l'Heure: Aider l'Algérie à conquérir rapidement son indépendance nationale», 1957; A. Ayache, *Le Maroc*, Paris, 1956; F. Billoux, *La France et le Maroc*, Paris, 1956; «La Nation», 1958.

² A. Ayache, *Le Maroc*, p. 345.

В экономической области партия настаивала на проведении аграрной реформы. «Чтобы предоставить нашему народу достойную и счастливую жизнь, серьезная аграрная реформа должна отдать землю тем, кто ее обрабатывает: сельскохозяйственным рабочим, хаммасам, феллахам»³.

Однако стремление компартии к объединению всех национальных сил наталкивалось на упорное нежелание совместного сотрудничества со стороны партий национальной буржуазии. Возросший авторитет и популярность коммунистов среди населения, особенно среди рабочего класса, вызывали у руководителей ведущих буржуазных партий «Истикляль» и «Хизб аш-шура аль-Истикляль» боязнь потери своего влияния на широкие слои трудящихся.

В послевоенный период увеличивается как число членов партии, так и число ее сторонников не только в городе, но и в деревне. Большая работа, проводимая среди наиболее обездоленной части населения — крестьянства, давала свои результаты, в частности, находившиеся под сильным влиянием коммунистов феллахи района Тадлы нередко защищали свои права с оружием в руках.

В 1948—1949 гг., в связи с тем, что правительство Марокко проявило активность в разрешении внешнеполитических проблем, Центральный комитет компартии неоднократно указывал на опасность одностороннего решения вопроса. В своем воззвании ЦК подчеркнул: «Залогом успеха является борьба внутри самой страны»⁴. Однако ЦК не снимал с повестки дня вопроса о борьбе за национальную независимость.

В апреле 1949 г. на втором съезде партии было принято воззвание к населению Марокко с призывом бороться за мир и отмену протектората. Съезд вновь предложил партиям национальной буржуазии создание единого фронта, но вновь натолкнулся на решительный отказ.

Растущая политическая активность марокканского народа вызывала тревогу у французской генеральной резиденции. Начиная с 1947 г. в стране усилился террор колониальной администрации. Прогрессивные газеты и журналы подвергались конфискации, профсоюзные и партийные деятели были брошены в тюрьмы⁵. Особые репрессии были направлены против коммунистов.

В 1948 г. секретарь коммунистической партии Али Ята был выслан из Марокко. Несмотря на жестокий террор и преследования, арест некоторых наиболее активных членов ЦК, партия сумела устоять и сохранить свое организационное единство.

1951—1953 годы вошли в историю Марокко как годы наиболее разнузданного террора французских колонизаторов. Понимая неизбежность краха колониальной системы, французская администрация драконовскими мерами стремилась подавить сопротивление национальных сил. Весной 1951 г. в Касабланке был организован процесс над Али Ята, арестованным после нелегального возвращения в страну, и Мухаммедом Фархатом. Французские судьи осудили каждого на два года тюремного заключения.

В ответ на наступление, организованное не только против сил прогресса и демократии, но и против султана, поддерживавшего эти силы, коммунистическая партия продолжала упорную героическую борьбу за достижение национальной независимости. Она еще раз выступила весной 1951 г. с предложением организовать единый фронт для более успешной

³ Ibid., p. 352.

⁴ А. Аяш, *Марокко*, М., 1958, стр. 421.

⁵ «Mémoire présenté par le Parti Communiste Marocain à la VI session de l'ONU», p. 14.

борьбы с колониализмом. Но четыре марокканские буржуазные партии обеих зон Марокко⁶ («Истикляль», «Хизб аш-Шура аль-Истикляль», «Хизб ал-Вахда аль-Магрибийя», «Хизб аль-Ислах аль-Ватани»), создавшие национальный фронт, не включили в него коммунистов, что ослабляло силы сопротивления и распыляло их.

Проводя большую работу внутри страны, коммунистическая партия не забывала и о возможности использования внешних факторов, в частности международных организаций. Ее памятные записки VI, VII и VIII сессиям Генеральной Ассамблеи — это страшные обвинительные акты против французской колониальной системы⁷.

Французские власти начали новое наступление на марокканский народ. 11 декабря 1952 г. они запретили коммунистическую партию, бросив в тюрьму 12 ее руководителей. Французские власти стремились обескровить партию, лишить ее возможности участия в национально-освободительной борьбе. 20 августа 1953 г. султан Марокко Мухаммед бен Юсуф, требовавший от французского правительства предоставления независимости его стране, был свергнут и удален в ссылку.

Обстановка в стране была накалена до предела. В декларации от 26 ноября 1953 г. коммунисты заявили, что никакой террор не может поставить марокканский народ на колени.

Нежелание французского правительства предоставить независимость Марокко вызвало законное возмущение прогрессивных сил всего мира. Марокканская проблема переросла из проблемы внутренней в международную. Вопрос о положении в Марокко неоднократно включали в повестку дня Генеральной Ассамблеи. Марокканские коммунисты считали, что марокканская проблема не может быть решена без учета интересов народа⁸.

Борьба за возвращение законного султана объединила все слои населения. Коммунистическая партия, продолжавшая неустанно разъяснять необходимость создания широкого национального фронта и сплочения всех антиимпериалистических сил, практически действовала в тесном контакте с рядовыми членами партий «Истикляль» и «Хизб аш-Шура аль-Истикляль». В августе 1954 г. она опубликовала в органе Коммунистической партии Франции — газете «Юманите» заявление, в котором требовала признания за Марокко права на независимость, проведения переговоров с представителями марокканского народа и прекращения полицейского террора.

Годовщина реакционного переворота 20 августа и день тройного праздника 18 ноября 1954 г. были днями всенародных забастовок, подавленных жестоким террором. О размерах террора можно судить хотя бы по количеству арестов, произведенных после августовских событий: свыше 30 тыс. человек было посажено за решетку.

3 декабря 1954 г. ЦК Коммунистической партии Марокко направил премьер-министру Франции послание. В нем было изложено требование народа урегулировать марокканскую проблему. Но французское правительство не торопилось начать переговоры с представителями марокканского народа. Не сумев разрешить вопрос с позиции силы, оно было вынуждено пойти на уступки. Вызванному в Париж изгнанному султану было обещано предоставление независимости Марокко.

⁶ По договору 1912 г. Марокко было разделено на три зоны: французскую, испанскую и Танжер.

⁷ См. Mémoire présenté par le Parti Communiste Marocain à la VI, VII et VIII sessions de l'ONU, 1951, 1952, 1953.

⁸ F. Billoux, *La France et le Maroc*, p. 7.

После прибытия султана во Францию делегация Марокканской коммунистической партии была принята им наряду с представителями буржуазных политических партий страны.

В опубликованном после приема заявлении делегация выражала удовлетворение по поводу окончания династического кризиса и подчеркивала, что «этот благоприятный исход является главным образом результатом героической борьбы марокканского народа во главе с рабочими и крестьянами и тех неисчислимых жертв, которые они понесли»⁹.

Однако по возвращении в Марокко султан, создавая первый Консультативный Совет, не привлек коммунистов ни к работе в этом совете, ни к участию в правительстве.

Руководство компартии опубликовало в печати протест против подобной дискриминации, указав, что она «была поставлена в особое положение, поскольку с ней не консультировались по вопросу об образовании правительства, в то время как она играла и играет решающую роль в освободительной борьбе марокканского народа»¹⁰. Несмотря на такую изоляцию, компартия продолжала упорную борьбу по сплочению своих рядов и по распространению влияния на народные массы. Она требовала отмены запрещения ее деятельности, так же как и деятельности партии «Истикляль».

Французская администрация, продолжавшая свою колонизаторскую политику, арестовала и выслала из страны генерального секретаря Марокканской коммунистической партии Али Ята сразу же по его возвращении из Франции.

Но это были уже последние дни протектората. 2 марта 1956 г. было подписано франко-марокканское соглашение, предоставившее Марокко независимость. Перед государством, добившимся независимости, возникли очень сложные экономические и политические проблемы. Необходимо было повысить жизненный уровень населения, ликвидировать последствия режима протектората, уничтожить безработицу, разрешить самую насущную аграрную проблему.

Первоочередные политические задачи сводились к созданию национального правительства и Консультативного Совета, к объединению всей марокканской территории, к эвакуации иностранных войск, созданию национальной армии.

Компартия Марокко разработала ряд практических предложений, направленных на скорейшую ликвидацию последствий колониализма, с которыми она выступила в издаваемых ею бюллетенях.

Так, в сентябре 1956 г. она предложила Мухаммеду V экономическую программу, рассчитанную на восстановление экономики страны собственными средствами, без внешних кабальных займов. Основные пункты этой программы сводились к следующему: 1) национализация крупных горнорудных компаний, энергетических, железнодорожных и транспортных предприятий; 2) развитие тяжелой промышленности, финансируемое доходами, полученными от национализации; 3) проведение аграрной реформы, возврат беднякам, хаммасам и сельскохозяйственным рабочим миллиона гектаров земель, которые в свое время были отторгнуты у них колонизаторами, а также раздача земель предателей-феодалов; 4) поощрение национального производства, контроль над частными капиталовложениями, национальными и иностранными. Поощрение тех частных капиталовложений, которые направлены на подъем экономики.

⁹ «За прочный мир, за народную демократию», 18.XI.1955.
¹⁰ «Труд», 8.XII.1955.

Однако эта программа, предложенная правительству вторично в июле 1957 г., не нашла у него поддержки.

Несмотря на полулегальное положение, компартия принимала активное участие в политической жизни страны. Многочисленные статьи ее корреспондентов печатались на страницах еженедельной газеты «Ла Насьон», которая начала издаваться в Касабланке с весны 1958 г. Эта небольшая по формату газета освещала все животрепещущие вопросы. Она публиковала статьи по алжирской проблеме, экономической и социальной жизни страны, освещала события общерабского значения¹¹.

Коммунистическая партия Марокко выпустила ряд документов, в которых разъясняла позицию партии по отношению к алжирской проблеме. Особое место занимает изданный в 1958 г. сборник документов «Коммунистическая партия Марокко в борьбе за национальную независимость», охватывающий 1949—1958 гг. К сожалению, по цензурным условиям ряд документов напечатан в сокращенном виде, с пропусками, но тем не менее значение подобных документов трудно переоценить.

В том же году в Женеве было опубликовано «Досье изгнанника» — сборник документов, показывающий историю судебного процесса, который велся против Али Ята¹². Это — беспощадное разоблачение французской колониальной системы.

Коммунистическая партия выпускала информационные бюллетени, в частности «Информационный бюллетень» для заграницы, в котором систематически печатались материалы по внутренним и международным проблемам. Благодаря последовательной борьбе ей удалось добиться возвращения на родину Али Ята.

В области внутренней политики коммунисты Марокко в основу своей повседневной борьбы положили программу, предложенную ими Мухаммеду V. Они требовали разрешения аграрной проблемы, изъятия земель у предателей-феодалов и колонистов, незаконно захвативших их в период протектората, и передачи этих земель беднякам и хаммасам, повышения жизненного уровня трудящихся, предоставления населению демократических свобод. Во внешнеполитическом аспекте коммунисты настаивали на заключении торговых договоров с социалистическими странами, на отказе от всех агрессивных пактов и договоров, на полной и эффективной поддержке освободительной борьбы алжирского народа, на сотрудничестве с Арабской Лигой, арабскими и афро-азиатскими странами.

В резолюции ЦК от 18 января 1959 г. указывается, что до сих пор не произошло никаких серьезных изменений в жизненно важных для страны вопросах: иностранные войска все еще остаются на марокканской территории; война в Алжире продолжается у границ страны, причиняя разрушение и неся смерть алжирским братьям и угрожая марокканской независимости; по-прежнему в Марокко господствуют иностранные тресты. Говоря об этих, не решенных еще вопросах, резолюция подчеркивает: «Эти основные проблемы, выражающие противоречия, существующие между марокканским народом и империализмом, требуют неотложных решений, решений, которые не могут осуществиться без участия народных масс и без их борьбы»¹³.

¹¹ См. Н. С. Луцкая, Газета «Ла Насьон» — демократическое издание независимого Марокко, — сб. «Арабские страны», М., 1960, стр. 123—130.

¹² «Досье изгнанника», М., 1959.

¹³ «La Nation», 30.I.1959.

Этот документ разоблачает подлую, провокационную роль колониалистов, которые стремятся посеять рознь между отдельными группами населения, между арабами и берберами, городским и сельским населением. Колониалисты стремятся ослабить борьбу за окончательную ликвидацию последствий колониального господства. Они спровоцировали волнения в Рифе и Тафилалете. «Перед лицом опасности, которая угрожает нашей стране, ЦК Марокканской компартии, — говорится в резолюции, — считает, что основной задачей сегодняшнего дня является сохранение и завершение национальной независимости... Единство — основное и наиболее эффективное оружие для того, чтобы победить империализм и феодализм, который предал интересы нации и который окончательно связал свою судьбу с колониализмом», — указывается в резолюции. ЦК предлагает всем национальным партиям, профсоюзным организациям, организациям сопротивления и отдельным патриотам присоединиться к Национальной хартии, имеющей целью строительство нового Марокко, которое обеспечило бы всем своим сыновьям достойную и свободную жизнь.

Данное сообщение было бы неполным, если бы мы не отметили ту громадную работу, которую ведет компартия в защиту Алжира. Братская помощь, оказываемая беженцам, защита алжирских патриотов в печати, сбор средств — таковы разнообразные виды поддержки, оказываемой марокканскими коммунистами. Они рассматривают алжирскую проблему как североафриканскую проблему в целом и вопрос о независимости Алжира как вопрос о полной и окончательной независимости Марокко и Туниса. Компартия поддерживает братские, дружеские связи с компартиями Алжира и Туниса, проводит совместно с ними ряд мероприятий, направленных на укрепление союза всех трех стран Магриба.

Подводя итог, можно сказать: 1) Марокканская коммунистическая партия, в послевоенный период оформившаяся в самостоятельную партию, решительно и последовательно боролась за достижение национальной независимости своей родины; 2) несмотря на террор и преследования со стороны колониальной администрации, она сохранила организационное единство и в трудных условиях сумела добиться признания широких трудящихся масс; 3) она смело ставила наиболее актуальные для Марокко проблемы и требовала их разрешения; 4) после провозглашения независимости, несмотря на полулегальное положение, компартии удалось использовать печать для пропаганды своих идей; 5) коммунистическая партия прилагала и прилагает все усилия для организации единого фронта, видя в нем залог победы. Она неоднократно обращалась к партиям национальной буржуазии с предложением создания единого фронта, а также с предложением присоединиться к Национальной хартии; 6) Марокканская коммунистическая партия стоит на страже интересов трудящихся, несмотря на то что с 1960 г. она официально запрещена правительством.

В. В. Матвеев

О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ СТРАНЫ ЗИНДЖЕЙ

Побережье Восточной Африки, населенное черными народами, арабские географы и историки называли страной зинджей. По описаниям арабских авторов, на юге она смыкалась со страной Суфалат аз-зиндж, а на севере — с ал-Хабаша, или со страной Бербера.

Где же в действительности проходила граница страны зинджей и, в частности ее северная граница?

Исследователи, занимавшиеся историей Восточной Африки, отвечают на этот вопрос по-разному, хотя сходятся во мнении, что пределы страны зинджей следует искать где-то в области Абиссинии, Сомали и Кении. Наиболее интересные данные мы находим у французского ученого Л. М. Девика в его книге «Страна зинджей», вышедшей в 1883 г. в Париже.

Используя известия авторов, писавших на греческом языке, — Птолемея, Косьмы Индикоплова, анонимное сочинение «Перипл Эритрейского моря», Л. М. Девик приходит к выводу, что страна зинджей (Ζινδοίον — как ее называли грекоязычные авторы) начинается на северном побережье Сомалийского полуострова от мыса Гвардафуй и далее на юг¹.

Арабские источники, по мнению Девика, не могут уточнить местоположение страны зинджей. Наиболее ценными являются сведения таких авторов, как ал-Истахри, ал-Масуди и ал-Идриси. Ал-Истахри, например, сообщает: «Страна зинджей более протяженна, чем страна Судан. Она не соприкасается ни с какой другой страной, кроме ал-Хабаша, и находится против Йемена, Фарса, Кермана и Индии»².

В известии ал-Масуди говорится, что страна зинджей начинается на земле Бербера³, народы которого представляют собой разновидность зинджей⁴.

Привлеченное Девиком известие ал-Идриси содержит перечисление городов, от восточноафриканского рога до Момбасы. Девик пытается идентифицировать местоположение этих городов. Ученый приходит к выводу, что под «страной зинджей», по-видимому, имелась в виду вся восточная часть Африки, с 12° северной широты и до 26° южной широты.

Другой ученый — Ф. Шторбек также интересовался вопросом границ страны зинджей. Он ограничился переводом отрывков из сочинений арабских авторов и воздержался от позитивных выводов, однако

¹ L. M. Devic, *Le Pays des Zends*, Paris, 1883, p. 23.

² M. J. de Goeje, — BGA, I, Leyde, 1870, p. 11.

³ Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, *Maçoudi. Les Prairies d'or*, t. I, Paris, 1861, p. 231.

⁴ Ibid., t. III, p. 2.

отметил, что «ко времени арабского географа ал-Мас'удй (X в.) начало страны зинджей считали от Веби-Шебели или от Джубы»⁵.

Нам кажется, что границу страны зинджей можно определить точнее на основании тех же источников, которые привлек Девик.

Так, известие ал-Идрйси, привлеченное французским ученым, ясно показывает, что страна зинджей начиналась не в северной части территории нынешней Республики Сомали, а в южной. Ал-Идрйси, говоря о побережье страны Бербера, сообщает названия целого ряда городов и указывает расстояния между ними в днях пути. От Базуна, самого южного города на побережье Бербера, идентификация которого не удается, до Малинди расстояние в три дня и три ночи пути морем. Ал-Идрйси указывает, что Базуна подчинен зинджам. Отсюда возможен вывод, что он не является городом самих зинджей, а только принадлежит им и, следовательно, где-то в этом месте кончаются пределы страны зинджей. Наше предположение подтверждается также сообщением ал-Идрйси о расположенных недалеко от Базуна двух других городах. Относительно этих городов ал-Идрйси прямо говорит, что они прилегают к стране зинджей.

Порядок перечисления городов у ал-Идрйси также подтверждает, что северную сторону страны зинджей следует искать в южной части территории Республики Сомали.

Степень достоверности сведений ал-Идрйси особых сомнений не вызывает. Как известно, многие данные он заимствовал у Птолемея. Что же касается материала о городах побережья Восточной Африки, то, очевидно, они были получены из рассказа человека, там побывавшего; заимствовать эти сведения из литературы ал-Идрйси не мог, поскольку они впервые встречаются у него.

Известия ал-Истахри и ал-Мас'удй позволяют установить эту границу еще более точно. В сообщении ал-Истахри, недостаточно использованном Девиком, мы читаем: «А что касается стран ал-Хабаша, то они находятся на море ал-Кулзум (оно же море Фарса). Одна из их границ простирается к стране зинджей, другая идет по пустыне, расположенной между нубийцами и морем ал-Кулзума, а третья с Беджа идет по непроходимой пустыне»⁶.

Ал-Мас'удй также говорит о местности, разграничивающей страну зинджей с Эфиопией. Ценность его известия особенно велика, так как ал-Мас'удй сам побывал на восточноафриканском побережье. В своем сочинении «Мурудж аз-захаб» он пишет: «А то, что мы упомянули о воде, текущей в море зинджей, так это только река (рукав — خاج), начинающаяся из верхних источников зинджей. И она разграничивает страны зинджей и окраины стран племен ал-Хабаша. А если бы не эта река, песчаные пустыни и сыпучие пески, не было бы для ал-Хабаша места в их области от различных зинджей из-за большого числа и воинственности последних»⁷.

Приведенный отрывок отсутствует в книге Девика. А именно он и позволяет уточнить местонахождение искомой границы. Пустыней, о которой говорит ал-Мас'удй, может быть только пустынная область на границе современных Кении и Республики Сомали. Что же касается реки, то это, вероятно, Джуба. Известная в этой области большая река Веби-Шебели не подходит под определение ал-Мас'удй (она

⁵ F. Storbeck, *Die Berichte der arabischen Geographen des Mittelalters über Ostafrika*, — MSOS, Jahrg. XVII, 1914, Ss. 112—113.

⁶ BGA, t. I, p. 11.

⁷ Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, *Maçoudi. Les Prairies d'or*, p. 211.

не впадает в море, а теряется в песках). Говорить же о мелких реках не приходится; в пустынной области Сомали имеются только пересыхающие вади.

Что же касается истоков реки, которые ал-Мас'удй называет «верх-следующим образом. Арабы не знали внутренних областей Восточной Африки, даже те, кто бывал на ее побережье. Поэтому об истоках рек, и в частности Джубы, они могли только догадываться. Вся территория за побережьем была, по представлениям арабских географов, населена зинджами. Возможно, что по этой причине ал-Мас'удй говорит, что истоки пограничной реки между зинджами и народами, жившими севернее их, находятся в верхних частях страны зинджей, тогда как в действительности они находятся в горах Эфиопии.

Интересно отметить также, что подобное определение северной границы страны зинджей соответствует нынешнему состоянию расселения народов африканского континента. В настоящее время здесь проходит граница, разделяющая кушитское население Сомали и Эфиопии, с одной стороны, и народы банту — с другой.

Н. В. Пигулевская

ГРЕЧЕСКИЕ И СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНЫХ АРАБСКИХ ПЛЕМЕН IV—VI ВЕКОВ

История северных арабских племен до образования халифата может быть изучена лишь при сочетании многих и разноязычных источников. Собственно арабские источники, разнообразные по своему характеру, требуют особого исследования. Так, достаточно указать на арабские, тамудские и лихьянские надписи, историческое значение которых недостаточно выяснено. Что касается доисламских поэтов, то они погружены в своеобразную лирику, у них нельзя найти сообщений по политической истории, но они дают общий колорит эпохи, выявляют психический облик бедуинов, кочевой характер жизни которых выработал в них своеобразные черты.

Нарративные арабские источники, географические и исторические, дают сведения, на которых лежит большой налет романтики и легенды, что является результатом более поздней обработки. Их хронологические данные требуют тщательного исследования, в ряде случаев их следует отвергнуть, и только путем синхронистических сопоставлений можно установить время того или иного события. Составители генеалогии племен искали опоры в связях, фактически не существовавших, и только в результате большой аналитической работы можно прийти к относительно надежным результатам.

При таком состоянии источников византийские и сирийские историки приобретают особенно большое значение. До настоящего времени их привлекали мало и редко, не использовали их свидетельства о политической истории и социальной структуре арабских государств. Привлечение этих источников для истории химьяритов, как показали наши исследования, помогло разрешить вопросы, не находившие до того ответов в истории Южной Аравии. Греческие хронографы и латинские историографы постоянно упоминают об арабах, их воинственных набегах и мирных сношениях с империей. У этих писателей имеются некоторые сведения о внутреннем строе и общественных отношениях арабов. Но на характере трактовки событий, связанных с арабами, сказалось то, что гордость и самомнение Рима полностью наследовала Византия, «второй Рим». Для нее все восточные народы были «варварами», в том числе и персы, в культурном отношении не только не уступавшие «ромеям», как называли себя византийцы, но во многих отношениях достигшие более высокого уровня. Тем более арабские племена казались им малодостойными внимания.

Большое значение приобретают сирийские источники, ценные уже по одному тому, что их свидетельства записаны современниками, для которых арабы были близкой, хорошо известной народностью. С представителями арабов они находились в постоянном общении. Сирийцы владели родственным им арабским языком. Превосходно знали грече-

ский и пехлеви те из них, которые бывали толмачами и членами посольств от Византии к шахан-шаху и от Ирана к императору.

Арабские племена смогли создать свои государства и отстаивать их самостоятельность. Военная сила арабских племен была нужна каждой из великих держав, которые стремились привлечь их на свою сторону.

Сложившиеся к V в. государства Гассанидов и Лахмидов существовали в сфере влияния Византии и Ирана, «под рукой» своих мощных соседей, которые вовлекали их в сложные внешнеполитические отношения на Ближнем Востоке. И нельзя не отметить того, что для Константинополя христианизация играла известную политическую роль, поэтому новая идеология проникала в арабскую среду при официальной поддержке империи. Иран мог противостоять этому влиянию, лишь покровительствуя несторианству, направлению, не отвечающему господствовавшему в Византии православию.

У писателей IV и V вв. можно найти немало сведений об арабах. Аммиан Марцеллин, спутник Юлиана Отступника в его походе за Евфрат в 363 г., рисует характерные черты отношений с арабами¹.

Они встречают императора как владыку мира, подносят ему золотой венец и с почтением кланяются ему. Но когда Юлиан отказывается выплатить арабам должную субсидию и позволяет себе неосторожные угрозы, то их дружественное отношение резко меняется, они становятся враждебными ромейскому войску, на него нападают, и самая гибель Юлиана последовала от стрелы, которую метнул в него араб 26 июня 363 г.

Переводчик на латинский язык и продолжатель истории Евсевия Кесарийского, Руфин, в своем труде, написанном около 402 г., вписал рассказ о «сарацинской царице Мавии». Этот рассказ был подхвачен всеми более поздними греческими историками². В первой половине V в. его приводят Сократ и с новыми подробностями Созомен. Вдова филарха арабов-скинитов Мавия объединила племена и вела между 373 и 378 гг. опустошительные войны в областях Палестины и напала на города Финикии, она истомила набегами ромейские войска и заставила страстига Востока просить ее о мире. Созомен ссылается на устную традицию, хранящую память об этих войнах, и сообщает, что арабы «воспевают их в стихах» — *παρά δὲ Σαρακηνοῖς ἐν ᾠδαῖς ἐστὶν*. Таково еще одно свидетельство о доисламской поэзии³.

Если бы не случайно сохранившиеся отрывки безвестного греческого историка с семитическим именем Малх, то осталось бы неизвестным, что в 17-й год царствования императора Льва Макелла, т. е. в 473 г., между Византией и Аморкесом был заключен договор. Аморкес — это Имрулькайс, арабский царек, захвативший ключевые позиции на Красном море в так называемой Петрейской Аравии. Он овладел Петрой и о. Иотабой в Аденском заливе. Сохранились надписи Имрулькайса и другие источники о нем. Слагается новое представление и о значении торговых путей к побережьям Аравийского полуострова и африканского материка как сухопутных, так и морских. Пошлины, которыми облагалась эта торговля, приносили большой доход, и арабы стремились

¹ Ammianus Marcellinus, *Rerum gestarum libri qui supersunt. Recensuit Fr. Eyssenhardt*, Berolini, 1871, pp. 269, 295, 297.

² Rufinus, *Historia ecclesiastica*, XI. 6 recensuit Th. Mommsen, — «Die Griechischen Christlichen Schriftsteller, der ersten drei Jahrhunderte», Eusebius, Bd 11, Leipzig, 1908, Teil 2.

³ Sozomenos, *Historia ecclesiastica*, libr. VI, cap. 8, ed. R. Hussey, t. II, Oxonii, 1860, pp. 667—672.

захватить и использовать эту возможность. Совершенно очевидно, что такие претензии Имрулькайса были возможны лишь имея опору в прочных арабских позициях в Петре и постоянство торговых интересов арабов на путях в Индию.

Но особенно богата византийская историография сведениями об арабах в век Юстиниана, когда писал замечательный историк своего времени Прокопий, официальный льстец и тайный памфлетист всеильного императора⁴. Прокопию, секретарю полководца Велизария, мы обязаны описанием войн Византии с Ираном, в которых принимали живое участие арабы и с той и с другой стороны. Прокопий дает глубокую оценку общей политической ситуации на Ближнем Востоке, роли и значению государств Гассанидов и Лахмидов, ему известны проявления кровавой вражды между арабскими племенами и постоянная опасность, грозившая империи от соперничества этих племен. Прокопий вполне учитывает значение их помощи и союза с ними, чтобы иметь возможность военной силой одних племен удерживать в границах вражду других. Но нельзя не отметить тенденциозной трактовки этим историком действий арабов, так как именно он оставил порочащее филарха арабов Гассанидов, патрикия и царя Арефу (Харита) обвинение в «предательстве» (*προδοσια*) ромейских войск в 531 и 541 гг. Это «предательство» разгадано как клевета, которую не первый раз возводили историки империи на арабов, чтобы спасти репутацию своих военачальников. Так же несправедливо еще Тацит обвинял царя Эдессы Абгара в том, что он предал римские войска парфянам. Но тому же Тациту пришлось сохранить ответ Абгара на жалобы имперских войск на трудности похода; не думали ли они, что в бесплодных областях Месопотамии им будет так же легко, как на прогулке по Кампании, итальянской равнине.

Арефа сумел добиться оправдания и признания. Прокопий знает цену арабскому оружию, боеспособности и военным хитростям арабов, но учитывает и их слабость при осаде городов. Ему известен спор между гассанидом Арефой и лахмидом Мундаром за *strata* — мощеную дорогу, построенную при Диокитиане между Дамаском и Пальмирой. Спор этот основывался на обычном праве, на традиции и давности, на которой настаивала каждая из сторон.

Без протокола мирного договора 561 г., записанного греческим историком Менандром, нельзя было бы говорить о роли арабов в торговле с восточными странами Передней Азии⁵. В этом договоре, заключенном между Византией и Ираном, были особо выделены условия, обязательные и для арабов, в пунктах 2, 5, 9 и 11. Подчиненные одной из великих держав, находившиеся «под ее рукой», арабы не должны были производить нападений или разорять области соседнего государства (п. 2). Из 5-го пункта договора совершенно очевидно, что «арабские» и «другие варварские торговцы» перевозили товары из Ирана в Византию и обратно, пользуясь неизвестными тропами и труднопроходимыми дорогами. Таким путем они избегали обременительных пошлин и имели возможность сбывать свой товар с большей прибылью. Это говорит об участии арабов в транзитной торговле не только с Аравией, но и на границах в Междуречье, где они стремились осуществить свое участие и помимо таможен. Они, по словам договора, без разрешения

⁴ Procopius Caesarensis, *Opera omnia, recognovit Iacobus Haury*, vol. I, Lipsiae, 1905.

⁵ «Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus edidit Carolus de Boor», pars I, Berolini, 1903, p. 180.

ездили в «чужие страны», так что пограничным властям надо было их «выслеживать» и наказывать за эти нарушения. Выясняются, следовательно, значительные экономические интересы арабов, их участие в торговом обмене между государствами, и их пресловутое «варварство» и Ирану приходилось опасаться как вражды арабских государств между собой, так и их нападений на границе, вследствие чего возникали жестокие войны, в которые втягивались массы людей и принося опустошения обширным населенным областям.

Тот же Менандр сохранил данные, характерные для отношения Константинополя и Ктезифона к арабам. Византия для сохранения мира была вынуждена выплачивать дотации «иранским арабам», т. е. Лахмидам. Персы, заключая мир в 561 г., добивались включения в текст договора пункта об оплате ромеями Амбра (т. е. Амра), который предъявил такого рода требование своему союзнику и покровителю — Ирану. Опытность и находчивость византийского посла Петра спасли имперскую казну от тяжелой дотации в 100 литр золотом. Он представил все дело, как взаимные личные отношения между византийским императором и царем Лахмидов, которые обменивались подарками, любезностями, и наотрез отказался признать возможность поставить дотацию условием договора для Византии. Более того, он утверждал, что это было бы заискиванием одной державы перед подданными другой.

Настойчивость Ирана в этом случае указывает на стремление сохранить и обеспечить себе поддержку Лахмидов, зависимость и боязнь вызвать их неудовольствие. Выясняется и необходимость осторожной политики со стороны империи, которая была вынуждена под видом подарков предоставлять дотации арабам, чтобы обеспечить спокойствие своих юго-восточной и восточной границ. Мирных отношений с арабами нужно было добиваться в том числе и путем подкупов, денежных соглашений, но прочность их всегда оставалась под вопросом.

Хронография Малалы во многих отношениях является превосходным источником для истории арабов⁶. Несколько примитивный и простонародный характер этого памятника, составленного в VI в., с его незатейливыми рассказами позволяет, однако, доверять его сообщениям. Глубоко связанный с антиохийской традицией и Сирией, в которой жили и кочевали многочисленные арабские племена, этот источник достоин внимания, он учитывает все трудности империи, опасность вражды с арабами, в то же время в нем нет тенденциозности, его простота и непредвзятость, как и хронологическая канва в изложении событий, составляют его преимущества.

Феофан, автор VIII в., писавший в период победы халифата, включил в свой хронограф большое число сведений об арабах⁷. Не говоря с значением его труда для датировки этапов завоеваний арабов в VII в., Феофан является ценным источником для их истории и в предшествующие века. Автор жил под впечатлением мощи, силы, значения арабов и поэтому собрал у своих предшественников всевозможные сведения, не оставляя без внимания ничего. Летопись Феофана создает известную хронологическую последовательность в истории арабов, указывает на их роль в различных событиях, дает точные имена филархов, племен и родов, к которым они принадлежали.

⁶ Iohannes Malalas, *Chronographia*, ed. Dindorfius, Bonn, 1831.

⁷ Theophanes, *Chronographia*, ed. C. de Boor, vol. I, Lipsiae, 1883.

Именно Феофан дает возможность уточнить и связать сведения византийских авторов с сообщениями арабских историков и эпиграфических памятников.

Не обошел молчанием арабов и Феофилакт Симокатта, умерший в первой половине VII в. Ему, как и Прокопию, принадлежит все то же повторяющееся обвинение в предательстве арабов. Оно заключается в том, что Аламундар (Мундар) оповестил персов о походе Маврикия, в котором он участвовал. Персы разрушили мост через Тигр, что привело к неудаче всего похода. Но Симокатта сам не уверен в правдивости этого обвинения. Географические сведения этого источника дают материал для решения некоторых существенных вопросов.

Заключая вопрос о нарративных греческих источниках, следует еще упомянуть о агиологических памятниках. При всем их своеобразии ценность того, что они сообщают, не вызывает сомнения; таковы, например, жития, составленные Кириллом Скифопольским, в которых имеются рассказы об арабах, словно выхваченные из красочной ткани самой жизни.

Следует отметить известное количество латинских и греческих надписей, которые могут быть использованы для воссоздания истории северных арабских племен.

Нельзя не упомянуть и о том, что в памятниках византийского права есть материалы, имеющие значение для данной темы. В частности Новеллы знают имена арабских филархов, с которыми Константинополь заключал договоры и которых одаривал. Участие арабов в различных событиях, их роль в государственной жизни Византии фиксировались законодательными актами.

Все греческие источники, взятые вместе, позволяют не только установить хронологическую канву и последовательность истории арабских государств до образования халифата, но и разработать вопрос об их общественно-экономическом строе и его развитии, что имеет прямую связь и важнейшее значение для проблемы возникновения ислама.

Сирийские источники также сохранили забытые, находящиеся в небрежении, сведения об арабах, которых они хорошо знали, язык их был им легко понятен; они жили в соседстве друг с другом много веков. Их связывали и общие интересы как в области экономической, так и в политике, зависящей от византийских и персидских интересов, которым были вынуждены подчиняться и сирийцы и арабы. В западных от Междуречья областях их объединяла и общая идеология, поскольку среди арабов было распространено монофизитство. Все «восточные» дружно придерживались его вопреки великодержавию Константинополя.

Зная ближе арабов, сирийцы сохранили неизвестные другим источникам сведения о них, способствующие воссоздать и социально-экономическую основу арабских государств.

Написанная около 518 г. в Эдессе сирийская хроника Иешу Стилита вплела в историю войн между Византией и Ираном немало сведений об арабах⁸. Они подкупают своей наблюдательностью, непосредственностью, живостью. Сирийский источник позволяет остановиться на важном вопросе о переходе некоторых племен, вернее их верхушки, от кочевого к полукочевому и оседлому состоянию. Кочевой лагерь стабилизировался, становище делалось городом, огораживалось, обносилось стеной и теряло свой временный, готовый в любой момент к пере-

⁸ «The Chronicle of Ioshua the Stylite», ed. by W. Wright, Cambridge, 1882; Н. Пигулевская, *Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита, как исторический источник*, Л., 1940.

движению, характер. Автор этой хроники знает о воинственности арабов, непобедимой легкости их кавалерии, появлявшейся и исчезающей с быстротой ветра в пустыне. Их участие решало исход битвы не один раз.

Ни особой главы, ни отдельной темы не посвящено арабам в хронике Захарии Митиленского, составленной в 60-х годах VI в.⁹ Автор не рассматривал особым письменным источником об арабах, но сведения о них разбросаны по всей книге. Взаимная вражда Гассанидов и Лахмидов, ношений на Ближнем Востоке, сложный клубок политических отцами этой хроники.

В 586 г. умер, не закончив свою «Историю», сирийский писатель, страстный монофизит и темпераментный политик Иоанн Ефесский¹⁰. Уцелела лишь третья часть его труда, первые части с относительной вероятностью восстанавливаются по хронике псевдо-Дионисия и Михаила Сирийца. В третьей и шестой книгах третьей части «Истории» Иоанн стремится последовательно изложить историю гассанида Мундара бар Харита. В ярких образах проходят события последних десятилетий существования царства Гассанидов. Сыновья Харита объединяются и мстят Византии жестокими набегами за гибель отца. Мундар, старший из братьев, стоит во главе, он оправдывает их нападения тем, что империя внезапно лишила их аннон, т. е. денег и фуража (аннопа militaris), и они были вынуждены прибегнуть к примитивному методу восстановления своей жизни. Но Византия решила покончить с крепким арабским государством, Харит был сражен, очередь была за Мундаром. Правда, политический просчет Византии стал очевидным очень скоро, так как она потеряла опору в арабском буферном государстве против неорганизованных, но настойчивых нападений других арабских племен на свои границы.

Мундар бар Харит оказался жертвой жестокой интриги. По заданию имперского правительства, хитростью его заманивает и предает его же «друг и патрон» Магна, чтобы в цепях доставить его в Константинополь. Историк сравнивает его судьбу с гибелью «льва в пустыне», которого жестоко «загнали» и «потоптали».

Псевдо-Дионисиева хроника, составленная около 775 г., содержит замечательный источник по истории южноарабского государства химьяритов — послание Симеона Бетаршамского, датированное 524 г. Но в ней имеются материалы, относящиеся и к северным арабским государствам, почерпнутые преимущественно из Иоанна Ефесского.

«Анонимная сирийская хроника» середины VII в. рассказывает о Сасанидах в тесной связи с историей лахмидского княжества, находившегося в зависимости от них¹¹. Здесь красочно описывается жестокое оскорбление, нанесенное Нааманом, лахмидским царем, шахан-шаху Хосрову II; Нааман отказался выдать за него замуж свою дочь, а Хосров, пригласив его к трапезе, распорядился положить перед ним траву. Лахмида впоследствии заманили в столицу, где он был убит «смертельным ядом». Уместно вспомнить, что «варвары»-Лахмиды оставили после себя город с многочисленными строениями и дворец, замечательные украшения которого вызывают удивление донны.

⁹ «Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta edidit E. W. Brooks», Paris, I, 1919; II, 1921. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri, series tertia, t. V, VI.

¹⁰ Iohannes Ephesus, *Historia ecclesiastica pars tertia edidit E. W. Brooks*, Paris, series tertia, t. III, 1935. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri, series tertia, t. III, pp. 16—39. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri, series tertia, t. IV.

¹¹ «Chronica minora edidit Ignatio Guidi», Paris, 1903, pp. 16—39. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri, series tertia, t. IV.

Нельзя не упомянуть о материалах в большом всемирно-историческом труде монофизитского патриарха Михаила Сирийца, умершего в 1199 г.¹² В этот сводный труд вошли сочинения, давно утерянные и не дошедшие до нас, что очевидно из списка источников, которые он дал. Замечательны попытки Михаила синхронизировать события, как и датировать их. В числе его источников были первые две книги Иоанна Ефесского, сочинения Кира Батнского и Иоанна Литарбского. Раздел его хроники, посвященный IV—VI вв., содержит материал и для настоящей темы.

По поводу сирийских источников следует отметить, что хотя мы и не располагаем современными событиями арабскими нарративными источниками о Гассанидах и Лахмидах, но нет сомнения, что и Иоанн Ефесский и «Анонимная хроника» основываются на специальной, наиболее вероятно, устной традиции, корнями своими уходящей в самую гущу арабской среды.

На традиции, сохранившиеся в лахмидском княжестве, сначала устные, а затем и письменные, указывают имеющиеся в хронике Табари сообщения; некоторые из них можно связать с сообщениями греческих и сирийских источников. Глубокой связи между сирийцами и арабами способствовала и общая идеология. Лахмиды, как и восточные сирийцы, были несторианами, тогда как Гассаниды и западные сирийцы принадлежали к монофизитам, и в том и другом случае сирийский язык был языком общей религии и ритуала, что служило сближению и общности интересов обеих народностей.

Совокупность источников по истории северных арабских племен до возникновения ислама — арабских, греческих, латинских и сирийских — позволяет восстановить последовательную историю этих племен. Дальнейший анализ и работа над источниками покажут еще с большим основанием правильность вывода, который напрашивается и из нашего краткого очерка. Роль арабов в IV—VI вв. на Ближнем Востоке сводилась не только к их военной мощи. Само по себе это было существенно и упрочивало их положение между Ираном и Византией. Государства Гассанидов, Лахмидов, Киндитов были опорой и создавали сопротивление против менее организованных и воинственных арабских племен, что использовалось гегемонами Передней Азии.

Наряду с этим те же источники приводят к выводу, что арабы занимали большое место в общем экономическом обмене на Ближнем Востоке и торговые, а тем самым и культурные связи в значительной своей части находились в их руках. Наконец, культурный уровень верхушки арабских обществ был не ниже уровня других народов, о чем свидетельствуют и памятники материальной культуры Русафы и Хиры.

История северных арабских государств тесно связана с историей южноарабских государств Йемена, как и с Хиджазом. Зарождение ислама своими корнями уходит в историю всех арабских племен до образования халифата. Социально-экономический строй арабских государств, их участие в общем развитии политической и общественной жизни Ближнего Востока, освоение культуры верхушкой арабского общества, приобщение к передовой идеологии того времени — все это были важные, решающие факторы, способствовавшие консолидации арабов, их объединению в исламе и организации халифата.

А. Н. Тер-Гевондян

АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ В АРМЕНИИ ПРИ БАГРАТИДАХ

Арабскими эмиратами в Армении называют арабские феодальные образования, возникшие на территории Великой Армении при Багратидах (Багратуни).

Предпосылки возникновения таких образований появились еще при Аббасидах, когда в результате подавления крупного восстания армян против арабов 774—775 гг. на юго-запад Армении были переселены арабские племена. О таких переселениях свидетельствует арабский историк ал-Йа'куби¹.

В районе Апахунис (арабск. Баджунайс, или Бахунис) утвердились сулаймиты (кайситы)², в области Алдзник (арабск. Маййафари-қйн) обосновался род Шайбана, многие эмиры которого к концу VIII—началу IX в. были неоднократно правителями Арминии (Армения, Картли и Арран). Все они вели политику арабизации Армении и особенно ее юго-западных областей. Тот же ал-Йа'куби упоминает имена правителей, например Йазыда Ибн Мазйада аш-Шайбани и др., игравших видную роль в арабизации.

Следует особо подчеркнуть, что появившиеся в разных областях Армении арабские племена и вообще мусульманские элементы были немногочисленны. В основном это были воины, на которых опирались эмиры-узурпаторы.

Между эмирами происходила постоянная борьба за власть. Так, эмиры из рода Джаххафа³ около 40 лет вели упорную борьбу не только против нахараров Армении, особенно Багратидов, за новые земли, но и против наместников халифа.

Пользуясь тем, что войска халифа были заняты усмирением восставшего в Атрпатакане Бабек (вождь народной войны иранского Азербайджана), джаххафиды пытались захватить власть в Армении⁴, но потерпели полное поражение. После убийства халифа ал-Мутаваккано (847—861) создались благоприятные условия для усиления аркила (847—861) создались благоприятные условия для усиления армянских нахараров и особенно Багратуни. Представителям дома Багратуни удалось восстановить Армянское царство. Так, сразу же после смерти халифа Ашот Багратуни, спарпет (главнокомандующий войсками) Армении был назначен князем князей. Его влияние возросло до такой степени, что историки свидетельствуют, что еще в 60-х годах IX в. его называли царем⁵. Однако только в 884 г. он был признан халифом Му'тамидом царем Армении.

¹ Ibn Wadhīh qui dicitur al Jaqubi Historiae, ed. Houtsma, II, 515.

² «Abu Dulaf...», ed. V. Minorsky, Cairo, 1955, p. 8.

³ J. Laurent, L'Arménie entre Byzance et l'Islam, Paris, 1919, p. 322.

⁴ Վարդան, Պատմութիւն Տիգրիսի և Եփրատի, 1861, էջ 106—107.

⁵ Մանր ժամանակագրութիւններ, II, 1956, էջ 156—162.

¹² Michel de Syrien, Chronique éditée par J.-B. Chabot, Paris, I, 1899; II, 1901; III, 1905; IV, 1910. I-Introduction et tables, 1924.

При Ашоте I и Смбате I, на протяжении приблизительно полувек, Армения представляла собой единое государство с прочной царской властью. Резиденции оба монарха выбрали в своих доменах — в Багаране и Еразгаворсе (Ширакаван). Крупнейшими феодалами после Багратидов были нахарары Арцруни и Сюни, а также Таронские Багратиды, все, которые стремились к независимости.

Так, против Смбата I восстали градоначальники Двина — братья Мухаммад и Умайя. Восстание было подавлено, и Двин остался в составе Армянского царства.

К концу своего царствования Смбату I с трудом удалось сохранить единство Армении. Спустя несколько лет после подавления мятежа в Двине против царя поднялись кайситы Маназкерта, которые, как свидетельствует очевидец этих событий историк Тома Арцруни⁶, отказались платить дань царю. Восстание кайситов было подавлено благодаря тому, что нахарары Арцруни оказали поддержку Смбату I.

Но вскоре отношения между царем и нахарарами Арцруни приняли напряженный характер. Политика Смбата I, направленная на централизацию государства, встречала упорное сопротивление крупнейших нахараров, которое привело к гибели царя (914 г.).

Именно к этому периоду нужно отнести возникновение арабских эмиратов в Армении. Их появление было обусловлено феодальной раздробленностью, характеризовавшей царствование преемников Смбата I, при которых власть царя фактически распространялась только на север Армении. На юге страны возникли такие феодальные образования, как Васпураканское царство, княжество Таронских Багратидов и арабский эмират кайситов в Маназкерте.

Арабские эмираты можно разделить на две группы: эмираты юго-запада Армении (с центром Маназкерт) и эмираты долины Аракса. На протяжении IX — XI вв. на территории Великой Армении стали известны следующие феодальные образования переселившихся арабских племен⁷: на юго-западе — Шайбаниды в Маййафарикине, род Зурара в Арзне, кайситы (вернее, сулаймиты) в Маназкерте и Османиды (арм. Утманик) в Беркри. Кроме этого, арабские элементы существовали также в Карине (арабск. Қәлиқалә). В долине Аракса образовались два эмирата, один из них был в Двине, а другой южнее — в Голтне.

Все эти мелкие феодальные образования только условно можно называть «арабскими», ибо в тех областях, где они возникли, утвердились начиная с X в. не только арабы, а еще иранские элементы и особенно курды. Точнее их можно назвать армяно-арабскими эмиратами, как это делают некоторые исследователи⁸.

Кайситы, или, вернее, кайситское племя сулаймитов, утвердились на юго-западе Армении приблизительно в конце VIII в., но областью Апахунис и г. Маназкерт они овладели, по всей вероятности, в 50-х годах IX в. во время похода Буги. По сведениям византийского историка Константина VII Багрянородного⁹, Ашот Багратуни отдал Абӯ-л-Варду кайситу некоторые города. Этот последний и его сын признавали себя подданными царей Ашота I и Смбата. Однако после смерти Смбата I Маназкертский эмират отпал от Армянского царства и

⁶ Յոսիմա, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, 1887, էջ 245—248.

⁷ Н. Thoptschian, *Die inneren Zustände von Armenien unter Asot I*, 1904, Ss. 11—22.

⁸ М. Canard, *Histoire de la dynastie des Hamdanides*, Alger, 1951, p. 171.

⁹ Constantine Porphyrogenitus, *de Administrando Imperio*, ed. G. Moravcsik and trans. R. H. J. Jenkins, Budapest, 1949, XLIV, 198—199.

вместе с областями Тарон и Карин попал под влияние Византийской империи.

Империя смотрела на эти армянские области как на территорию, которая должна была служить ареной ее борьбы против халифата. Туда совершали походы и византийские войска и войска халифата, в особенности начиная с 20-х и 30-х годов, когда областью Маййа-фарикин овладели Хамданиды, которые вели упорную борьбу против Византии.

Наиболее известный из них Сайф ад-Даула ал-Хамдани вел агрессивную политику в отношении областей Юго-Западной Армении. Арабский историк ал-Фарики¹⁰ свидетельствует, что в 328 г. (939/940) Сайф ад-Даула отнял у Арцруни, кайситов и таронских Багратидов некоторые крепости и города. Кроме этого, его гулям Наджа в 352 г. (963/964), совершив поход на Маназкерт, убил Абӯ-л-Варда и овладел его городами.

Неизвестно, в чьих руках находился Маназкерт после этих событий. Армянский историк XII в. Маттеос Урхаеци (Эдесский) свидетельствует¹¹, что в 959 г. произошло столкновение между царем Армении и неким Хамдуном. Как полагал французский историк Шлюмберже¹², Хамдун — это эмир Сайф ад-Даула. Нам же кажется, что речь идет о каком-нибудь из полководцев Хамданидов.

Конец феодальной раздробленности Армении в известной степени был положен Ашотом III. Почти все феодалы Армении платили царю дань и во время войны являлись к нему со своими войсками. Ашот III носил титул «Шахан-шах Великой Армении», который впервые получил его дядя Ашот II.

Следует отметить, что одной из важнейших задач, стоявших перед Ашотом III, было присоединение к объединенным армянским областям древней столицы Армении — Двина. На протяжении столетия этот город был яблоком раздора между феодалами, главным образом между Багратидами и эмирами Атрпатакана¹³. После того как Смбат I подавил восстание в Двине, город попал в руки Афши-на Саджида, затем в 10-х годах X в. там утвердился Ашот, сын Шапуха, претендент на престол Армении, однако вскоре он подчинился Ашоту II. В начале 20-х годов Двин перешел к новому эмиру Атрпатакана Субуку, и после его смерти вновь к Саджидам, а в середине X в. городом владели и другие эмиры.

Сразу же после своего воцарения Ашот III сделал последнюю попытку овладеть Двином, но безуспешно, и лишь в конце X в. при царе Гагике I Двин был освобожден. Период царствования Гагика I (990 — 1020) явился временем укрепления царской власти и собирания армянских земель¹⁴. Однако на западе Армении по-прежнему является более опасный враг, чем уже ослабевший халифат, — Византия, которая начиная со второй половины X в. постепенно завоевывает почти всю Великую Армению.

Арабские эмираты в Армении, или же армяно-арабские эмираты в узком смысле этого слова, перестали существовать уже во второй половине X в. Даже сами арабские племена после X в. исчезли без

¹⁰ Sayf ad Daulah, ed. M. Canard, 1934, pp. 76—78. M. Canard, *Les Hamdanides et l'Arménie*, Ann. de L'Inst. d'ét. Or. Alger, 1948, pp. 85—91.

¹¹ Սոհապեղի, Ժամանակագրութիւն, 1898, էջ 3.

¹² G. Schlumberger, *L'Épopée byzantine*, 2-me ed., Paris, p. 222.

¹³ V. Minorsky, *Studies in Caucasian history*, London, 1952, pp. 116—124.

¹⁴ Ասողիկ, Պատմութիւն Տիեզերական, 1885, էջ 255—257, 279—280.

следа, уступив свое место курдам. Так, владения кайситов перешли постепенно к курдскому роду Марванидов, который завладел Маййа-фарикином, Балешом (Бидлисом) и Маназкертом, а после смерти Гагика I курдский род Шаддадидов захватил Двин.

Быстрое исчезновение арабского элемента в Армении показывает, что арабы никогда большими массами не утверждались в Армении, а составляли лишь военную силу, на которую опирались эмиры. Население городов армяно-арабских эмиратов было смешанным. Как свидетельствуют историки и географы того времени, там говорили на трех языках: на армянском, арабском и персидском.

В экономическом и политическом отношении города армяно-арабских эмиратов (Двин, Маназкерт, Хлат) развивались значительно медленнее, чем города собственно Армянского царства (Ани, Карс). Примером тому может служить Двин, экономическая жизнь которого во второй половине X в. пришла в упадок, и многовековая столица Армении превратилась во второстепенный город. Экономическим центром Армении становится Ани — новая столица Багратидов.

Города арабских эмиратов находились на главных караванных путях Армении и тем самым мешали сближению армянских городов и укреплению экономической связи разных областей Армянского нагорья. Следовательно, без уничтожения этих существовавших на территории Армении эмиратов Багратидским царям было бы трудно объединить Армянское нагорье в одно целое.

Однако необходимо отметить, что если эмираты тормозили экономическое развитие городов, то в культурном отношении начиная с IX в. между армянами и арабами замечается некоторое сближение, когда, с одной стороны, начинается бурный расцвет арабской литературы, а с другой стороны, восстановление Армянского царства смягчило враждебное настроение армян по отношению к арабам.

Первый известный нам перевод с арабского на армянский — это перевод Комментария на Евангелие от Иоанна, сделанный по заказу князя Баграта Багратуни сирийским вардапетом Нана в IX в.

При Багратидах и позже при Закаридах повышается интерес к арабской культуре и особенно к медицинской литературе. Древнейшие известные нам переводы медицинских сочинений датируются концом X и началом XI в., т. е. сделаны при царях Гагике I (990 — 1020) и Иоаннесе — Смбаге (1020 — 1043)¹⁵.

Большой интерес представляет армянский перевод сказания о медном городе из «Тысячи и одной ночи». Он дословно не совпадает с арабским текстом. До последнего времени этот перевод датировался началом XIII в. Изданная в 1958 г. новая версия этого сказания, в которой говорится, что перевод был выполнен по заказу Давида Курапалата Тайка, позволяет датировать его концом X в. или же началом XI в. Рукопись обнаружена Н. Акиняном в библиотеке армянской гостиницы в Риме и, по его мнению, является списком XIII в. (приблизительно). По содержанию эта новая версия короче предыдущей, а ее язык является смесью древнеармянского языка (грабара) и среднеармянского разговорного языка.

В дальнейшем, в XII и XIII вв., переводы с арабского языка на армянский встречаются еще чаще, особенно в Киликии, где связь с арабским миром была теснее.

¹⁵ Л. Оганесян, *История медицины в Армении*, II. Ереван, 1946, стр. 45—49.

Т. А. Шумовский

АРАБСКАЯ МОРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ XV ВЕКА

В Институте народов Азии Академии наук СССР готовится критическое издание «Китаб ал-фава'id фй усул 'илм ал-бахр ва л-кава'id» — «Книги полезных указаний касательно основ и правил морской науки», или сокращенно «Книги пользы», составленной между 1475 и 1490 гг. арабским лоцманом 'Ахмадом ибн Маджидом. Это произведение, занимающее в основном списке 176 листов убористого письма, состоит из двенадцати «польз», или разделов следующего содержания:

- I. Происхождение мореплавания и магнитной стрелки.
- II. Профессиональные и этические требования к лоцману.
- III. Стоянки Луны.
- IV. Роза ветров и румбы буссоли.
- V. Древние географы и астрономы.
- VI. Морские маршруты.
- VII. Звездные наблюдения.
- VIII. Управление судном.
- IX. Разные побережья; три категории лоцманов.
- X. Десять величайших островов мира: Аравия, Мадагаскар, Суматра, Ява, Тайвань, Цейлон, Занзибар, Бахрейн, Сокотра, Ибн Джаван (в Персидском заливе).
- XI. Муссоны и плавания.
- XII. Лоция Красного моря.

Разносторонняя тематика и углубленный подход автора к решению каждой темы позволяют характеризовать «Книгу пользы» как энциклопедию морских знаний Востока в XV столетии. Она представляет широкое обобщение многовекового навигационного опыта народов Индийского океана от Восточной Африки до Южного Китая и свидетельствует, что арабская морская деятельность, по-видимому, отличалась наибольшим размахом.

Подготавливаемое издание состоит из трех частей: 1) введения; 2) критического арабского текста и русского перевода с комментариями; 3) указателей. Введение имеет целью кратко изложить историю изучения арабской морской литературы, в общих чертах представить картину развития морского дела у арабов до ислама и в мусульманское время, суммировать впечатления, возникшие в процессе исследования памятника. Русский перевод, сопутствующий критическому разобранному тексту произведения, снабжен комментарием, который охватывает разнообразные области — географию и навигацию, историю астрономии, литературоведение. Этот энциклопедический характер произведения отражен в разностороннем составе полтора с лишним десятков указателей, завершающих издание.

Арабский текст издания «Книги пользы» подготовлен по двум известным в настоящее время рукописям: Национальной библиотеки в

цев в Западной Африке, использовал опыт арабских капитанов Средиземноморья для совершенствования навигационных приборов и уточнения морских карт⁹. Арабское влияние отразилось и в парусной оснастке европейских каравелл. В Индийском океане арабский лоцман 'Ахмад ибн Маджид, приведя корабли Васко да Гамы из Малинди на восточноафриканском берегу в Каликут на побережье Индии за небывало короткий срок — 26 суток, сообщил европейцам о регулярных муссонах в этом обширном районе. Последовавшее за этим завоевание Индии и установление экономической монополии Запада на восточных морях привело к падению традиционной арабской торговли, и 'Ахмад ибн Маджид, для которого отечественное мореплавание, основанное на этой торговле, было делом его жизни, раскаялся в том, что указал европейским путешественникам морской путь в Индию. «О, если бы я знал, на что они способны!»¹⁰ — говорит он в одной из своих последних лодий, хранящихся в недавно изданном ленинградском уникаме. Это вырвавшееся из глубины души восклицание вносит существенную поправку в представление о личности 'Ахмада ибн Маджида, сложившееся на основе изысканий Феррана.

Некоторые успехи, достигнутые в изучении 'Ахмада ибн Маджида, позволяют воссоздать в общих чертах картину его жизни и деятельности. Родился он в 1440 г. в портовом городе Джульфәр в Омани. Отец и дед 'Ахмада, тоже лоцманы, вели род из Неджда в Центральной Аравии и занимались преимущественно каботажным плаванием в районе Красного моря. 'Ахмад мальчиком стал работать на корабле отца, а в 1462 г. выступил со своим первым произведением «Сжатый курс основ навигации». Современной науке известно двадцать пять работ 'Ахмада ибн Маджида, в основном представляющих лоции по отдельным маршрутам. Наиболее значительной частью этого наследства является «Книга польз», оконченная в 1490 г., за восемь лет до участия автора в экспедиции Васко да Гамы. Ферран характеризует эту книгу как наиболее яркое и зрелое произведение арабского мореплавателя¹¹. Действительно, ко времени окончания работы над нею автор имел за плечами около сорока лет деятельности на обширных просторах Индийского океана, и это сделало незыблемыми основные положения ее текста; пятнадцать лет работы 'Ахмада ибн Маджида над этим произведением позволили ему критически отобрать нужный материал. После «Книги польз» наиболее заметным эпизодом в жизни автора было его участие в плавании Васко да Гамы, вскоре после которого, в первые годы XVI столетия, последовала смерть. Деятельность арабского пилота на борту «Сао-Габриэля» воспел стихами «Лузиады» Луиз Камозэнш:

«...Кормчий, правящий кораблем, — в нем не было неправды, он плывет вперед, указывая верный путь плавания; этот путь совершается с большей уверенностью, нежели прежде»¹².

До сих пор в науке считалось, что 'Ахмад ибн Маджид участвовал в европейской экспедиции добровольно, из расположения к иноземным

⁹ Это отмечает Д. А. Ольдерогге. См. Т. А. Шумовский, Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР, М. — Л., 1957, предисловие.

¹⁰ Там же, стр. 39.

¹¹ G. Ferrand, *Shihāb al-Dīn. Enzyklopaedie des Islām*, IV, Leiden — Leipzig, 1927, S. 395; G. Ferrand, *Introduction à l'astronomie nautique arabe*, p. 220.

¹² Luiz Camões, *Os Lusíadas*, canto VI, estrofe V. Русские переводы: Л. Камозэнс, *Лузиады*, СПб., 1788, 1897.

путешественникам. Новейшие данные заставляют предполагать, что он был не свободным человеком, как думали ранее, а вольноотпущенного однажды названо: 'Ахмад ибн ал-Джамāl¹³. Это обстоятельство бросает новый свет на его высказывания и поступки.

Мореплавание, по 'Ахмаду ибн Маджиду, ведет свое происхождение с библейских времен: «суда, исчислявшие течение звезд, плавали по Красному морю еще во времена пророков» («Книга польз», лл. 14 г — 14 v)¹⁴. В этих словах слышится отголосок путешествий в Офир и знаменитого финикийско-египетского перехода вокруг Африки в VI в. до н. э., не говоря уже о более ранних экспедициях в Пунт. Первый корабль — Ноев ковчег; астролябию создал пророк 'Идрис, стоянки Луны и связанные с ними звезды открыты Даниилом, а магнитное склонение — Давидом, «так как он имел представление о железе и его свойствах» (л. 5 v); в последнем замечании отражена распространенная версия о Давиде как покровителе восточной металлургии, нашедшая место и в Коране¹⁵. Особый интерес исторической главы «Книги польз» состоит в упоминании ряда выдающихся лоцманов мусульманского времени, которых 'Ахмад ибн Маджид перечисляет поименно. Здесь, уже на первых листах книги, подчеркивается характерная особенность, пронизывающая всю энциклопедию арабского морехода, — предпочтение личного опыта передаче с чужих слов, традиционному 'иснаду: «они сочинители, а не создатели», — говорит автор о своих предшественниках, указывая, что район их практической деятельности в море был ограничен, а сведения о других странах они получали из вторых рук и поэтому их описания несут в себе порок сочинительства, их данные требуют проверки, тогда как «Книга польз» достоверна именно потому, что с начала до конца основана на личном опыте ее автора.

Тезис проверки личным опытом проходит через всю энциклопедию 'Ахмада ибн Маджида красной нитью. Именно этот тезис, определяющий принципиальное отличие мореходной литературы от производений общей географии, требует от лоцмана обладания сложным комплексом профессиональных навыков и моральных качеств, перечисленных во второй «пользе». Он должен в деталях знать возможности своего корабля и маршрут, по которому пролегает его курс, уметь безошибочно читать безбрежную книгу моря, быть гуманным и беспощадным. Параллельные источники говорят, что подобным условиям должен был удовлетворять идеальный пилот и, по индийским представлениям, таким, например, был Бодисатва из Бхарукаччи, знаменитого в эллинистическую пору порта Баригазы, пилот, версия о котором нашла место в известной работе Сильвана Леви о «Фамаяне»¹⁶.

Генеральная тема энциклопедии 'Ахмада ибн Маджида — описание практических условий навигации на всем протяжении Индийского океана, сугубо прикладная по своему характеру, решается на основе данных опыта. «Знание... опирается лишь на то, что ты испытал сам и видел своими глазами» (л. 59 v). «Нельзя узнать земли, не побывав на ней» (л. 62 г). Характеризуя мореведение как особую область деятельности со своеобразными приемами исследования, автор не однажды

¹³ На титульном листе дамаской рукописи «Книги польз» (готовится к изданию).

¹⁴ Нумерация листов дается по парижской рукописи 2292.

¹⁵ Коран, XXXIV, 10.

¹⁶ «Pour l'histoire du Ramāyāna» par Sylvain Lévi, — «Journal Asiatique», 1918, janvier — février.

подчеркивает: «это наука, основанная на уме и на опыте, а не на передаче» (л. 16 г и др). «Опыт в этой науке составляет все», — указывает он в другом месте (л. 48 г). «Опыт — это то, выше которого нет ничего» (л. 48 v). Эти положения и многие другие, им подобные, отнюдь не декларативные формулы, *façon de parler*; это твердые, жизнью проверенные устои, на которых покоится монументальное здание морской энциклопедии 'Ахмада ибн Маджида, принципы, от которых он не отступает ни в одном из своих многочисленных произведений. Название этой энциклопедии — «Книга польз» — весьма показательна в том смысле, что оно говорит о цели произведения, — это не беспредметное упражнение в стилистике и не сочинение, составленное с чужих слов, а универсальное руководство для моряков, основанное на личном опыте автора и потому способное приносить практическую пользу. Так, вслед за своим знаменитым старшим современником 'Абдаррахманом ибн Халдунем и плеядой других передовых мыслителей 'Ахмад ибн Маджид более всего в своем основном труде выступает как яркая предтеча рационалистов эпохи Возрождения. Если сказания о приключениях Синдбада или персонажей в «Чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрийара облачают арабское мореплавание романтической дымкой и дают лишь его внешнюю картину, то со страниц «Книги польз» встают суровые морские будни, неприкрашенный быт, сама морская действительность в ее истинном виде. Однако в этой прозе есть своя поэзия — любовь к трудной и опасной профессии, которой посвящена вся жизнь, и непрерывное самоусовершенствование.

Топонимический словарь нашего памятника включает в себе 1072 названия, среди которых множество уникальных, т. е. не засвидетельствованных другими историческими документами; в частности, широко разработана топонимика Малайи и островов Индонезии. Отсюда видно, насколько широким был географический диапазон арабских мореплавателей. Почти полную тысячу слов содержит список морских терминов, который, таким образом, может составить серьезное пополнение существующих словарей и в свою очередь говорит о высоком уровне развития навигации. Астрономический отдел в количественном отношении равен терминологическому отделу специального труда 'Абдаррахмана ас-Суфи¹⁷. Большое число именных и литературных ссылок говорит о широком историческом и культурном кругозоре автора, его источниках и личных связях.

Текст энциклопедии 'Ахмада ибн Маджида написан прозой, перемежающейся со 130 стихотворными включениями размером от одной до девятнадцати строк. В этих вставках цитируются стихи известных поэтов, таких, как 'Абу Нувас или ал-'Ахтал, а также малоизвестных; иногда цитаты анонимны. Особую группу составляют выдержки из произведений самого 'Ахмада ибн Маджида. Среди этих произведений чаще других фигурирует «Сжатый курс навигации», законченный в 1462 г. Цитаты позволяют дополнить список 25 сохранившихся произведений 'Ахмада ибн Маджида 13 номерами, о былом существовании которых мы знаем пока только от их автора; из каждого этюда, таким образом, уцелело по одной-две строки, иногда вместе с названием. Следовательно, 'Ахмад ибн Маджид, выдающийся мастер практической навигации, тонкий и взыскательный знаток моря, предстает перед

¹⁷ «Description des étoiles fixes composée au milieu du dixième siècle de notre ère par l'astronome persan Abd-al-Rahmân al-Sûfi. Traduction littérale... avec des notes par H. C. F. C. Schjellerup», SPb., 1874.

нами и как крупный теоретик, автор по меньшей мере 38 мореходных руководств, важнейшее из которых — его энциклопедия — надолго переморя, составляющая содержание последней, двенадцатой, «пользы», как подчеркивает Ферран¹⁸, по точности и подробности данных донныне плаванью.

Материал «Книги польз» столь же богат, сколь и сложен. Один из выдающихся востоковедов XIX в., де Слэн, вообще отказывался от понимания этого памятника, отмечая, что «язык его растянут и насыщен техническими терминами, понятными лишь морякам Индийского океана»¹⁹. Действительно, то, что половину тысячелетия назад было жизненно необходимым, понятным и близким, животрепещущим для многочисленных собратьев 'Ахмада ибн Маджида по профессии, ныне, отдаленное от нас временем, пространством, средой и языком, стало для науки подлинной загадкой, требующей больших усилий для своего разрешения. Мысль автора подчас полускрыта, технические обозначения сплошь и рядом подразумеваются как известные читателю и потому опущены, язык далеко не всегда выдержан в классической норме. Почти каждая строка, иногда едва ли не каждое слово в этом обращении моряка к морякам берутся исследователем с бою. В той области, мимо которой проходили крупнейшие ученые прошлого, конечно, не могут быть сейчас одни безошибочные решения. Однако, несмотря на все эти препятствия, арабистике в нашей стране удалось взять еще один важный рубеж. Опубликование текста «Книги польз» с учетом обеих существующих рукописей и с развитым критическим аппаратом должно явиться шагом вперед, способствующим введению памятников арабской морской литературы в обиход науки. Издание этих памятников, всестороннее выяснение роли моря в исторической жизни Аравии позволят с возрастающей справедливостью оценивать выдающийся вклад, внесенный арабским народом в сокровищницу человеческой культуры. Поэтому изучение и публикацию сохранившихся произведений лощманов 'Ахмада ибн Маджида и его преемника Сулаймана ибн 'Ахмада из Махры в Южной Аравии, прежде всего изучение и публикацию основного свершения арабской мореходной мысли, «Книги польз», следует рассматривать как одну из ближайших задач современной арабистики.

¹⁸ G. Ferrand, *Introduction à l'astronomie nautique arabe*, p. 220.

¹⁹ «Catalogue...», p. 401.

Б. Я. Шустер

ШЕСТОЙ ТОМ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ИБН МИСКАВЕЙХА КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ПОЗДНЕМ ХАЛИФАТЕ

Шестой том «Таджариб ал-умам» Ибн Мискавейха, содержащий большое количество ценных сведений по истории развития социальных отношений позднего халифата, охватывает период 40–80-х годов X в. и посвящен событиям, происходившим главным образом в Месопотамии.

Середина X в. ознаменована упадком власти халифа, начавшимся еще в IX в. Ахмед ибн Буйе (Му'изз ад-даула), захвативший в 945 г. Багдад, сохранил за халифом лишь призрачную духовную власть.

Государством формально управляли буиды от имени халифа, который был совершенно отстранен от участия в государственных делах и лишен своих наследственных земель.

О полном упадке халифской власти говорит интересное послание халифа Мутй' к буидскому эмиру Бахтиару, включенное Ибн Мискавейхом в текст летописи: «Священная война была бы обязательной для меня, если бы мирские дела были в моих руках и я распоряжался бы деньгами и людьми. Однако в настоящее время я владею лишь скудным пропитанием, которого недостает для удовлетворения моих потребностей. Весь мир в ваших руках и во власти ваших наместников, и для меня не обязательны ни священная война, ни паломничество, ни что-либо иное, чем управляли ранее имамы. Вы можете получить от меня только мое имя, которое вы произносите в хутбе со своих мимбаров для того, чтобы успокоить ваших подданных. А если вы хотите лишиться меня и этого права, то я откажусь и от него и оставлю вам всю власть. Мутй' и Бахтиар вели переговоры друг с другом и обменивались посланиями, пока дело не дошло до угроз. Халиф был вынужден принять на себя уплату 400 тысяч дирхемов, для чего продал свои платья и некоторую утварь из своего дворца. Известие об этом разнеслось по всему Багдаду, и паломники, прибывшие из Хорасана, и другие лица, собравшиеся туда из всех краев, узнали, что халиф был подвергнут взысканию. Это вызвало многочисленные порицания»¹.

В середине X в. в халифате продолжали существовать все те виды феодальной собственности на землю и оросительные сооружения, которые сложились еще в период расцвета Аббасидского халифата. С середины X в. наиболее распространенным видом феодальной собственности становится «икта».

Абу 'Абдаллах Мухаммед ал-Хорезми (ум. в 997 г.) в своей энциклопедии «Мафатих ал-улу'м» так определяет термин «икта»: «...Если эти земли называются „ка'аи“ (мн. ч. от „икта“)².

В одном из наиболее ранних источников, «Книге хараджа» Абу Юсуфа Я'куба (731–798), говорится, что халиф имеет право предоставлять земли во владение тому, кто полезен исламу: «Земля играет та же роль, как деньги; так, имам может жаловать деньги из сокровищницы тем людям, которые оказывают услуги исламу, и тем, благодаря которым сила ислама против врагов увеличится... так же обвал этим многих для ислама»³.

В данном случае речь идет не столько о владении самой землей, сколько о пользовании ее доходами. Это подтверждается словами халифа Омара I, мотивирующего запрет раздачи земли завоевателям: «Неужели вы думаете, что эти обширные области — Сирия, Месопотамия, Куфа, Басра, Египет — не должны быть заполнены войсками, которые нужно содержать? Откуда взять им жалованье, если разделить землю и тех, кто ее населяет?»⁴.

Однако, как показывают многие источники, этот запрет был в действительности формальным, и первоначальная форма «икта» это отдача в пользование и самой земли и ее доходов.

Институт «икта» приобрел в середине X в. на всем Переднем Востоке широкое распространение и сыграл значительную роль в развитии феодальных отношений.

Интересные данные о становлении института «икта» и о превращении его в настоящий феодальный лен имеются у Ибн Мискавейха. Эти сведения относятся ко времени правления буидов Му'изз ад-даула (ум. в 967 г.) и 'Адуд ад-даула (ум. в 972 г.) и являются убедительной иллюстрацией того, как первоначальная форма «икта» ат-там-лайк, т. е. собственности и на землю и на урожай, уступает место более развитой феодальной форме «икта' ал-истиглал», т. е. «икта'», при котором во владение даются только доходы с земель.

Развитие этой формы «икта» было связано с поселением в деревне воинов и военачальников наемной армии, так называемых людей джунда. Собственниками земли в отдельных случаях становились и сборщики налогов или другие финансовые чиновники. Однако основную массу «муқта» составляли представители войска, которое было основой могущества буидов.

Ибн Мискавейх показывает, как наемная армия буидов, состоявшая в основном из дейлемитов и тюрков, выросла до огромных размеров, заменив собой армию-ополчение, созывавшееся большей частью для войны с византийцами. С ростом наемного войска все более увеличивалась потребность в деньгах. Первоначально солдатам и военачальникам назначалась рента с земли как гарантия оплаты или как ее часть. Когда рента стала поступать нерегулярно, «людям джунда» стали раздавать земельные владения, с которых они сами должны были собирать налоги. В дальнейшем владельцы «икта» захватили в собственность большие земельные участки и как «муқта» и как

² «Mafatih al-olüm», ed. Van Vloten, Leyde, 1895, p. 28.

³ Abou Yousof Yakoub, *Kitab al-kharadj*, ed. E. Fagnan, Paris, 1921, p. 91.

⁴ Ibid., p. 41. — О «запрещении» раздачи земли халифом Омаром I см.: В. В.

Бартольд, *Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности*, — «Христианский Восток», т. VII, стр. 224–225.

сборщики налогов. Таким образом, произошло своеобразное объединение представителей военной аристократии и фиска. Все доходы с земель поступали в собственность «муқта»; они в ряде областей прекратили уплату налогов в государственное казначейство (бейт алмал).

В период, когда земля еще не представляла полной собственности «муқта», последние стремились прежде всего извлечь из нее наибольшую выгоду. В то время как крестьяне продолжали возделывать землю, к которой фактически были уже прикреплены, положение мелких землевладельцев значительно ухудшилось. Во многих случаях их насильственно лишали земельной собственности или вынуждали к продаже своих владений. Упоминание об этом мы неоднократно встречаем у Ибн Мискавейха. Так, он говорит о вымогательствах хамданидского эмира Насир ад-даула. В обычаях Абу Мухаммеда Насир ад-даула «было притеснять земледельцев, с которыми он заключал арендные договоры (му'амала), и горожан—владельцев недвижимого имущества ('иқар)»⁵. Он обращался с ними несправедливо и затевал тяжбы против них, так что они были вынуждены прибегать к продаже собственности, а он скупал ее по самым низким ценам»⁶.

Показательным для освещения эволюции института «икта» представляется отрывок из VI тома «Таджариб ал-умам». «В этом году [334/945] дейлемиты взбунтовались против Му'изз ад-даула наихудшим образом, открыто оскорбляя его и совершая множество наглых поступков. Он обещал выплатить им жалованье [ризқ] в указанный срок и поэтому недозволенными средствами вынужден был добывать [истахраджа] деньги. Му'изз ад-даула дал во владение [акта'а] своим военачальникам, приближенным и тюркам поместья султана [халифа], поместья тех людей, которые скрылись, поместья Ибн Ширзада и долю казначейства во владениях подданных. Таким образом, большая часть Савада (Ирака) стала свободной от налогов, и рука сборщиков налога не доходила до нее.

Только небольшая часть земель продолжала подвергаться обложению и отдаваться на откуп. Стало излишним существование нескольких диванов, так же как и контроля над ними, и все должности были объединены в одном диване...

Управление в каждом округе было поручено знатным дейлемитам, и они делали этот округ своим жилищем и кормлением [маскинан ва ту'матан]. Их окружали бесчестные финансовые чиновники, кое-как занимавшиеся делом и стремившиеся из года в год перенести [уплату налогов]. Округа, не вошедшие в состав «икта», были пожалованы либо крупным военачальникам, либо служащим диванов и финансовым чиновникам.

Что касается военачальников, то они стремились лишь извлечь прибыли. Когда умножались их богатства, из их рядов выходили мятежники. А если им попустительствовали, их алчность принимала угрожающие размеры и ей не было предела. Что касается служащих диванов, то они были более искусными в обмане султана, чем люди

⁵ Может быть, «насаждения», «сады». См. «Сиасет-наме, книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька», перевод, введение в изучение памятника и прим. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 34, 40, 319. «Му'амала» — Локкегор дает значение терминов «аренда» и «заключение договора» (см. Lokkegaard, *Islamic taxation*, Copenhagen, 1950, pp. 55, 58).

⁶ Н. Т. Amedroz and D. S. Margoliouth, *The Eclipse of the Abbasid caliphate*, vol. II, London — Oxford, 1920—1921, p. 384.

джунда, и прибегали к различным хитростям в приобретении богатства»⁷.

Далее Ибн Мискавейх сообщает о том, что тяжелое финансовое положение и отсутствие денег в казне принудили правителей изменить систему оплаты войска. Раньше войны наемной армии получали щественно в денежной форме. Автор «Мафатих ал-'улум» подробно описывает систему оплаты воинов, которой ведало войсковое ведомство «дйуан ал-джейш». Существовал так называемый черный список имена всех солдат и их жалованье. Однако впоследствии такая система заменялась на специально предназначенных для них землях (тасбйат), доходы с которых целиком шли в их пользование. Вначале эти наделы были временными и могли быть обменены на другие. Исходя из сообщений Ибн Мискавейха и других современных ему источников, можно сделать вывод, что практика обмена разоренных владений на новые была в то время обычной, что отрицательно отражалось на экономическом положении многих областей. «Муқта», зная, что их наделы в любое время могут быть заменены, не заботились об орошении и деньги, предназначенные на восстановление оросительных сооружений, присваивали себе. «Мушрифам» — государственным инспекторам, которые обязаны были наблюдать за расходом этих сумм, они давали взятки»⁸.

Одной из форм «икта», о которой упоминает Ибн Мискавейх, была так называемая «ту'ма»; этот термин можно перевести словом «кормление», довольно точно передающим его лексическое и терминологическое значение.

«Мафатих ал-'улум» дает такое определение термину «ту'ма»: «Ту'ма — когда поместье [дай'а] передается кому-либо, чтобы он возделывал его и платил за него „ушр“. Ту'ма принадлежит человеку в течение всей его жизни, а когда он умрет, исключается из его наследства, а „қатй'а“ достанется его потомкам»⁹.

Ибн Мискавейх говорит о «ту'ма» сравнительно редко. Очевидно, с середины X в. эта форма, являющаяся, по всей вероятности, одним из видов «икта' ал-истиглал», была значительно меньше распространена, чем обычное «икта'».

Из источников, относящихся к этому периоду, видно, что «муқта» фактически стали полными хозяевами своих наделов и управляли ими без всякого контроля. В частности, Ибн Мискавейх неоднократно говорит о том, что широкое распространение «икта'» привело к развалу системы контроля над действиями владельцев «икта'». Чиновники, ведающие наблюдением за оросительными сооружениями, «мушрифы» и другие должностные лица покинули области, находившиеся ранее в их ведении.

Буидские правители принимали различные меры для того, чтобы выйти из кризиса, который достиг значительных размеров. Основной проблемой все еще был вопрос об оплате наемного войска. Делались попытки разрешить этот вопрос путем усиленных поборов с населения, что вызвало ряд народных восстаний. Ибн Мискавейх описывает

⁷ Ibid., pp. 96—98.

⁸ Ibid., pp. 99, 100.

⁹ «Mafatih al-olum», p. 60. — Заслуживает внимания в этом отрывке противопоставление «ту'ма» и «қатй'а».

ет положение, в которое попали буидские правители в связи с невозможностью своевременно уплатить войску: «Вазир Абу-л-Фадл рассчитывал, что он добудет деньги для содержания войска, приближенных и свиты путем взысканий с подданных и купцов и предъявляя им чрезмерные требования. Он начал с зиммиев, а затем дошел и до последователей истинной веры. Он взимал деньги с 'адиелей и уважаемых и знатных горожан. Он рассылал осведомителей и доносчиков, называя, их „амилями“, и назначил им жалованье. Его постоянно проклинали в соборных мечетях, церквах и синагогах, на площадях и в собраниях. Простонародье стало еще больше предаваться грабежам и поджогам... рынки опустели, ремесла приостановились, люди не могли достать воду из Тигра и пили колодезную воду, так что находились как бы в осаде»¹⁰. Одним из способов (кроме поселения «людей джунда» на земли), которыми пользовались правители для разрешения финансового кризиса, была отдача отдельных владений, городов и целых областей на откуп. При этом откупщик должен был выплатить вперед в государственное казначейство установленную специальным финансовым чиновником сумму. Эта система приводила к многочисленным злоупотреблениям и тяжело отражалась на экономическом положении земледельцев. Отдача земли на откуп была известна и применялась ранее. Автор «Книги о харадже» Абу Юсуф Я'куб осуждает эту систему, так как она приводит к разрушению экономики страны, ухудшению положения крестьян, которые часто, не выдержав притеснений, оставляли свои земли.

По свидетельству Ибн Мискавейха и других источников, такие случаи были нередки. Автор «Сиасет-наме» предостерегает откупщиков и сборщиков хараджа, чтобы они не брали сверх законного налога, не требовали уплаты до созревания зерна и во время сбора урожая, чтобы земледельцы не продавали своего имущества за бесценок и не становились бродягами¹¹.

Однако и система откупов не помогла правителям выйти из положения, и они вынуждены были изыскивать новые меры. Рассматривая различные финансовые мероприятия, проводимые буидами и их везирами, Ибн Мискавейх признает, что они не могли ликвидировать глубокого экономического кризиса. Не видя его подлинных причин и не замечая новых сил в феодализирующемся обществе, историк считает причиной изменений систему «иктā'», хотя она в свою очередь является следствием изменения экономики общества.

Он уделяет много места описанию изменений, происшедших в системе «иктā'». Известно, что в середине X в. этот институт получает все более широкое распространение. Следующим шагом к превращению «иктā'» в настоящий феодальный лен было поселение военной знати в областях. Вначале это было временной мерой, направленной на разрешение проблемы оплаты наемного войска. Солдат и военачальников направляли в отдельные селения или области, с которых они сами должны были получать налоги. Таким образом, эта мера была, собственно, одной из форм «иктā' ал-истиглал».

Буидские эмиры и другие феодалы понимали, что оставить в областях владельцев «иктā'» на долгий срок — значит превратить их в самостоятельных правителей. Однако не всегда удавалось отозвать того или иного военачальника из временно пожалованного

¹⁰ Н. Т. Amedroz and D. S. Margoliouth, *The Eclipse...*, pp. 308—309.
¹¹ «Сиасет-наме...», стр. 316.

ему владения. Автор «Сиасет-наме» предостерегает от предоставления излишней самостоятельности «мукта'» и советует: «Следует каждые два-три года сменять 'амилей и мукта', чтобы они не могли укрепиться, создать себе прочное положение и доставить беспокойство»¹². Начальный период поселения «людей джунда» в пожалованных им областях освещен Ибн Мискавейхом, который осуждает это мероприятие как вредное и приведшее к ухудшению экономического положения страны: «Затем Му'изз ад-даула ввел такие порядки, которые стали причиной своеволия тюрков, и те постоянно требовали дач, захватывали области и беспокоили чиновников. Он приказал, чтобы причитающееся им жалованье было распределено между Вапоочередно, чтобы они полностью получили жалованье для себя и для их оставшихся товарищей. Было установлено, что прибывшим выплачивается определенная сумма, пока они не получают полностью свои деньги... Затем они перешли к покровительству [талādжи] мелким земледельцам и таким образом захватили страну, стали относиться с пренебрежением к сборщикам налогов и оказывали покровительство купцам и другим зависящим от них лицам. Власть чиновников ослабела, и тюрки обращали людей в рабство. И это продолжается и увеличивается вплоть до наших дней»¹³.

Упомянутый в приведенном выше отрывке термин «талādжи», или «илтиджā», нуждается в особом объяснении. Процесс, обозначаемый этим термином, играл главную роль в развитии феодальной земельной собственности и в особенности в прикреплении крестьян к земле. Для более ясного понимания сущности этого процесса можно привести следующий отрывок из VI тома труда Ибн Мискавейха: «...прекратилось поступление денег из Васита и Ахваза. А причиной этого было то, о чем мы уже упоминали: своеволие тюрков, их вмешательство в дела чиновников и притеснения, так что те были вынуждены давать им крупные взятки. Тюрки приобретали земельную собственность (амлāк) и оказывали покровительство людям путем „талādжи“ и захватывали деньги, причитающиеся казне. Чиновники стали содействовать тюркским гулямам в получении причитающихся им денег и требовали у них платы так же, как те требовали предназначенное им жалованье»¹⁴.

«Мафāтих ал-'улум'» дает следующее определение термина «талādжи'а» (или «илтиджā», множественное число «талādжи»): «Это если бедняк отдает под покровительство свои наделы богачу, чтобы тот защищал его»¹⁵. Здесь же ал-Хорезми употребляет термин «йғар», поясняя его: «то есть покровительство» химāйа, а это, если отдается под покровительство имение или селение и туда не входит сборщик налогов, а с него [имения] взимается некоторая сумма в год в пользу государственного казначейства в столице или в одной из провинций»¹⁶.

Сущность «илтиджā» (буквально «искание покровительства») и «химāйа» сводилась к тому, что крестьяне, мелкие и средние земледельцы, вверяли свои наделы одному из представителей военно-служилой аристократии. При этом крестьяне превращались или в за-

¹² Там же, стр. 43.

¹³ Н. Т. Amedroz and D. S. Margoliouth, *The Eclipse...*, pp. 172—174.

¹⁴ Ibid., p. 176.

¹⁵ «Maḥāṭih al-olūm», p. 62.

¹⁶ Ibid., p. 60.

висимых издольщиков, или, лишаясь земли, становились бродягами— «аййарами», бежали в горы и болота или пополняли ряды «борцов за веру».

Особого распространения «химайа» достигла при буидах¹⁷, когда формально добровольная, а фактически вынужденная бедностью и бесправием отдача себя под патронат крупным и могущественным феодалам стала массовым явлением. «Покровительство» было вызвано необходимостью защиты от злоупотребления военной аристократии, солдат и фиска. Кроме этого, «илтиджā» было не всегда добровольным и являлось по существу замаскированным выражением наступления феодалов на свободных земледельцев.

Текст Ибн Мискавейха говорит о том, что «илтиджā» было не только экономическим отношением между «покровительствующим» и «покровительствуемым», а включало в себя и личные отношения, т. е. этот институт сыграл определенную роль в прикреплении крестьян к земле.

Из всего изложенного можно сделать выводы:

1) исторический труд Ибн Мискавейха содержит чрезвычайно интересные и малоиспользованные сведения о социальных отношениях в буидскую эпоху и о развитии многих феодальных институтов, в частности «иктā'» и «химайа»;

2) решающим шагом на пути к превращению первоначальной формы «иктā'» в феодальный лен является поселение в областях военной аристократии;

3) внешней причиной этого мероприятия была необходимость изыскания источника оплаты все увеличивающегося наемного войска;

4) одной из переходных ступеней в этом процессе была так называемая «ту'ма», т. е. владение, которое давалось за военную службу до конца жизни, но не было еще наследственным.

5) большую роль в прикреплении крестьян к земле сыграл институт «химайа» («илджā», или «илтиджā»), аналогичный западноевропейской коммендации.

¹⁷ См. работу: С. Cahen, *Notes sur l'histoire de la himaya Melanges Louis Massignon*, vol. I, Damas, 1956, pp. 287—303;

عبد العزيز الدوري تاريخ العراق الاقتصادي في القرن الرابع الهجري، بغداد، ١٩٤٨

З. М. Буниятов

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ БАЗЗ И ШАКИ

Как свидетельствуют средневековые источники, столицей хуррамитов в Азербайджане, во главе которых более 20 лет стоял Бабек, была крепость Базз¹. Во многих источниках название Базз, или Баззайн, имеет различный смысл: страна, область, город, село, гора, горная местность. Так, Табари сообщает, что Базз был «областью и городом Бабека»². Мас'уди пишет: «в горах Баззайн, что в стране Азербайджан» Бабек поднял восстание³. В другом месте он же сообщает, что «страна Бабека Баззайн расположена в Азербайджане, Аране и Байлакане»⁴. У Якута Базз — «область между Азербайджаном и Араном»⁵. Бируни пишет, что «Базз — страна Бабека ал-Хуррами»⁶.

Другие авторы в таком же значении упоминают Базз. Таким образом, можно считать установленным, что Базз — это город-крепость. О его местонахождении существуют разные точки зрения.

Почти все исследователи локализируют Базз где-то в районе Ардебилля. Н. Караулов на своей карте помещал два Базза: «Один на нынешней русско-персидской границе, на месте села Али-абат, а другой, несомненно, называется Алвады»⁷. В. Мьюр полагал, что Базз находился где-то за Ардебилем⁸; М. Томара помещал его между Ардебилем и Араном⁹. В «Очерках истории СССР» говорится, что Базз расположен в стране талышей¹⁰, в «Истории Азербайджана» утверждается, что Базз стоял на северном склоне горы Савалан¹¹. С. Нафиси на своей карте помещает Базз восточнее Балхаба и указывает, что «область Базз, город Базз, гора Базз, или Баззайн, находились близ теперешней

¹ Один только Ибн ан-Надим считает родиной Бабека не Базз, а Билал-абад (كتاب الفهرست، ج I، ص ٣٤٣). Э. Райт полагает, что имя Базз (Баззайн) образовалось из второй части имени Билал-абад (E. M. Wright, *Babak of Badhdh and al-Afshin during the years 816—841 A. D. The muslim world*, vol. XXXVIII, 1948, № 1, p. 46, p. 9).

² Табари, III, 1171.

³ Мас'уди, BGA, VIII, 353.

⁴ Мас'уди, *Мурудж*, II, 235, 247.

⁵ Якут, I, 529.

⁶ تذاكير ديوان الآثار القديمة بالهند من القانون المسعودي لابي الريحان البيروني،

دهلي، ١٩٣٧، ص ٣٦

⁷ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, стр. 61, прим. 44 (далее — СМОМПК).

⁸ W. Muir, *The caliphate, its rise, decline and fall*, Edinburg, 1915, p. 514.

⁹ М. Томара, *Бабек*, М., 1936, стр. 30.

¹⁰ «Очерки истории СССР IX—XIII вв.», М., 1953, стр. 646.

¹¹ «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958, стр. 118.

области Талыш, на восточном краю Муганской равнины и западном берегу Каспия»¹². В этом же духе высказывался и З. Ямпольский¹³.

Как нам кажется, ни одно из указанных мест не соответствует действительному местонахождению города. Для того чтобы подтвердить это предположение, необходимо прежде всего выяснить расстояния между основными населенными пунктами, находившимися на торговой дороге Барда—Ардебиль. Мукаддаси¹⁴ и Ибн Хаукаль¹⁵ оставили нам совпадающие таблицы расстояний между городами, расположенными по этой дороге. Путь от Барзанда до Ардебиля они определили в два перехода, или 14—15 фарсахов. Именно этот отрезок пути нас интересует более всего, так как здесь происходили основные военные действия между арабскими армиями под командованием Афшина и войсками Бабека.

У Ибн Хордадбега мы находим следующее определение расстояний между Ардебилем и городом Базз: «от Ардебиля до Хушша — семь фарсахов; от Хушша до Барзанда — шесть фарсахов, от Барзанда до Садараспа¹⁶ — два фарсаха, от Садараспа до Захркаша¹⁷ — два фарсаха, от Захркаша до Давал-руда¹⁸ — два фарсаха, а от Давал-руда до города Бабека Базза — один фарсах»¹⁹.

Таким образом, от Ардебиля до Базза было около 21 фарсаха, т. е. примерно 145—147 км. Афшин начал наступление от Барзанда, расположенного в семи фарсахках (т. е. около 50 км) от Базза. Однако прежде необходимо ответить на вопрос: в какую от Барзанда сторону шло наступление арабских войск?

Высказанные различными авторами предположения о местонахождении Базза не подкрепляются источниками. Ибн Хаукаль говорил, что «восточная граница области Аран начинается от нижнего течения реки ар-Рас, где расположен город Варсан»²⁰. Граница Арана с Азербайджаном проходила, как известно, по Араксу; следовательно, Базз находился западнее Варсана и, конечно, восточнее нынешнего Ордубада, т. е. где-то в середине между этими двумя пунктами — на территории, замкнутой между реками Араксом с севера, Карасу — с востока, Ахар — с юга и Хаджиларчай — с запада, т. е. в горной области Карадаг. Здесь в бассейне р. Кырсычай-Марзручай находится большая горная область с вершинами Даир-баши, Саграм, Сурадждар-тапа, Кабах-тапа, Сал и др. На этих высотах есть много развалин крепостей. Нам кажется, что одна из развалин и была когда-то Баззом.

Наше мнение подтверждается указанием Райта, что Базз «должен быть близ нового моста и маленького города, называемого Пул-и Ху-даферин, в 90 милях (145 км—З. Б.) северо-западнее Ардебиля»²¹.

¹² سعيد نفیسی — بابک خرم دین، طهران، ۱۳۳۳، ص ۲۸—۲۹.

¹³ З. И. Ямпольский, *Восстание Бабека*, Баку, 1941, стр. 28.

¹⁴ BGA, III, 378.

¹⁵ BGA, II, 251.

¹⁶ В Садараспе, по берегу р. Самбур, находилась первая линия укреплений арабских войск.

¹⁷ В Захркаше, по р. Карасу, находилась вторая линия укреплений арабских войск.

¹⁸ В Давал-руде (Табари: Калан-руд), по р. Саланчай, была последняя, третья линия укреплений арабов.

¹⁹ BGA, VI, 121.

²⁰ BGA, II, 237.

²¹ E. M. Wright, *Babak of Badhdh...*

З. Ибрагимов²² и В. Ф. Минорский полагают, что Базз был в горной местности Караджадаг (т. е. Карадаг)²³. Таким образом, мы не одиноки в своих суждениях относительно локализации города-крепости Базз в этом районе Азербайджана.

Мас'уди оставил нам наиболее точное определение месторасположения Базза: «Аракс течет между страной Баззайн, родиной Бабека ал-Хуррами, в Азербайджане и горой Абу Мусы, составляющей часть страны Аран»²⁴. Н. Караулов, говоря об этой «горе Абу Мусы», пишет, что ему «трудно сказать, какую гору называет автор»²⁵. Однако Абу Муса — это не кто иной, как владетель Байлакана (область Арана), князь Есаи Абу Мусе армянских авторов²⁶ и Абу Муса Иса ибн Юсуф ибн Истифанус арабских источников²⁷. Горой Абу Мусе называлась гора Дири-даг, расположенная на левом берегу Аракса, близ села Халафлу в нынешнем Джебраильском районе Азербайджанской ССР. Это как раз и есть место выхода р. Аракс на Муганскую равнину.

Весной 837 г. Афшин со своим войском выступил из Барзанда по направлению к р. Калан-руд (Кырсычай — Марзручай), протекавшей мимо Базза,²⁸ и приказал на ее берегу окопаться. Здесь Афшин услышал, что военачальник Бабека Адин отправил свою семью на гору, которая господствовала над селом Руд ар-Руд, находившимся в шести фарсахках от Барзанда и в одном фарсахке от Базза. Воины Афшина добирались до Руд ар-Руд, лежавшего на берегу одноименной реки (Легенчай)²⁹, только одну ночь.

После взятия Базза (20 рамадана 222 г. х. / 26. VIII. 837 г.) Бабек бежал через р. Аракс в сторону Арана. Узнав об этом, Афшин написал всем правителям и князьям Арана, Сюника и Армении о том, что Бабек бежал с несколькими людьми³⁰ по ущелью, которое выходило одним концом в Армению, а другим в Азербайджан³¹, и приказал задержать его.

Бабек скрывался в этом ущелье до тех пор, пока у него не кончились продукты. Вместе с ним находились два его брата — Муавия и Абдаллах, мать, последняя жена, по имени Ибнат ал-Каланданийя³², и несколько слуг. Нам кажется, что эта Ибнат ал-Каланданийя была дочерью сюникского князя Васака, на которой он женился после

²² З. Ибрагимов, *Азербайжан халгы дэжушкэн халгдыр*, Баку, 1942, с. 16.

²³ V. Minorsky, *Caucasica IV*, — «Bulletin of the school of Oriental and African studies», 1953, XV/3, p. 505 (далее — BSOAS).

²⁴ Мас'уди, *Мурудж*, II, 75.

²⁵ СМОМПК, вып. XXXVIII, стр. 77, прим. 132.

²⁶ «Histoire des Ardrouni, par le vardapet Thoma Ardzrouni. Trad. par M. Brosset. Collection M. Brosset», vol. I, SPb., 1874, pp. 145—150; Т. И. Тер-Григорян, *К вопросу об «Истории страны Албанской» М. Каланкатуйского*, — Архив Института истории АН АзербССР, инв. № 991, стр. 35; Т. И. Тер-Григорян, *Неизданные страницы «Истории Албанской страны» М. Каланкатуйского*, — Архив Института истории АН СССР, № 1386, стр. 19; М. М. Альтман, *О времени возникновения Ганджи как города*, — Известия АзербФАН, 1940, № 1, стр. 83; С. J. F. Dowsett, *A neglected passage in the history of the Caucasian Albanians*, — BSOAS, XIX/3, 1957, p. 461.

²⁷ Табари, III, 1228. У Ибн-ал-Асира, VI, 326: «Иса ибн-Юнус ибн-Истифанус».

²⁸ Якут, IV, 297.

²⁹ Табари, III, 1195, 1203.

³⁰ Табари, III, 1219; «Chronique de Michel le Syrien, ed. par J.—B. Chabot», vol. IV, Paris, 1924, p. 533; «с девятью своими людьми»; «Bar-Hebraei chronicon syriacum, ed. P. J. Bruns et J. J. Kirsch», Lipsiae, 1789, p. 155: «с 400 своих мужей».

³¹ Табари полагал, вероятно, что русла рек Кырсычай-Марзручай (правый приток Аракса) и Акарачай (левый приток Аракса), впадающих в Аракс друг против друга, были сквозным ущельем, идущим «из Азербайджана в Армению».

³² Табари, III, 1221.

оказания Васаку помощи в борьбе против арабов³³. Именно эта его жена и уговорила Бабека бежать через ее родину в Византию, с императором которой Феофилом Бабек состоял в переписке.

Не подозревая слежки, Бабек и его спутники сделали привал, но на них напал отряд, посланный Афшином. Муавия, мать, жена и слуги были схвачены. Бабеку и Абдаллаху удалось скрыться во владениях князя Сахля ибн Сунбата. Последний пригласил Бабека к себе в крепость³⁴. «Мой дом — твой дом, и я твой раб. Остайся здесь на зиму, а потом решишь, что делать дальше»³⁵, — сказал он Бабеку. Бабек принял приглашение Сахля. Его же брат Абдаллах уехал в крепость Ибн Истифануса.

Поправ закон гостеприимства, Сахль через некоторое время выдал Бабека Афшину. Последний, готовясь к возвращению в Ирак, сказал Бабеку: «Я намереваюсь отправиться с тобой (в Багдад), поэтому ты можешь последний раз посмотреть на то, что ты хочешь на земле Азербайджана». Бабек пожелал взглянуть на свой город³⁶. Афшин отправился в Барзанд, а Бабек в сопровождении людей Афшина в лунную ночь поехал в Базз, где пробыл до утра, затем он был доставлен в Барзанд (10 шавваля 222 г. х. / 15. IX. 837 г.). 3 сафара 222 г. х. / 4. I. 838 г. Афшин передал Бабека халифу Мутасиму в Сурра ман раа³⁷, и в тот же день Бабек был казнен³⁸.

О Сахле ибн Сунбате, владетеле Шаки и Арана (первая половина IX в.), написано несколько статей³⁹. Мы попытаемся выяснить, владетелем какого Шаки был Сахль ибн Сунбат, для того чтобы исправить неточности, допущенные исследователями при определении территории, которой владел Сахль.

Первым, допустившим ошибку при определении месторасположения Шаки, вотчины Сахля, был А. Е. Крымский, считавший, что Сахль «родственно (вернее — свойственно) быть может очень издавна» был связан «с некоторыми княжескими династиями на противоположном, т. е. правом берегу реки (Куры. — З. Б.)»⁴⁰.

Если мы обратимся к источникам, то почти все они, если не прямо, то косвенно, дают понять, что земли Сахля были расположены вблизи от левого берега Аракса. Абу Ханифа ад-Динавари сообщает, что «в то время (837 г.) владетелем земель вдоль Аракса был Сахль ибн Сунбат»⁴¹. Свидетельство Табари о том, что Бабек скрылся «в горах Ибн Сунбата»⁴² подтверждает, что владения Сахля находились где-то поблизости от рек Базарчай или Акарачай. В пользу этого говорит и факт отправки ради предосторожности брата Бабека Абдаллаха

в крепость Ктиш, принадлежавшую Исе ибн Истифанусу, а по данным Мас'уди, р. Аракс была границей между владениями Ибн Истифануса и «страной» Бабека — Баззайн⁴³.

Весьма вероятно, что Бабек был задержан в русле одной из двух упомянутых выше рек, бывшими тем самым «ущельем», которое вело из Азербайджана в Армению и которое было границей между владениями Сахля ибн Сунбата и Исы ибн Истифануса. Таким образом, Шаки надо искать где-то в этом районе.

В. Ф. Минорский также приходит к заключению, что пленение Бабека Сахлем произошло к югу от Куры⁴⁴. Однако В. Ф. Минорский⁴⁵, как и А. Е. Крымский, считает, что Сахль ибн Сунбат мог владеть в IX в. огромной территорией от берега Аракса до отрогов Главного Кавказского хребта. Вероятно, Крымский основывался на недостоверном сообщении Мовсеса Дасхуранци (Каганкатваци) о том, что Сахль ибн Сунбат за услугу, оказанную халифу, «получил верховную власть над Арменией, Грузией и Албанией и правил ими всеми властно и по царски»⁴⁶.

Кроме того, Бабеку, направлявшемуся в Византию, незачем было держать путь на север, ибо единственная дорога в Византию шла через Шаки.

Как мы полагаем, Шаки, которым владел Сахль ибн Сунбат, находился на том месте, где стояла крепость Сахля, а ныне расположено село Шаки (Сисианский район Армянской ССР). Здесь, «в горах Ибн Сунбата», до сего времени сохранились развалины средневековых сооружений, которые ждут своего исследователя.

⁴³ Мас'уди, *Мурудж*, II, 75.

⁴⁴ V. Minorsky, *Caucasica IV*, p. 510.

⁴⁵ Ibid., p. 506.

⁴⁶ Т. И. Тер-Григорян, *Неизданные страницы «Истории Албанской страны М. Каганкатваци»*, — Архив Института истории АН АзербССР, инв. № 1356, стр. 18; С. J. F. Dowsett, *A neglected passage...*, p. 460; «The history of the Caucasian Albanians by Movsēs Dasxuranci», translated by C. J. F. Dowsett, London, 1961, p. 217.

³³ «Histoire de la Siounie par Stepannos Orbélian. Trad. de l'Armenien par M. Brosset», SPb., 1864, pp. 95, 96. Ср.: V. Minorsky, *Caucasica IV*, p. 509; V. Minorsky, *Studies in Caucasian history*, London, 1953, p. 69.

³⁴ Табари, III, 1222.

³⁵ Табари, III, 1223.

³⁶ Табари, III, 1228.

³⁷ Табари, III, 1229.

³⁸ Ибн-Касир говорит, что Бабек был казнен 13 Раби' II 222 г. х. (14.III.838 г.) ابن كثير — البداية، الجزء ١٤، القاهرة، ١٩٣٢، ص ٢٨٥

³⁹ А. Крымский, *Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Шаки*, — Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», М. — Л., 1938, стр. 369—384; V. Minorsky, *Caucasica IV*, pp. 504—514; С. J. F. Dowsett, *A neglected passage...*, pp. 460, 462, 463.

⁴⁰ А. Крымский, *Страницы из истории...*, стр. 378.

⁴¹ ٤٠١ ص ١٩١٢ — ١٨٨٨، ليدن،

⁴² Табари, III, 1222, 1223. ابوحنيفة الدينوري — اخبار الطوال، ليدن، ١٩١٢، ص ٤٠١

Попытаемся показать значение «Хроники» как исторического источника на нескольких примерах.

В первом томе «Хроники» дана подробная биография отца летописца Хасана ал-Джабарти, умершего в 1774 г.⁵ Это жизнеописание заслуживает внимания не только потому, что оно содержит важные сведения, касающиеся самого летописца, но главным образом потому, что оно позволяет сделать ряд интересных выводов о роли в общественной жизни и характере деятельности высшего азхарского духовенства. По свидетельству автора «Хроники», Хасан ал-Джабарти был широко образованный человек, филолог и каллиграф, знаток мусульманского права (фикха) и богослов, математик, физик, астроном и географ, астролог. Это был ученый-энциклопедист, разнообразие научных интересов которого признавали азхарские богословы XVIII в.⁶

В «Хронике» имеется пространный перечень произведений и комментариев к ним, изученных Хасаном ал-Джабарти под руководством известных азхарских улемов, а также приводится текст «диплома», полученного им от шейха Хасана аш-Шурунбулала в связи с успешным завершением обучения. Из этих документов, так же как из перечня сочинений отца летописца, можно сделать вывод, что более других наук внимание Хасана ал-Джабарти привлекали мусульманское право, математика и география.⁷

Хасан ал-Джабарти знал несколько языков. Он говорил по-персидски и по-турецки так, что персы и турки принимали его за своего соотечественника, а его обширная библиотека наравне с книгами богословского и научного (в нашем понимании) содержания включала также исторические сочинения и произведения арабских и персидских классиков («Голестан» Саади, «Шах-наме» Фирдоуси, газели Хафиза, «Калилу и Димну» и т. д.).

Слава о Хасане ал-Джабарти как о крупном ученом и преподавателе распространилась далеко за пределы Египта. К нему в Каир стекались студенты из многих стран. Среди его учеников были дагестанцы, сирийцы, хиджазцы и др. По утверждению автора «Хроники», приезжали изучать математику даже европейцы, использовавшие позднее полученные знания для различных технических усовершенствований.⁸ Молва о его глубоких познаниях дошла до султанского двора, и сам Мустафа III (1757—1773), интересовавшийся математикой и астрологией, равно как и различные высокопоставленные лица Османской империи, включая пашей Алжира и Туниса, состояли с ним в переписке и посылали ему книги из своих библиотек.⁹

Приведенные факты говорят о сравнительно широких интересах преподавателей азхарского университета. Они свидетельствуют также о том, что в период общего культурного упадка арабских стран, наступившего после турецкого завоевания, интерес к «светским» наукам и арабской литературе не исчез совсем, а сохранился среди наиболее просвещенной части высшего мусульманского духовенства.

Из жизнеописания Хасана ал-Джабарти выясняется, что научные занятия не были единственной сферой деятельности азхарских улемов. Хасан ал-Джабарти занимался также торговлей. Он получил по на-

⁵ Ал-Джабарти, т. I, стр. 385—408.

⁶ Там же, стр. 390.

⁷ Перечень сочинений Хасана ал-Джабарти см. Brockelmann C., *Geschichte der arabischen Litterature*, t. II, Leiden, 1938, S. 359, Suppl., S. 487.

⁸ Ал-Джабарти, т. I, стр. 397.

⁹ Там же, стр. 383, 384, 397.

следствию значительную недвижимость (торговый двор, несколько лавок и домов в различных кварталах Каира). Часть этого наследства была передана завещателем в вакф, и Хасан ал-Джабарти некоторую часть доходов обязан был отдавать на содержание школы слепых и другие благотворительные нужды.

Турецкие военачальники не гнушались выдавать своих дочерей за главных азхарских шейхов. Хасан ал-Джабарти женился на дочери Али ага ат-Тури, начальника одного из отрядов очага мутафаррика, а после смерти последнего (1725 г.) унаследовал его должность коменданта крепостей Тур, Суэц и Мувейлах. В доверенные его попечению крепости Хасан ал-Джабарти не поехал, а отправил туда двух своих вольноотпущенников — Али и Османа, а также одного из своих приближенных — Сулеймана ал-Хисафи¹⁰. Овдовев, Хасан ал-Джабарти женился вторично на дочери богатого купца Рамадана Челяби ибн Йусуфа ал-Хашаба, владельца нескольких вакфов, торгового двора, а также нескольких лавок и домов. Таким образом, азхарский улем занимался торговлей, был богат и имел рабов. В другом месте летописец сообщает, что его отец имел множество мамлюков и рабынь и что у него в доме постоянно жили ученики, которых он кормил и одевал.

Особого внимания заслуживает сообщение летописца о том влиянии, какое имел его отец в среде турецко-мамлюкской знати. Али-паша Хакимоглу, Рагиб-паша, Ахмед-паша ал-Кур и другие высшие турецкие чиновники выказывали ему всяческое уважение, делали ему подарки и принимали от него различные жалобы и прошения.¹¹ Так же относились к Хасану ал-Джабарти главные мамлюкские беи: Ибрахим Катхода, Али-бей ал-Кабир и Абд ар-Рахман Катхода, а с Осман-беем Зу-л-Макамы ал-Харири и трижды совершали вместе хаджж. В Египте считали Хасана ал-Джабарти столь влиятельной особой, что египетский правитель Али-бей ал-Кабир, вступивший в конфликт с Осман-беем ибн-ал-Азмом, правителем Сирии, пытался даже прибегнуть к протекции Хасана ал-Джабарти и просил последнего написать султану в его защиту специальное письмо.¹²

Значительный интерес, с точки зрения выяснения роли шейхов некоторых каирских корпораций в общественной жизни Египта, представляет содержащееся в некрологе (третий том хроники) жизнеописание Сулеймана ал-Джавсаки, главы корпорации слепых.¹³ Члены этого сообщества принимали активное участие в политической жизни города и, что особенно важно, в восстаниях 1798—1800 гг. Приведем с небольшими сокращениями жизнеописание шейха: «В 1123 году [1798 г.] умер также выдающийся человек, знаменитый шейх Сулейман ал-Джавсаки, шейх корпорации слепых небольшой мечети, известной в настоящее время под названием аш-Шанавани. Сулейман ал-Джавсаки стал шейхом упомянутых слепых после смерти шейха аш-Шабрави. Он держал себя с ними как храбрый, строгий и могущественный человек и использовал свое высокое положение среди слепых, чтобы скопить большой капитал и приобрести недвижимость. Сулейман скупал по низким ценам зерно, лежавшее без употребления в отдаленных деревнях и предназначенное для раздачи лицам, имеющим право бесплатно получать его, составлял опись и посылал ее мультазимам, требуя от них оплаты

¹⁰ Там же, стр. 391.

¹¹ Там же, стр. 395.

¹² Там же, стр. 309.

¹³ Ал-Джабарти, т. III, стр. 61—62.

зерна в соответствии с его количеством. Мультазимам, которые не соглашались этого делать, он посылал огромную армию слепых, принуждавших их к уплате, и хотя его зерно лежало без употребления, он заключал с ними мировую и назначал за него цену, какую хотел. У него были помощники, которых он посылал к мультазимам в Верхний Египет. Эти помощники пригоняли ему баржи, груженные зерном и другими пищевыми продуктами: медом, сахаром, животным и растительным маслом и так далее, и он продавал это в годы, когда дороговизна была велика, за большую цену на рынках и базарах, находившихся на берегу Нила... Когда умирал кто-либо из нищих, шейх Сулейман ал-Джавсаки, жизнь которого мы описываем, наследовал его имущество. Он забирал себе все то, что собрал покойный, а среди нищих встречались богатые люди. Во всем этом никто ему не препятствовал.

Случилось так, что шейх ал-Хифни рассердился за что-то на Сулеймана ал-Джавсаки и послал за ним. Последнего притащили связанным, с непокрытой головой и по дороге от его дома до дома шейха ал-Хифни, в квартал ал-Муски, били его подошвами по голове и по затылку на глазах у всего народа. Но прошли годы, пришли новые люди, и шейх, жизнь которого мы описываем, вновь занял почетное место в обществе среди знатных людей, которые боялись его власти, прислушивались к его голосу и говорили: «Сказал шейх то-то и приказал шейх то-то».

Шейх ал-Джавсаки стал носить богатую одежду и меховые шубы и ездить верхом на мулах в окружении свиты. Он взял в жены много богатых и красивых женщин и купил себе рабынь — белокожих, чернокожих и эфиопок. Он одалживал знатым лицам большие суммы денег, чтобы они были ему обязаны и испытывали признательность. Так продолжалось до тех пор, пока, возгордившись, он не взял на себя в период французского господства вместе с другими лицами главную роль в подстрекательстве к восстанию. Он был казнен в крепости вместе с другими (руководителями восстания), и неизвестно, где находится его могила».

В приведенном отрывке содержатся любопытные исторические детали. Из них следует, что доходы с вакфного имущества, предназначавшиеся на благотворительные цели (в данном случае речь идет о зерне, собранном с вакфных владений), были предметом различных сделок и спекуляций. Существенно также то, что шейх одной из городских неремесленных корпораций, не принадлежавший ни к мамлюкской аристократии, ни к высшему мусульманскому духовенству, ни к именитому купечеству, пользовался в Каире большим влиянием. Из глав «Хроники» ал-Джабарти, посвященных описанию каирского восстания 1798 г., а также по свидетельству французских источников, шейх ал-Джавсаки был одним из наиболее активных руководителей упомянутого восстания. В целом неблагоприятная характеристика его в «Хронике» ал-Джабарти — не только результат некоторого «аристократизма» летописца. Она отражает также серьезное недовольство высшего каирского мусульманского духовенства той широкой активностью, которую проявили рядовые представители каирского населения в период каирских восстаний 1798—1800 гг.

Наиболее интересной и важной частью «Хроники» ал-Джабарти является третий том, охватывающий события 1798—1805 гг. Вторжение армии Бонапарта вызвало в Египте широкое патриотическое движение. Вот как описывает ал-Джабарти поведение каирских жителей во время приближения французской армии: «Во вторник звуки труб призвали жителей выйти из города и направиться в сторону укреплений. Эти

призывы повторялись ежегодно. Жители запирали лавки и рынки и переселялись в Булак. Члены ремесленных цехов собирали между собой деньги и изготовляли в разрушенных домах и мечетях палатки для защитников города и все то, в чем те нуждались... Некоторые каирцы изъявляли желание взять на себя расходы по содержанию солдат, и среди них были такие, которые снабжали отряды магрибинцев или сирийцев оружием, продовольствием и т. п. Таким образом, жители отдавали приготовлению к борьбе все свои силы и делали все, что могли и что им разрешали их средства. В то время никто ничего не жалел. Но судьба им не благоприятствовала»¹⁴. Мамлюкские правители не сумели как следует организовать сопротивление вторгнувшейся французской армии, и она без большого труда заняла Каир и другие города и провинции Египта.

Ал-Джабарти в «Хронике» сурово критикует политику французских завоевателей в Египте. Начав с изъятия имущества бежавших мамлюков, французские власти постепенно перешли к планомерной конфискации земельной собственности египетских помещиков, и немного времени спустя главным землевладельцем в стране стала французская казна. Жителей городов и деревень облагали бесконечными налогами и контрибуциями, причем власти при их сборе прибегали к самым жестоким средствам. Вот как это описывает ал-Джабарти:

«В этом месяце [раби ас-сани 1215 г./август — сентябрь 1800 г.] строгости при сборе налогов еще больше усилились. Для этого дела был назначен христианин-копт по имени Шукраллах. Нет слов, чтобы описать его жестокости по отношению к жителям. Он приходил в сопровождении французских солдат и рабочих с топорами в руках в дом какого-либо жителя и требовал уплаты налога. Если владелец дома не вносил установленного налога к определенному числу без опоздания, Шукраллах приказывал рабочим ломать его дом и совершал другие жестокости. Особенно ревностно он действовал в Булаке. Там он сажал мужчин вместе с женщинами в тюрьму, окуривал их дымом, сжигая хлопок и коноплю, и применял к ним различные пытки. После этого он возвращался в Каир и действовал здесь таким же образом»¹⁵.

Стремясь привлечь на свою сторону симпатии египтян, Бонапарт и сменившие его на посту главнокомандующего французской армией генералы Клебер и Мену прибегали к широкой религиозной и социальной демагогии. В привезенной в Египет типографии с арабским шрифтом печатались указы, а также специальные листовки и обращения «К египетскому народу». Вот образец одного из обращений Бонапарта:

«Во имя бога милостивого и милосердного. Нет бога кроме Аллаха, нет у него сына и един он в своем могуществе...

Вот уже много веков как привезенная с Кавказа и Грузии клика рабов угнетает самую лучшую в мире страну. Но всемогущий бог, царь вселенной повелел, чтобы их государство было уничтожено.

Египтяне! Вам было сказано, что я приехал в эту страну, чтобы уничтожить вашу религию. Но вы не должны верить этой лжи. Скажите тем, кто распространяет эти слухи, что я прибыл сюда лишь для того, чтобы освободить вас из рук тиранов, и что я больше, чем мамлюки, поклоняюсь Аллаху всевышнему и почитаю его пророка и великий Коран. Повелитель вселенной милостив, милосерден и справедлив, и отныне и впредь всякий житель Египта, при могущественном содействии

¹⁴ Там же, стр. 6.

¹⁵ Там же, стр. 135—136.

всевышнего, сможет занимать высшие должности и добиваться высших почестей. Наиболее образованные, справедливые и умные из вас будут управлять делами, и таким путем улучшится положение всего народа...

Шейхи, кадии, имамы, шурбаджи, знатные вельможи государства! Скажите своему народу, что французы также истинные мусульмане. Доказательством этого является то, что они пришли в Великий Рим и уничтожили власть папы, который постоянно подстрекал христиан к войне против мусульман»¹⁶.

Однако многочисленные обращения Бонапарта и его преемников не имели успеха у египтян. Волна антифранцузских восстаний прокатилась по всему Египту, причем самыми значительными были каирские восстания 1798—1800 гг. «Хроника» ал-Джабарти позволяет воссоздать картину этих восстаний и выяснить социальную принадлежность их участников и руководителей¹⁷.

Разумеется, значение сочинения ал-Джабарти ни в какой мере не исчерпывается приведенными примерами. Задача данной статьи сводилась лишь к тому, чтобы показать, сколь плодотворным для исторической науки явится дальнейшее тщательное изучение заключенного в «Хронике» богатого и разнообразного материала. Значительную помощь в этом отношении должен оказать русский перевод «Хроники», подготовленный к печати сотрудниками Института народов Азии АН СССР.

¹⁶ Там же, стр. 4—5.

¹⁷ О каирских восстаниях см. И. М. Фильштинский, *Каирские восстания 1798—1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти*, — «Советское востоковедение», 1958, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

С. М. Бацеева. Об экономических взглядах Ибн Халдуна	5
О. В. Богушевич. Мухаммад Джемаль ад-Дин аль-Афгани как политический деятель	11
К. А. Бойко. Из рукописного наследия В. Г. Тизенгаузена	21
А. А. Карцев. О культурных и экономических связях России с Арабским Востоком в первой половине XIX века (Из фондов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде)	30
В. А. Крачковская. Редкая рукопись Корана XVI века	38
Л. Е. Куббель. Ранние арабские сведения о Западном Судане и его торговых связях с Северной Африкой	43
Р. Г. Ланда. Национальная революция в Алжире	49
Н. С. Луцкая. Коммунистическая партия Марокко в борьбе за национальную независимость	55
В. В. Матвеев. О северной границе страны зинджей	61
Н. В. Пигулевская. Греческие и сирийские источники по истории северных арабских племен IV—VI веков	64
А. Н. Тер-Гевондян. Арабские эмираты в Армении при Багратидах	71
Т. А. Шумовский. Арабская морская энциклопедия XV века	75
Б. Я. Шустер. Шестой том Всемирной истории Ибн Мискавейха как источник по социальным отношениям в позднем халифате	82
З. М. Бунятов. О местонахождении средневековых городов-крепостей Базз и Шаки	89
И. М. Фильштинский. Хроника Абд ар-Рахмана ал-Джабарти как исторический источник	94

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ
XLVII

Арабские страны

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Е. Б. Полякова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 3/III 1961 г. Подписано к печати 26/VI 1961 г. А-07710
Формат 70×103^{1/4}. Печ. л. 6,5. Усл. п. л. 8,9. Уч.-изд. л. 8,3.
Тираж 1000 экз. Заказ 437. Цена 50 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва И-45, Б. Кисельный пер., 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1961 г. ВЫХОДЯТ В СВЕТ

Краткие сообщения Института народов Азии № 45

Сверчевская А. К., Черман. Т. П. Библиография
Турции

Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана

Ахмет Хани. Мам и Зин

Усāма ибн Мунқиз. Китāб ал-манāзил ва-д-дийār
(Книга стоянок и жилищ)

Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей

МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГА ПРИНИМАЮТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
ЗАКАЗЫ НА ЭТИ КНИГИ

*Книги можно также заказать по адресу:
Москва, Б. Черкасский пер., 2/10, Отдел «Книга—почтой» Академкниги*